

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВА ПОЛЬЗОВАНИЯ ЖИЛЫМ ПОМЕЩЕНИЕМ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫМ ПО ЗАВЕЩАТЕЛЬНОМУ ОТКАЗУ

*Абакумова Екатерина Владимировна,
студентка Юридического института СКФУ, г. Ставрополь,
Лаута Олег Николаевич,
доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института СКФУ*

Одним из сегментов наследственных правоотношений является институт завещательного отказа. Завещательный отказ является одним из самых сложных и вместе с тем неисчерпаемых по юридической силе оснований возникновения гражданских правоотношений. В силу ст. 1137 Гражданского кодекса Российской Федерации наследодатель может возложить на одного или нескольких наследников по завещанию или по закону исполнение за счет наследства какой-либо обязанности имущественного характера в пользу одного или нескольких лиц (отказополучателей), которые приобретают право требовать исполнения этой обязанности. При этом бремя исполнения завещательного отказа несет только тот наследник, на которого он возложен. Завещательный отказ должен быть установлен в завещании. [1]

Значительные трудности возникают тогда, когда завещательный отказ устанавливается в отношении жилого помещения.

Жилищный кодекс РФ, вступивший в силу в 2005 году, закрепил понятие вещных прав в жилищной сфере во втором разделе "Право собственности и другие вещные права на жилые помещения". [2, с. 67] Так, к числу ограниченных вещных прав ЖК РФ отнес пользование жилым помещением, предоставленным по завещательному отказу (статья 33 ЖК РФ), и пользование жилым помещением на основании договора пожизненного содержания с иждивением (статья 34 ЖК РФ). Как показывает анализ правоприменительной практики, дела, субъектами которых выступают отказополучатели в силу завещательного отказа, не получили широкого распространения в жилищной сфере в отличие, например, от договорных отношений, связанных с пожизненным содержанием с иждивением. [3]

Согласно пункту 1 статьи 1137 сущность завещательного отказа заключается в возложении на одного или нескольких наследников по завещанию или по закону исполнения за счет наследства какой-либо обязанности имущественного характера в пользу одного или нескольких лиц (отказополучателей), которые приобретают право требовать исполнения этой обязанности. В соответствии с абзацем 2 пункта 2 указанной статьи на наследника, к которому переходит жилой дом, квартира или иное жилое помещение, завещатель может возложить обязанность предоставить другому лицу на период жизни этого лица или на иной срок право пользования этим помещением или его определенной частью. Таким образом, пользование жилым помещением отказополучателем по завеща-

тельному отказу может приобретать характер постоянного (бессрочного) пользования, если срок пользования жильем определен периодом жизни этого лица. В случае предоставления права пользования жилым помещением отказополучателю определенное количество лет (период жизни отказополучателя) следует сказать, что право постоянного (бессрочного) пользования жилым помещением не возникает.

ЖК РФ устанавливает равенство прав собственника и отказополучателя при использовании жилого помещения, предоставленного по завещательному отказу (пункт 1 статьи 33 ЖК РФ), а также солидарную с собственником жилого помещения ответственность по обязательствам, вытекающим из пользования таким жильем (пункт 2 указанной статьи).

Пункт 1 статьи 33 ЖК РФ гласит, что по истечении установленного завещательным отказом срока пользования жилым помещением право пользования им у соответствующего гражданина прекращается, за исключением случаев, если право пользования данным жилым помещением у соответствующего гражданина возникло на ином законном основании.

Проблематичным, на наш взгляд, представляется определение четкого правового статуса членов семьи отказополучателя. Так, исходя из прав отказополучателя как личных и не передающихся другим лицам по каким-либо основаниям следует, что в случае его смерти члены семьи отказополучателя утрачивают право пользования жилым помещением и подлежат выселению на основании судебного решения. Следует отметить, что при решении вопроса о выселении членов семьи отказополучателя суд может применить положения частей 4 - 5 статьи 31 ЖК РФ о выселении бывших членов семьи собственника жилого помещения при утрате семейных отношений с последним.

Еще одной проблемой является правовое положение членов семьи отказополучателя, проживающих совместно с ним в жилом помещении на основании завещательного отказа. Очевидно, что, исходя из смысла положений семейного законодательства о праве на совместное проживание и ведения общего хозяйства, членам семьи отказополучателя, в том числе несовершеннолетним детям, должно быть предоставлено право на проживание в жилом помещении. [4, с. 101] Действующий Жилищный Кодекс РФ не содержит правовых норм, четко закрепляющих правовой статус членов семьи отказополучателя. Законодатель не дает ответа на принципиальные вопросы: необходимо ли согласие собственника жилого помещения на вселение лиц для совместного проживания

с отказополучателем; какие категории лиц, совместно проживающих с отказополучателем, могут быть вселены с согласия собственника жилого помещения, а какие без согласия последнего?

При возникновении спорных вопросов, по нашему мнению, связанных с определением прав и обязанностей членов семьи, может быть применена аналогия закона, а именно использование положений статьи 679 Гражданского Кодекса РФ, которая определяет порядок вселения граждан, постоянно проживающих с нанимателем. С согласия наймодателя, нанимателя и граждан, постоянно с ним проживающих, в жилое помещение могут быть вселены другие граждане в качестве постоянно проживающих с нанимателем. При вселении несовершеннолетних детей такое согласие не требуется. [5, с. 156] Вселение допускается при условии соблюдения требований законодательства о норме общей площади жилого помещения на одного человека, кроме случая вселения несовершеннолетних детей. Права отказополучателя по завещательному отказу носят личный характер и не могут являться предметом правопреемства в случае смерти отказополучателя, вступившего в права ограниченного пользования жилым помещением после смерти наследодателя.

В заключении хотелось бы сказать, что завещательный отказ выступает формой ограничения (обременения) прав собственника жилого помещения, так как возлагает на собственника, получившего жилье по наследству,

обязанность обеспечить право проживания в нем отказополучателя. Действующее законодательство не содержит правовых предписаний, определяющих правовой статус членов семьи отказополучателя, в связи с чем проблематичной представляется проблема вселения (выселения) граждан для совместного проживания с отказополучателем в жилом помещении наследника.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ [Электронный ресурс]: (ред. от 05.05.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2014)
URL:<http://www.consultant.ru/popular/gkrf/> (дата обращения: 24.09.2014).
2. "Жилищный кодекс Российской Федерации" от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2014)// "Российская газета", N 1, 12.01.2005. 122 с.
3. Бобровская О.Н. Завещательный отказ как основание возникновения жилищного правоотношения // Наследственное право. 2008. N 1.
4. Певницкий С.Г. Некоторые вопросы вещных прав на помещения в отечественном правопорядке // Нотариус. 2005. N 5.
5. Серебровский В.И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. М., 2003. 378 с.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Афанасьев Александр Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права ЧОУ ВПО "Омская юридическая академия", г. Омск

Главной целью правовой системы государства является обеспечение устойчивого комплексного социально-экономического развития всей территории страны с целью постоянного повышения уровня и качества жизни граждан в любом населенном пункте, в т.ч. в сельских поселениях. Такой вывод основывается на анализе ст. 64 и в целом главы второй Конституции РФ, закрепляющих обязанность власти обеспечить на всей территории страны правовой статус личности. Президент РФ В.В. Путин еще в 2007 году отметил, что Россия от этапа политики стабилизации и накопления перешла к политике развития [6, URL:

http://www.intelros.org/lib/putin/preskonf_putin_010207.htm (дата обращения: 21.01.2014)].

Вместе с тем, проблемы которые имеются в процессе жизнедеятельности сельского населения, свидетельствуют о необходимости совершенствования правового регулирования комплекса общественных отношений, составляющих сельскую жизнь. Социологические исследования показывают, что действующая система финансирования и правового регулирования сельской жизни не обеспечивает не только решение накопившихся проблем в

сельских поселениях, но даже текущее исполнение обязательств местного самоуправления перед населением в рамках Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" (далее - Федеральный закон № 131-ФЗ 2003 года). Сельские жители, в подавляющем своём большинстве, или не ощущают изменений к лучшему, или их ожидания не соответствуют реальному положению дел на селе. По данным Центра социальной политики и мониторинга сельского развития ВНИИЭСХ, доля жителей села, указавших на упадок веры в скорое улучшение жизни в деревне, в 2010 году повысилась по сравнению с предыдущим годом до 24,7 процентов (в 2009 году – 20,1 процента), отметивших увеличение числа желающих покинуть деревню – до 28,8 процентов (в 2009 году – 24 процента) [5, с. 17]. Автором самостоятельно были проведены социологические исследования в 2006 и 2012 годах на территории Омской области среди глав сельских поселений, руководителей организаций, предпринимателей, депутатов местных представительных органов власти, тех, кто хорошо знает весь комплекс общественных отношений села. Их итоги в целом подтвер-

ждают наличие большого числа проблем, требующих оперативного решения с помощью права как со стороны местной власти, так и со стороны государственной - субъектов РФ и, в особенности, федеральной. Так, среди опрошенных в 2012 году только 28,9 процентов видят, что государственная социально-экономическая политика реально улучшает жизнь граждан сельских территорий, а 67,7 процентов не смогли привести положительных примеров по реализации принятых решений органами государственной власти и органами местного самоуправления, которые реально улучшили жизнь сельских жителей [3, с. 9-11].

В действующем законодательстве на сегодня, на наш взгляд, не соблюдаются законные интересы жителей сельских территорий и не обеспечиваются уже заявленные государством в Конституции РФ социальные блага сельского населения по обеспечению достойной жизни на любой территории страны. Необходимо согласиться с мнением многих авторов о том, что разрабатываемые законы и различные концепции перехода к устойчивому развитию государства и его отдельных территорий требуют обеспечения соответствующим правовым механизмом достижения обозначенной выше цели [1, с. 54.]. Однако законодательство, направленное на развитие сельских территорий, не отвечает в полной мере данным требованиям. К примеру, анализ федерального законодательства и законодательства субъектов РФ о местном самоуправлении сельских поселений сегодня в большей степени регламентирует основы построения системы органов местного самоуправления, процедурные вопросы организации его деятельности, а потому также нуждается в совершенствовании [2, с. 43-74, 166-168].

Для устойчивого развития сельской территории необходимо, на наш взгляд, совершенствовать механизм оказания финансово-экономической и материально-технической помощи сельским поселениям со стороны государства. Правовая неопределенность в вопросах, какие важнейшие услуги обеспечения жизнедеятельности положены местному населению, и каким образом они должны предоставляться, а также в какие сроки должны устраняться проблемы, мешающие их предоставлению, приводят к субъективизму в оказании конкретной материально-финансовой поддержки сельским поселениям, правовому нигилизму в деятельности органов местного самоуправления, нарушению ряда конституционных прав и свобод человека и гражданина населения многих сельских поселений. К примеру, сегодня в большинстве сельских поселений не обеспечено право каждого на доступ к культурным ценностям в соответствии с ч. 2 ст. 44 Конституции РФ. В Сибирском федеральном округе вопросы такой помощи со стороны государства пытаются решить через призму разрабатываемых каждым поселением программ социально-экономического развития муниципального образования, для чего ученые и практики предлагают интересные методические материалы для их составления, которые, однако, можно учитывать только в форме рекомендаций [8, с. 1-344].

Территория сельского поселения как подсистема государства относится к особому классу материальных живых систем [4, с. 95]. Она живет по социальным законам и является материальным отражением уровня разви-

тия цивилизации в целом. Поэтому в основу правового регулирования финансово-экономической помощи сельскому поселению в современных условиях должен быть положен подход, в комплексе учитывающий состояние основных жизненных благ (медицина, образование, культура, трудовая занятость в сельском хозяйстве, автомобильное либо иное сообщение и другое) и потребность в них у населения. Иначе существование депрессивных территорий (с нерешенными демографическими проблемами, не освоенными землями, получающими большую часть бюджета в виде дотаций и субвенций муниципальными образованиями и т.п.) будет сопровождать Россию еще очень долго. Самая большая опасность - повышение процента асоциальных групп населения в сельских поселениях, которым трудно, а зачастую уже невозможно восстановить трудовые навыки. Они даже в условиях сельской жизни, где есть возможность себя обеспечить продуктами питания, ведут люмпенизированный образ жизни. Такое явление противостоит традиционному жизненному укладу сельского населения России и ранее оно в истории России не было отмечено.

Для анализа и устранения негативных явлений в общественных отношениях в сельских поселениях на основе законов социологии с использованием методологии этой науки необходимо, на наш взгляд, определить социально-экономическое состояние территории каждого сельского поселения.

Для перехода от декларирования в законодательстве задач и целей по повышению качества жизни сельского населения соответственно к их практической реализации и достижению необходимо законодательное закрепление для сельского поселения гарантированной финансово-экономической либо материально-технической помощи особого рода тем муниципальным образованиям, в которых не достигнут минимальный уровень предоставления жизненно важных для населения определенных услуг или не осуществляются определенные виды деятельности. Это может быть установленный в виде минимальных стандартов перечень услуг или конкретных материальных благ (услуг медицины, образования, культуры и связи, строительство и поддержание дорог с твердым покрытием между населенными пунктами, организация банковских услуг, межпоселенческое автобусное сообщение, предоставление животных для ведения личного подсобного хозяйства, организация деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей и другое), финансирование которых ежегодно в установленном порядке и объемах включается в бюджеты сельских поселений с исполнением под гарантию государства в целях поэтапного решения проблем.

Внутренний потенциал любой государственности определяло и будет определять отношение местного населения к своей местной власти и территории. Чтобы местное самоуправление выполнило свою конституционно-правовую функцию, необходимо создать у местного населения уверенность в том, что на территории, где живет гражданин, обеспечивается и гарантируется государством минимальный уровень социально-бытовых условий жизни (социальный стандарт) и, следовательно, с этой территорией можно связывать свою судьбу. Когда население сельского поселения почувствует, что местная власть

непосредственно занимается обеспечением повышения качества жизни, тогда оно будет социально активно во всех вопросах, в т.ч. проявлять большую заинтересованность при выборах местной власти, чем на общегосударственных выборах. Важным фактором для решения проблемы устойчивого развития территории сельского поселения в современных условиях и создания авторитетной местной власти является обеспечение правовых оснований для влияния муниципальных органов власти на основные управленческие решения организаций, осуществляющих свою деятельность на подведомственной территории, являющихся основными налогоплательщиками муниципального образования, обеспечивающих занятость основной части населения (муниципально-частное партнерство). Если таких организаций на территории муниципального образования нет, то совместными усилиями местного населения и государства они должны быть учреждены. Отсутствие в законодательстве права органов местного самоуправления контролировать и влиять на деятельность агропредприятий в сельских поселениях во многих случаях привели к развалу их работы в начале 90-х годов прошлого века.

Обозначенная выше позиция по законодательному закреплению обязанности государства обеспечить минимальный уровень комплексного развития территории для деятельности местного самоуправления сельских поселений основана на том, что государство в важнейших вопросах непосредственного обеспечения жизнедеятельности местного самоуправления признает субсидиарную ответственность и финансирует муниципальные расходы.

В России имеется свой опыт решения вопросов местного значения сельским местным самоуправлением - крестьянскими общинами и земствами, сельскими советами - при мощной поддержке государства по всему спектру социально-экономических проблем сельских территорий [2, с. 88-105]. На наш взгляд, его нужно учесть государству в современных условиях и, особенно, в части правового регулирования финансово-хозяйственной деятельности местного самоуправления сельских поселений. Вместе с тем, в решении задачи комплексного укрепления финансово-экономического и социально-бытового состояния сельских поселений необходимо использовать также опыт экономически развитых стран. Трудно не согласиться с В.Д. Роиком, который объективно доказывает, что РФ пока в этом отношении стоит на "обочине" общечивилизационного развития и не обеспечивает выполнение требований Конвенции Международной организации труда № 117 "Об основных целях и нормах социальной политики" от 22 июня 1962 года, где основополагающая функция государства определяется следующим образом: "...принимать все меры для обеспечения такого жизненного уровня, включая пищу, одежду, жилище, медицинское обслуживание и социальное обеспечение, а также образование, которое необходимо для поддержания здоровья и благосостояния" [7, с. 32-33].

Отмечая важность экономических преобразований в стране, необходимо видеть тесную взаимосвязь экономики с культурой в широком понимании этого социального явления: чем богаче и разнообразнее духовная жизнь населения, тем выше экономический потенциал территории. В сельской местности России сложилась система, в которой сельскохозяйственные предприятия имеют функции, далеко уходящие за их первичные задачи: они все

больше вовлекаются в выполнение несельскохозяйственных функций в интересах местного населения [1, с. 109].

Отсутствие федерального закона об основах государственного правового регулирования сельской жизни, на наш взгляд, на сегодня не позволяет комплексно (т.е. в согласованном режиме) взаимодействовать всем уровням власти, ведомствам и секторам экономики в решении задачи устойчивого социально-экономического развития сельских территорий, предусмотренной социально-экономической политикой РФ. В нормах базовых федеральных законов не учитываются особенности и задачи приоритетного направления государственной политики по развитию села. Каждая сфера жизнедеятельности сельского поселения регулируется отдельными государственными нормативными актами – федеральными законами и законами субъектов РФ, а также на основе законодательства - нормативно-правовыми актами органов местного самоуправления. Поэтому принятый комплексный федеральный закон мог бы установить основные направления и принципы правового регулирования сельской жизни, что позволит императивно обеспечить должный уровень согласованности принимаемых нормативно-правовых актов в отношении села для всех уровней власти, а также прав и обязанностей всех субъектов данных правоотношений.

Список литературы:

1. Артамонов А.Д., Бетин О.И., Богданов И.Я., Гордеев А.В., Мерзлов А.В., Сергеев И.И. Политика развития сельских территорий России: поселения XXI века. – Тамбов: ООО "Издательство Юлис", 2005. - 384 с.
2. Афанасьев А.А. Правовое регулирование сельской жизни в Российской Федерации: Монография – Омск: Издательство ООО «Омскбланкидат», 2012. - 308 с.
3. Афанасьев А.А. Сельская жизнь: вопросы правового регулирования // Вестник Омской юридической академии. - № 2. - 2014. - С. 7-11.
4. Бабурин С.Н. Мир империй: Территория государства и мировой порядок – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2010. – 829 с.
5. Бондаренко Л. Ресурсное обеспечение развития сельских территорий // Аграрная политика: проблемы и решения / АПК: экономика, управление. -2011. - № 3. - С. 11-18.
6. Путин В.В. Материалы пресс-конференции Владимира Путина 1 февраля 2007 года // URL: http://www.intelros.org/lib/putin/preskonf_putin_01_0207.htm (дата обращения: 21.01.2014).
7. Роик В.Д. Социальная модель государства: опыт стран Европы и выбор современной России // Государственная власть и местное самоуправление. - 2006. - № 10. - С. 27-38.
8. Формирование комплексных программ социально-экономического развития муниципальных образований. Учебно-методическое пособие / Под общ. Ред. Т.В. Псаревой. – Новосибирск: Исполнительный комитет (учреждение) Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации "Сибирское соглашение", 2005. - 344 с.

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ В УСЛОВИЯХ ВСТУПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ВО ВСЕМИРНУЮ ТОРГОВУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ И ТАМОЖЕННЫЙ СОЮЗ

Афзалетдинова Гульнара Хасановна

соискатель кафедры теории государства и права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Москва

В настоящее время актуальным для Российской Федерации является укрепление её международных позиций, продвижение её внешнеэкономических интересов, что требует использования соответствующих комплексных правовых средств. Происходящие изменения во внешне-торговой деятельности, интеграционные экономические процессы в международном масштабе, в частности на постсоветском пространстве, активизация международной торговли при помощи стимулирующих правовых средств, расширение рынков сбыта российской продукции, развитие единого экономического пространства с государствами – членами Таможенного союза требует от юридической науки создания теоретической основы правового регулирования данных процессов, что, в свою очередь, окажет положительное воздействие на практику регулирования взаимоотношения Российской Федерации и Таможенного союза.

В этой связи представляется крайне актуальным проведение теоретического исследования использования исключительных правовых режимов в интеграционных процессах - в условиях вступления Российской Федерации в Таможенный союз. Разработка на теоретическом уровне проблем, присутствующих при интеграции Российской Федерации в мировую экономику, без сомнения, окажет положительное воздействие на данные процессы. В процессе наиболее успешной интеграции России в мировое сообщество важное значение отводится исключительным режимам, при использовании которых создаются дополнительные преимущества, что ещё раз свидетельствует о необходимости соответствующей теоретической разработки данного направления.

В связи с тем, что исключительный режим является разновидностью правового режима, то к нему можно с уверенностью отнести высказывание Н.И. Матузова и А.В. Малько о том, что «правовой режим обусловлен прежде всего интересами государства, волей законодателя, а также спецификой и характером общественных отношений, требующих к себе особых подходов, форм и методов правового опосредования, своеобразного юридического инструментария для своей организации» [1, с. 18].

Вопрос повышения эффективности правового регулирования, актуальный для любого современного государства, связан со структурной упорядоченностью правового инструментария, одним из укрупнённых блоков которого являются исключительные правовые режимы. Для того, чтобы уяснить особенности исключительных режимов в условиях интеграции государств на постсоветском пространстве, необходимо определить понятие и основные признаки исключительного правового режима как государственно-правового явления.

Исключительный правовой режим представляет собой специфический порядок правового регулирования,

формируемый с помощью комплекса юридических средств стимулирующей или ограничивающей направленности, создающий для субъектов особые условия для реализации их законных интересов.

Исключительные правовые режимы обладают следующими признаками:

- во-первых, они имеют нормативную основу, закрепляются системой норм, позволяющих регулировать нетипичные, нестандартные, экстраординарные ситуации социального, природно-техногенного и иного характеров;
- во-вторых, позволяют специфическим образом регламентировать конкретные области общественных отношений при помощи дозволений, правовых стимулов (в виде льгот и преимуществ), позитивных обязываний и ограничений (в виде приостановлений и запретов);
- в-третьих, включают систему стимулирующих и ограничивающих средств;
- в-четвёртых, создают особые условия обстоятельства для удовлетворения субъектами своих законных интересов;
- в-пятых, в результате действия исключительных режимов складываются специфические правоотношения.

По мнению Л.И. Цедилина «оздоровление» отечественного бизнеса вследствие присоединения к ВТО вполне может считаться, на наш взгляд, целью и результатом, оправдывающим затраченные усилия и даже временные потери. ВТО в известном смысле обязывает правительства создавать для инвесторов, работодателей, работников и потребителей такую институциональную среду, которая поощряла бы торговлю, инвестиции и создание рабочих мест, а также способствовала бы существованию на рынке возможности выбора и низких цен [2, с. 171].

В этой связи представляется крайне актуальным проведение теоретического исследования использования исключительных правовых режимов в условиях вступления Российской Федерации в ВТО и Таможенный союз.

Правовое оформление и внедрение рыночных методов регулирования внешнеторговой деятельности обеспечили создание базовых условий для постепенной интеграции российской экономики в систему мирохозяйственных связей. Вступление России в ВТО позволяет максимально использовать внешнеэкономические рычаги для осуществления структурной перестройки и модернизации экономики страны. Однако на пути дальнейшей интеграции России в мировое сообщество существует ряд серьёзных препятствий, в связи с тем, что необходимо приведение российского законодательства в соответствии с нормами и правилами, вытекающими из всего комплекса многосторонних соглашений ВТО [3, с. 23]. В процессе наиболее успешной интеграции России в мировое сообще-

ство важное значение отводится исключительным режимам, что требует соответствующей теоретической разработки данного вопроса.

Принцип наибольшего благоприятствования в «правовой системе ВТО» распространяется на экспортные, импортные, транзитные операции, платежи по экспортным или импортным операциям, таможенные пошлины, любые сборы, взимаемые в связи с внешнеторговыми операциями, на все правила и формальности, с ними связанные. По ст. 3 Соглашения по торговым аспектам защиты прав интеллектуальной собственности, применение этого принципа наряду с национальным режимом, предусмотрено в области прав интеллектуальной собственности. На всём пути движения иностранного товара на внутреннем рынке, страны-участницы ВТО этому товару должен предоставляться национальный режим.

Для исключительных правовых режимов, действующих в праве ВТО и Таможенного союза, характерны следующие особенности:

Во-первых, вышеуказанное режимное регулирование создаёт сверхблагоприятные условия для государств, заключивших соглашения о вступлении в ВТО и Таможенный союз.

Во-вторых, способствуют формированию единых подходов универсального характера в процессе интеграции России и мировую экономику.

В-третьих, способствует созданию наднационального права и предполагает приведение в соответствие режимного регулирования во внутреннем праве (российском) с режимными требованиями ВТО и Таможенного союза.

В-четвёртых, предусматривает недопустимость дискриминации иностранных поставщиков товаров и услуг, поступающих из государств, являющихся членами ВТО и Таможенного союза.

В-пятых, свидетельствуют о расширении объема возможностей, в том числе правового и экономического характера для государств-членов ВТО и Таможенного союза, поскольку формами проявления правовых стимулов выступает льготный порядок осуществления финансовой, налоговой, таможенной и иных видов деятельности, с целью упрощения перемещения товаров, благодаря использованию преференций.

В-шестых, способствуют стимулированию экономической деятельности и товарооборота, благодаря использованию в правовом регулировании правовых льгот, создающих законные преимущества, с целью продвижения торговой политики и регулирования рынка товаров (например, нормы главы 41 Таможенного кодекса Таможенного союза [4], регламентирующие таможенную процедуру беспошлинной торговли; положения ст. 318 Таможенного кодекса Таможенного союза, регламентирующие перемещение товаров дипломатическими представителями иностранных государств и др.).

В-седьмых, правовые преимущества устанавливаются в форме льгот-дополнений и льгот-изъятий [5, с. 27].

В-восьмых, способствуют выработке положительной правовой мотивации у государств, являющихся членами ВТО и Таможенного союза (способствуют распространению российских товаров на Европейский рынок,

увеличивают товарооборот, способствуют повышению конкурентоспособности российских товаров).

В-девятых, направлены на достижение социально значимых целей в правовом регулировании внешнеэкономической деятельности.

В-десятых, являются правомерными дополнительными преимуществами для стран, входящих в ВТО и Таможенный союз, путём установления нормативных изъятий.

В-одиннадцатых, создаваемая сверхблагоприятная ситуация распространяется на государства, являющиеся членами ВТО и Таможенного союза и не носит индивидуального характера.

К результатам действия исключительного режимного регулирования для стран-участников ВТО и Таможенного союза можно отнести: открытость и взаимозависимость национальных экономик, резкое возрастание объёмов, интенсивности международной торговли и международного движения капитала, ускорение формирования глобальных финансовых рынков. Стимулирующие средства, преобладающие в данных исключительных режимах способствуют более гибкому регулированию взаимоотношений между государствами-членами ВТО и Таможенного союза, способствуют самоупорядочиванию; предполагает повышение позитивной активности благодаря заинтересованности государств, что при использовании иных правовых средств добиться сложнее.

Вышеперечисленное, свидетельствует об актуальности направления совершенствования исключительных режимов в условиях глобализации и интеграции государств.

В настоящее время действие исключительного правового режима в международных отношениях должно опираться на внутренние экономические, политические, социальные и иные факторы, а также учитывать международно-правовые тенденции.

Список использованной литературы:

1. Матузов Н.И., Малько А.В. Правовые режимы: вопросы теории и практики// Правоведение. 1996. №1. С. 18.
2. Цедилин Л.И. Протекционизм в российской экономической политике: институциональный исторический опыт. – М.: Институт экономики РАН. 2013. С. 171.
3. Павлов А.М. Возможные макроэкономические последствия системных условий вступления во Всемирную торговую организацию: дисс. ... канд. экономич. наук. М., 2003. С. 23.
4. Таможенный кодекс таможенного союза (Приложение к Договору о Таможенном кодексе таможенного союза, принятому решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества на уровне глав государств от 27 ноября 2009 г. №17) №72-ФЗ 16 апреля 2010 г.// Собрание законодательства РФ. 2010. № 50. Ст.6615.
5. Барзилова И.С. Правовые режимы: общетеоретический и отраслевые аспекты: монография / под ред. засл. деятеля науки РФ, докт. юрид. наук, проф. А.В. Малько и докт. юрид. наук, проф. И.С. Барзиловой. – М.: Юрлитинформ, 2012. С. 27.

РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА ЕДИНСТВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Баньковский Артур Евгеньевич

*Канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права
ФГКОУ ВПО «Барнаульский юридический институт МВД России»*

Ключевой составляющей федеративного государственно-территориального устройства признаётся разграничение компетенции между федерацией (её государственными органами) и субъектами федерации (их государственными органами). Двухсотлетняя история развития федеративных отношений выработала несколько способов разграничения компетенции между федерацией и её субъектами (штатами, провинциями и т. д.). В частности, выделяется исключительная, совместная и остаточная компетенция органов законодательной и исполнительной власти федерации и субъектов федерации. Особое значение имеет исключительная компетенция. Она может устанавливаться одновременно за федерацией и субъектом федерации. Конституция РФ устанавливает исключительную компетенцию Российской Федерации и исключительную (остаточную) компетенцию субъекта Российской Федерации (ст. 71, 73 и часть 5 ст. 76).

На сегодняшний день под исключительной компетенцией России принято понимать совокупность предметов ведения и полномочий в сфере общественных отношений, регулирование которых отнесено Конституцией РФ исключительно к федеральным органам государственной власти. Исключительная компетенция Российской Федерации выступает в качестве основной гарантии суверенитета, территориальной целостности, верховенства федерального законодательства, обеспечения единства государственной власти, национальной безопасности, прав и свобод человека и гражданина [1, с. 560].

Конституционный принцип единства государственной власти представляет собой одно из руководящих начал организации и функционирования государственной власти России, выражающееся в единстве социального источника государственной власти, целенаправленном и системном правовом регулировании, взаимосвязи и взаимозависимости законодательных, исполнительных, судебных органов государственной власти (проявляющееся в порядке формирования, компетенции и взаимной ответственности), использовании методов координации и субординации для обеспечения внутренней согласованности и функционирования государственной власти в целом федеративном государстве и его составных частях. Ключевое значение в определении сущности исключительной компетенции имеют два аспекта. Первый. В исключительную компетенцию включаются фундаментальные вопросы организации жизни общества и государства: национальная безопасность, оборона страны и внешняя политика; развитие макроэкономики; регулирование денежного обращения в стране, а также валютное и таможенное регулирование; гражданство и иммиграция; введение общегосударственных стандартов качества продукции; стандарты образования, здравоохранение, правоохранительная система. При этом необходимо отметить, что в научной литературе сформировалось мнение о том, что, предметы ведения федеративных государств практически не отличаются друг от друга [2, с. 13-14]. Второй. Вопросы, входящие в исключительную компетенцию Российской Федерации, сформулированы в закрытом

перечне, не подлежащем бесосновательному расширению.

Рассмотрение сущности исключительной компетенции позволяет увидеть её роль как одной из форм реализации принципа единства государственной власти:

1) исключительная компетенция закрепляется в Основном законе Российской Федерации (ст. 71) и выступает в качестве системообразующего элемента;

2) на основе исключительной компетенции устанавливаются конкретные полномочия отдельных государственных органов, призванных обеспечить единство государственной власти;

3) исключительная компетенция предопределяет своеобразие действия права на территории Российской Федерации: федеральное право «ломает» право субъекта Российской Федерации.

В таком контексте обращает на себя внимание соотношение федерального права и права субъектов Российской Федерации. Приоритет федерального права не означает отсутствие его взаимосвязи с правом субъектов федерации. Право субъектов федерации находится в неразрывном единстве с федеральным правом, в частности потому, что совместная и остаточная компетенция как бы продолжают заданное направление, обеспечивая целостность государства и единство государственной власти. Такую модель принято называть кооперативным федерализмом [3, с. 142]. К сожалению, на практике обеспечение единства государственной власти происходит через расширительное толкование исключительной компетенции, несмотря на установление Конституцией России закрытого перечня вопросов ведения. В подтверждение этому можно привести правовую позицию Конституционного Суда РФ, высказанную в Постановлении Конституционного Суда РФ от 4 марта 1997 г. №4-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона от 18 июля 1995 года «О рекламе»». Суть дела состояла в том, что Законодательное собрание Омской области и Московская городская дума выразили сомнение в конституционности статьи 3 ФЗ от 18 июля 1995 года «О рекламе» (в настоящее время утратил силу, в связи с принятием нового ФЗ «О рекламе»). Данная статья указывала, что законодательство о рекламе состоит из вышеназванного закона и принятых в соответствии с ним других федеральных законов [4]. Требуя признать это положение не конституционным, Московская городская дума в своем запросе исходила из того, что законодательство о рекламе не упомянуто ни в статье 71 Конституции России (т. е. предметы ведения Российской Федерации), ни в статье 72 (предметы совместного ведения Российской Федерации и её субъектов). Соответственно, этот вопрос необходимо относить к исключительному ведению субъекта Российской Федерации. Российская Федерация, приняв Федеральный закон «О рекламе», вторглась в вопрос исключительного ведения субъекта Федерации. При этом не была предусмотрена возможность издания субъектами Российской Федерации нормативных актов по вопросам, урегу-

лированным данным законом. Соответственно высказывалось мнение о признании настоящего положения не конституционным. Законодательное Собрание Омской области придерживалось позиции, что законодательство о рекламе относится к законодательству о культуре. В силу пункта "е" части 1 статьи 72 Конституции РФ оно является предметом совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Следовательно, в сфере отношений, урегулированных Федеральным законом "О рекламе", субъекты Российской Федерации могут принимать собственные законодательные акты [5]. Мнение Конституционного Суда оказалось противоположным: он признал статью 3 Федерального закона «О рекламе» не противоречащей Конституции Российской Федерации. Причиной такого решения стало следующее толкование Конституции РФ. Все стороны исходили из положений статей 71-73 Конституции Российской Федерации. Только, если Московская городская дума подходила к рассматриваемому вопросу строго формально, то Конституционный Суд в основу решения положил конституционные положения, связанные с установлением правовых основ единого рынка, что относится к компетенции федерального законодателя (п. «ж» ст. 71 Конституции России). Единство экономического пространства, как указывал Конституционный Суд, не может быть достигнуто без создания единой информационной системы рынка. В этом смысле реклама (рекламная информация) составляет основу такой информационной системы. Более того, право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию закреплено в части 4 статье 29 Конституции Российской Федерации и относится к основным правам и свободам человека и гражданина, регулирование которых в силу пункта «в» статьи 71 Конституции Российской Федерации находится в ведении Российской Федерации [5]. Следовательно, противоречий статьи 3 Федерального закона от 18 июля 1995 года «О рекламе» с Конституцией РФ не наблюдается.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что стремление федерации регулировать как можно большую часть различных общественных отноше-

ний, даже если они формально не закреплены за ней, свойственны для России, характеризуя её как централизованную Федерацию. Такое превалирование конституционного принципа единства государственной власти вполне обоснованно, так как любое государство сталкивающееся с проблемой сепаратизма и повышением самостоятельности регионов стараясь противостоять этому любыми способами, основным из которых является способ «замыкания» большей части вопросов общественной жизни на федеральных органах государственной власти. В данном контексте нельзя утверждать, что такое положение дел является негативным. Акцентирование внимания на исключительной компетенции Федерации, в ущерб совместной и остаточной компетенции, с целью обеспечения единства государственной власти не является отличительной особенностью лишь России. Это особенность развития большинства федераций в первые десятилетия их существования [6, с. 196].

Список литературы:

1. м.: Зорькин, В. Д., Лазарев, Л. В. Комментарий к Конституции Российской Федерации. М. : Эксмо, 2009. – 1056 с.
2. См.: Ковачев, Д. А. Разграничение предметов ведения между федерацией и её субъектами в зарубежных странах. М. : ИНИОН РАН, 1995. – 35 с.
3. См.: Добрынин, Н. М. Федерализм: историко-методологические аспекты. Новосибирск: Наука, 2005. – 368 с.
4. См.: Федеральный закон от 18.06.1995 года №108-ФЗ «О рекламе» // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1995. №30. Ст.2864.
5. См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 4 марта 1997 года №4-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона от 18 июля 1995 года «О рекламе»» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. №11. Ст. 1372.
6. См.: Фарушкин, А. М. Судебное регулирование федеративных отношений. М. : РИОР, 2010. – 310 с.

МІЖНАРОДНІ ЕКОНОМІЧНІ ВІДНОСИНИ МІЖ УКРАЇНОЮ ТА МВФ У 2014 РОЦІ: ЕКОНОМІКО-ПРАВОВІ НАСЛІДКИ ДЛЯ УКРАЇНИ

Дудченко І.М.

студентка юридичного факультету ДВНЗ «КНЕУ ім. В. Гетьмана»

Анотація. В статті досліджено актуальні відносини України з Міжнародним валютним фондом навесні 2014 року з приводу кредитування держави з метою виходу із кризи та стабілізації економіки. Автором досліджено основні умови позики МВФ, проаналізовано їх відображення у засобах масової інформації та у тексті угоди, а також визначено економіко-правові наслідки виконання даних умов Україною.

Ключові слова. МВФ, зовнішнє кредитування, умови позики, міжнародні економічні відносини.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ УКРАИНОЙ И МВФ В 2014 ГОДУ: ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ УКРАИНЫ

Аннотация. В статье исследованы актуальные отношения Украины с Международным валютным фондом весной 2014 года по поводу кредитования государства с целью выхода из кризиса и стабилизации экономики. Автором исследованы основные условия займа МВФ, проанализировано их отображение в средствах массовой информации и в тексте соглашения, а также определено экономико-правовые последствия исполнения этих условий Украиной.

Ключевые слова. МВФ, внешнее кредитование, условия займа, международные экономические отношения.

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS BETWEEN UKRAINE AND THE IMF IN 2014: ECONOMIC AND LEGAL CONSEQUENCES FOR UKRAINE

Abstract. *The research of the article is focused on the actual relations between Ukraine and the IMF in Spring 2014 concerning the crediting of the state with the purpose of finding the way out of crisis and stabilizing the economy. The author has studied key terms of the IMF loan, analyzed their reflection in media and in the agreement, and also defined the economic and legal consequences of performing the conditions by Ukraine.*

Key words. *the IMF, external crediting, terms of loan, international economic relations.*

Вступ. Актуальність даної теми неможливо недооцінити, оскільки Україна переживає етап всеохоплюючих змін та вибору подальшої стратегії розвитку, використання фінансових ресурсів, зокрема. І, в першу чергу, традиційно постає питання оздоровлення економіки України, а саме регулювання державного боргу та дефіциту бюджету держави. Стан української економіки не відповідає бюджету, ухваленому тимчасовим режимом, із дефіцитом зведеного бюджету близько 64 млрд. грн. І хоча після помітної девальвації гривні можна очікувати на поступове зростання надходжень до бюджету, цього буде недостатньо. Окрім задекларованих прагнень знищити всі тіньові схеми розкрадання бюджетних коштів, перегляду потребує і сам бюджет. При цьому метою залучення іноземних позик, як стверджують економісти, є рефінансування старих боргів з метою вивільнення часу на проведення реформ, для того, щоб коли настане термін погашення кредитів, отриманих тепер, повертати їх із більших обсягів економіки, досягнутих завдяки реформам, а не з нових позик. [4]

Не викликає сумнівів питання доцільності залучення кредиту МВФ, оскільки Україна, будучи учасником цієї міжнародної фінансової інституції з 1992 року, має позитивний досвід співпраці із нею, і, навіть, звичайна економічна логіка свідчить про те, що одержання кредиту МВФ є вигідним для України із погляду простої економії. На сьогодні гроші МВФ – одні з найдешевших для України. Наприклад, якщо порівнювати їхню вартість із російським кредитом, отриманим у грудні 2013 року, то ціна відрізняється майже удвічі, за даними досліджень Forbes Україна [3]. При цьому, погоджуючись на умови кредитування МВФ, Україна бере на себе зобов'язання йти шляхом необхідних реформ, таким чином, отримуючи подвійну вигоду, хоча і докладаючи потрібних зусиль.

Постановка завдання. Аналіз ЗМІ дозволяє оцінити точку зору України та інформацію, яка надається безпосередньо населенню з приводу поточних відносин з МВФ. Очевидно, що надання чималих грошових позик зобов'язує Україну не тільки повернути їх у майбутньому, а й використати кошти на користь та на розвиток і оздоровлення економіки, попередньо виконавши певні умови, на яких здійснюється кредитування. Далі, будь-які умови, які ставляться перед державою як суб'єктом міжнародних економічних відносин передбачають а) відображення на населенні держави; б) прийняття відповідних законодавчих актів, внесення змін до чинного законодавства з метою легітимізації виконаних умов у тій чи іншій сфері. Отже, надалі зосередимо увагу на умовах, висунутих до України в межах переговорів із МВФ та на відображенні даних умов у необхідних змінах до законодавства України.

Результати. Упродовж березня 2014 року відбувалася активна діяльність місії МВФ в Україні, що мало своїм результатом досягнення домовленості 26 березня 2014 року. Відповідно до інформації опублікованого прес-релізу, на порядку денному переговорів було здійснення пошуку рішень для макроекономічної стабілізації та підтримки економічних реформ в Україні. У далекоглядному результаті співпраці було намічено покращення функціонування фіскальної системи України, відновлення доступу державного і приватного сектора до міжнародних ринків капіталу, збільшення припливу прямих іноземних інвестицій. Таким чином, основними напрямками переговорів було два: реформи спрямовані на стабілізацію грошово-фінансової системи і реформи в сфері енергетики. Обговорювані умови кредитування МВФ України передбачають наступне реформування економіки: а) забезпечення стабільності роботи всіх учасників фінансового ринку, здійснення моніторингу рівнів ліквідності; б) формування гнучкого обмінного курсу; в) забезпечення повернення заборгованості з відшкодування ПДВ; г) підвищення роздрібних тарифів на газо- і теплозабезпечення до економічно обґрунтованих; д) реструктуризація та розроблення нової схеми управління НАК “Нафтогаз”.

Основні вимоги МВФ до України, як передумови надання грошової позики були висвітлені в українських ЗМІ наступним чином. Умови були згруповані у близько 10 положень, серед яких скорочення кількості міністерств та посад у КМУ, обмеження оплати праці держслужбовцям, обмеження соціальних виплат, підвищення пенсійного віку, скасування пільг та підвищення податків на транспорт на 50%, непідвищення прожиткового мінімуму, приватизація шахт та скасування субсидій, підвищення цін на газ, скасування мораторію на продаж сільськогосподарських земель та субсидій для виробників свинини і курятини, обмеження практики спрощеного оподаткування. Проте, підтвердженими положеннями проекту угоди між Україною та МВФ є лише наступні чотири вимоги: 1) налагодити валютно-курсову політику і стабілізувати фінансовий сектор; 2) скоротити витрати і дефіцит бюджету до 3-4% від ВВП; 3) відкоригувати тарифи на енергоносії та, водночас, запровадити адресні субсидії; 4) провести реформи, які забезпечать поліпшення бізнес-клімату і стійкий економічний ріст.

Традиційно українські ЗМІ практикують гіперболізацію напруження відносин сьогодні, тому із юридичної точки зору необхідно проаналізувати реальні домовленості, які було виражено у законодавчих актах про внесення змін до деяких законів України. Це, перш за все, Закон України “Про запобігання фінансової катастрофи та створення передумов для економічного зростання України” та Закон України про внесення змін до Закону України “Про державний бюджет України на 2014 рік” від

27 березня 2014 року. Першим нормативно-правовим актом передбачені зміни до Податкового кодексу України, Закону України “Про збір на обов’язкове державне пенсійне страхування” (збір 0,5 % від суми операцій з купівлі іноземної валюти в безготівковій та/або готівковій формі), Закону України “Про банки і банківську діяльність”, Закону України “Про прокуратуру” (зменшення штату), Закону України “Про державну допомогу сім’ям з дітьми” і ще ряду законів [2], зміни до яких можна об’єднати в дві групи – ті, що передбачають зменшення чисельності штату та ті, що переглядають розміри та підстави надання пільг та соціального забезпечення, чим сприяють виконанню вимоги МВФ щодо скорочення витрат та дефіциту бюджету. Другий акт внесення законодавчих змін передбачає внесення змін до Державного бюджету, а саме сум доходів, видатків, граничного обсягу дефіциту та державного боргу тощо.[1]

Звернувшись до порівняння міжнародних економічних відносин між Україною та МВФ у 2014 році та попереднього кредиту МВФ на основі Меморандуму про співпрацю з МВФ 2010 року (Меморандум про економічну та фінансову політику), відзначимо основні відмінності та деякі спільні риси. Основними умовами отримання позики МВФ у 2010 році було зміцнення фіскальної стабільності, ухвалення держбюджету з дефіцитом до 6% ВВП та рекапіталізація банків. Умовам кредиту відповідали структурні реформи пенсійної системи, суспільного адміністрування і податкової системи. Передбачалось зміцнення фінансового стану газового сектора, зокрема шляхом реформи внутрішніх цін, але водночас із програмою захисту вразливих прошарків за допомогою цільових соціальних програм. Щодо банківської системи, то прогнозувалося, з-поміж іншого, підвищення незалежності і відповідальності Національного Банку України. Натомість зараз на порядку денному переговори з МВФ не було питань, безпосередньо пов’язаних із банківською діяльністю в Україні, що може свідчити про достатній (хоча і не стовідсотковий) рівень стабілізації відносин на ринку банківських послуг за 4 роки. Проте традиційно від України вимагається досягнення фіскальної забезпеченості та зменшення дефіциту бюджету до належного рівня. Окрім цього, спільними проблемними питаннями залишаються питання удосконалення та раціоналізації системи адміністрування в державі, а також регулювання діяльності у газовому секторі, зокрема, діяльності НАК “Нафтогаз”. Позика 2010 року не призвела до стрімкого розвитку чи негайного виходу із кризової ситуації, проте підтримка та почуття впевненості на міжнародній арені завдяки співпраці з МВФ безперечно мали результат, як мінімум - рефінансування існуючих кредитів, нагляд за емісією гривні та бюджетною дисципліною, недопущення прогнозування дефіциту більше ніж 5% ВВП, пенсійна реформа, стабілізація банківської системи тощо.[4]

Висновки. Таким чином, переговори березня 2014 завершені і на поверхні лежить реальна перспектива підписання Меморандуму про співпрацю України з Міжнародним валютним фондом, що прогнозує можливість виділення Україні кредиту у 14-18 млрд. дол. за

програмою stand-by, що розрахована на 2 роки та передбачає програму реформ, які оздоровлять та стабілізують економіку країни, а також розблокують фінансову допомогу від широкого кола фінансових організацій у найближчі строки. Під цим - приховані наслідки як соціально-економічного, так і правового характеру. З-поміж перших - підвищення тарифів, акцизів, ставок податків та зборів, скорочення пільг, субсидій, соціальних видатків, запровадження збору за купівлю валюти, обкладання більшим податком доходів великого монопольного бізнесу, “замороження” рівня прожиткового мінімуму тощо; серед других – власне зміни законодавства та відповідно до них скорочення апарату управління (на даний момент – лише штату держслужбовців, в перспективі – скорочення кількості міністерств та реформування системи органів державної влади та органів місцевого самоврядування).

За даними на початок місяця, 1 травня 2014 року МВФ прийняв остаточне рішення про виділення Україні кредиту в розмірі 17 мільярдів доларів за програмою stand-by, перший транш за якою відповідно надходить протягом найближчих двох днів.

В цілому, оцінюючи досягнення перемовин з МВФ на сьогоднішній день, не можна не відзначити, що ще зарано стверджувати про вирішення всіх фінансових проблем України та, навіть, про далекоглядну перспективу їх вирішення. Наразі все залежить від ефективності та поміркованості підходу українських управлінців, аналізу досвіду зарубіжних країн та уникнення повторення своїх та чужих помилок. Немає сенсу звинувачувати міжнародні фінансові інституції у висуненні надміру жорстких, як їх часом висвітлюють, вимог та стверджувати про загрозу безробіття та зuboжіння населення, надмірне підвищення податків та тарифів, стагнацію експорту та інше, оскільки вихід держави із кризи чи її поглиблення – справа, підвладна виключно її суверенітету та прагненню сумлінно здійснювати свої функції і бути відповідальною перед своїми громадянами.

Список використаних джерел:

1. Закон України Про внесення змін до Закону України "Про Державний бюджет України на 2014 рік" // Відомості Верховної Ради. – 2014. - № 18-19. - ст.694
2. Закон України “Про запобігання фінансової катастрофи та створення передумов для економічного зростання в Україні” // Відомості Верховної Ради. - 2014 р. - № 20-21. - ст. 745
3. Кравченко В. Меморандум з МВФ: головні параметри та зобов’язання// Forbes Україна. - [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://forbes.ua/ua/nation/1368376-memorandum-z-mvf-golovni-parametri-ta-zobovyazannya>
4. Долиновська О. Співпраця України з Міжнародним валютним фондом та перспективи розвитку економіки держави//Електронне наукове фахове видання "Ефективна економіка". - [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.economy.nayka.com.ua/?op=1&z=1401>

РОЛЬ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Дудырин Денис Сергеевич

ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарева», г. Саранск

Биряева Анастасия Владимировна

Старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права

ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарева», г. Саранск

В то время как во всем мире научно-технический прогресс набирает обороты, а информация и знания становятся наиболее влиятельным фактором в современном обществе, все большую роль в получении образования играют дистанционные технологии.

Но прежде, чем приступить к обсуждению преимуществ и недостатков образования в сфере дистанционных технологий, попытаемся раскрыть суть данной дефиниции. При анализе российского законодательства в ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», а в частности в п. 1 ст. 16, были найдены две дефиниции, подходящие к теме нашего исследования. «Под электронным обучением понимается организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников. Под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников».

Итак, термин дистанционное образование включает в себя широкий спектр образовательных программ и курсов, начиная от курсов повышения квалификации, которые не имеют аккредитации, и заканчивая аккредитованными программами высшего образования. Обобщает многообразие этих услуг то, что для эффективного взаимодействия преподавателя и обучающегося используется целый набор инструментов, включая интерактивные компьютерные программы, Интернет, электронную почту, телефон, факс и обычную почту.

Однако у данного способа получения образования существуют свои достоинства и недостатки. Хотелось бы начать с плюсов. Во-первых, дистанционное образование выступает прекрасной возможностью каждому повысить уровень знаний для более успешного выполнения возложенных на человека обязанностей, повысить свою квалификацию. Это, безусловно, играет огромную роль в современном мире, так как, чтобы оставаться востребованным на рынке труда, необходимо постоянное повышение навыков, приобретение новых знаний и получение необходимого опыта. А возможность при этом совмещать свою трудовую деятельность и получение образования мы также отнесем к положительным аспектам дистанционного обучения.

Во-вторых, дистанционное образование – один из способов получить второе высшее образование. Второе

высшее образование имеет несколько позитивных моментов: оно позволяет, в условиях современной рыночной экономики, оставаться рентабельным, повысить уровень своих знаний и, при необходимости, сменить свою специализацию.

В-третьих, использование дистанционного образования целесообразно для обучения лиц с ограниченными возможностями, которые не могут обучаться совместно с остальными. Как указано в статье 7 Конституции РФ «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Возможность получать образование лицам, которые в обычных условиях не могут получать знания, безусловно, полностью соответствует данной статье основного нормативно-правового акта РФ и не нуждается в излишних комментариях.

Ну и, в-четвертых, у обучающегося вырабатываются навыки самостоятельной работы, на которую даже при очной форме обучения сейчас приходится около 70 % времени. Как относится к данной тенденции – вопрос не простой и решить его необходимо каждому, но факты говорят сами за себя: болонская система вытесняет наиболее эффективную – советскую систему образования, которая считалась лучшей во всем мире.

Изучив нормативно-правовые акты и разнообразную литературу по данной тематике, нами были выявлены следующие недоработки практиков и теоретиков по данному вопросу. К ним, безусловно, относится качество получаемого образования. У этого есть несколько объективных причин. Во-первых, отсутствие непосредственного общения с лектором не способствует лучшему получению и усвоению знаний. Ведь непосредственный контакт с педагогом – неотъемлемый аспект эффективного обучения.

Во-вторых, трудности с объективной оценкой знаний студентов. Ведь большинство форм отчетностей при дистанционном образовании также сдаются не непосредственно преподавателю, а через различные устройства и идентифицировать того, кто именно отвечает на вопросы достаточно сложно, а в некоторых случаях и не возможно, да и просто оценить реальный уровень знаний представляется делом непростым. Но не будем заострять внимание на этом аспекте, так как в крупнейших ВУЗах страны эта проблема решается путем проведения вебинаров (онлайн-семинаров).

В-третьих, усердность обучающегося и то время, которое он уделяет на образование полностью лежит на совести самого студента. И в большинстве случаев происходит такая ситуация, что реальных знаний лица, обучающиеся при помощи дистанционного образования, не получают. Объяснить это можно нежеланием отдавать большую часть свободного времени обучению, да и простой человеческой ленью. Выходит, что дистанционное

образование в определенном количестве случаев превращается в формальность и сводится лишь к получению документа, подтверждающего у лица наличие определенных навыков.

К достаточно весомым недостаткам дистанционного образования относится все еще недостаточная интерактивность современных курсов дистанционного обучения. В российских ВУЗах содержательную основу курсов составляют лекции в виде текстовых материалов и простейших графических объектов и контрольных точек в виде тестовых знаний. Для максимальной эффективности курсов дополнительного образования необходимо использование наиболее высокоуровневых компьютерных и интернет-технологий (анимации и мультимедиа средств, видеоконференций и on-line систем распределенной работы и т. п.). При этом следует отметить и «эффект обманчивой простоты и прозрачности современных интернет-приложений и средств разработки приложений. Следствием является неверное определение целей и задач при внедрении дополнительного образования, неоправданные вложения в разработку учебных, затягивание сроков производства учебных материалов, когда длительность цикла разработки курса сопоставима со сроком его использования и т. п.» [2, с. 163-164]. Это можно объяснить тем, что до сих пор многие преподаватели, особенно «старой закалки», прошедшие «советскую школу», относятся с большим недоверием к данной форме обучения и необходимость составления дидактических материалов для студентов, обучающихся дистанционно, не вызывает у них одобрения и положительных эмоций, поэтому их качество, зачастую, оставляет желать лучшего.

Так все-таки, дистанционное образование – это «хорошо» или «плохо»? Сравнение эффективности дистанционного и аудиторного обучения на основе анкетирования преподавателей США в институтах, которые предлагают курсы дистанционного обучения, и там, где такого обучения нет, показало следующие результаты: «по мнению 57% преподавателей, результаты дистанционного обучения не уступают или даже превосходят результаты традиционных занятий. А 33,3% опрошенных преподавателей считает, что в ближайшие годы результаты дистанционного обучения превзойдут результаты аудиторного» [4]. Но это зарубежный опыт, где и уровень информационных технологий находится на более высокой стадии развития, и система дистанционного образования применяется, в отличие от постсоветского пространства,

достаточно долгий период времени. Как отмечает С. Б. Лазутин «становится очевидным, что научно-исследовательская и практическая работа над проблемами дистанционного обучения, методического, методологического и технического обеспечения дистанционного образования должна быть постоянной и непрерывной. Можно быть уверенными, что результаты такой работы принесут реальные плоды в современный образовательный процесс, а вместе с тем в развитие систем телекоммуникаций» [2, с. 164]

В итоге, соотнеся все плюсы и минусы, мы пришли к выводу, что дистанционному образованию можно сказать «да», но с некоторыми оговорками. Сама идея дистанционного образования дает основания ожидать положительной динамики всего образования в целом, но, как это чаще всего получается, возникают проблемы с реализацией на практике, и такой вид образования нуждается в определенной доработке в соответствии с выявляющимися проблемами. Как мы считаем, необходимо провести комплекс мероприятий по повышению эффективности и престижности дистанционных технологий в современной образовательной системе: усилить контроль за качеством получаемых знаний, разработать и своевременно обновлять мультимедийные образовательные курсы. Именно в этом направлении должен идти процесс развития дистанционного образования.

Список литературы:

- 1 . Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53 (часть I). – Ст. 7598.
- 2 . Лазутин С. Б. Новые информационные технологии в системе дистанционного обучения / С. Б. Лазутин. // Вестник ТГУ. – 2012. – Т. 17. – Вып. 1. – С. 161-164.
- 3 . Насибуллов Р. Р. Развитие дистанционного образования в информационно-коммуникационной среде / Р. Р. Насибуллов. // Образование и саморазвитие. – 2012. – № 2 (30). – С. 53-58.
- 4 . Все о дистанционном обучении: DStudy.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dstudy.ru> (дата обращения: 28.05.2014).

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ: ПРАВОВОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Гета Максим Ростиславович

доцент ВАК России, канд. юрид. наук,

Новокузнецкий институт (Филиал) ФГБОУ ВПО «КемГУ», г. Новокузнецк

Писаревская Елена Анатольевна

доцент ВАК России, канд. юрид. наук,

Новокузнецкий институт (Филиал) ФГБОУ ВПО «КемГУ», г. Новокузнецк

Различные модели ювенальной юстиции стали складываться в мировой практике на рубеже XIX-XX вв. именно в системе формирования правосудия для несовершеннолетних. В этот период «...борьба гуманистических

идей в праве включила требование повышенной юридической защиты в рамках уголовного процесса детей и подростков – преступников и жертв преступлений» [7, с. 496].

В России первый суд для несовершеннолетних был

создан в 1910 году в Санкт-Петербурге. Это, кстати, опровергает представления, встречающиеся в современном российском обществе, о якобы чуждом и не соответствующем российской национально-культурной традиции характере ювенальной юстиции. Вполне очевидно, что ювенальные суды являются частью системы правосудия в истории России. Миссия ювенальных судов заключается не в «клеймении» несовершеннолетнего как преступника, а в поиске путей его исправления и защиты [1, с. 142].

Необходимо учитывать, что модель ювенального суда основывается на «неформальном» характере судебной процедуры для несовершеннолетних, подчиненной интересам обеспечения благополучия ребенка. По мнению Э.Б.Мельниковой, «... такая неординарная правовая ситуация оценивается юристами стран, где функционируют суды для несовершеннолетних... как обеспечивающая максимальную индивидуализацию процесса, а значит, и его эффективность» [7, с. 506]. Иными словами, в ювенальном суде основное внимание уделяется установлению обстоятельств, способствовавших совершению подростком преступления, поиску мер социальной и иной помощи, необходимой для исправления несовершеннолетнего правонарушителя. Для достижения этой цели суд выступает своеобразным «куратором» по отношению к несовершеннолетнему, взаимодействует с различными социальными службами, структурами гражданского общества, организуя деятельность по «социально-правовому исследованию» личности подростка – делинквента (эту функцию по поручению суда во многих зарубежных государствах выполняет служба пробации), по применению различных программ социально-психологической поддержки несовершеннолетнему в его «возвращении в общество». Под контролем суда реализуются и медиационные практики, позволяющие соединить диалог несовершеннолетнего правонарушителя и жертвы преступления, с одновременным поиском путей преодоления последствий преступления, побуждения виновного к раскаянию и примирению с потерпевшим, возмещению ему причиненного вреда. Так открывается «правовое поле» сотрудничества суда и структур гражданского общества, включая так называемый «непрофессиональный элемент». Благодаря этому, ювенальный суд позволяет обеспечить индивидуальное кураторство над несовершеннолетним социальным работником, сотрудником службы пробации, осуществляя при этом контроль за поведением подростка и своевременное применение мер его психолого-педагогической коррекции. Разумеется, это не означает, что суд утрачивает свои функции осуществления правосудия. В данном случае происходит его «специализация», обусловленная своеобразием задач правосудия для несовершеннолетних.

Сущностью ювенальной юстиции выступает её некарательная парадигма, социально-восстановительная направленность. Поэтому в центре ее внимания не только применение технологии ресоциализации личности правонарушителя, но и мер, способных помочь несовершеннолетнему, оказавшемуся в трудной, а иногда в трагической жизненной ситуации. Причем решаются эти задачи как с использованием инструментария судебных процедур, так и на «неформализованной» основе воспитательного воздействия на подростка – правонарушителя. *Следовательно, ключевым звеном ювенальной юстиции выступает специализированный ювенальный суд.* Это

обуславливает сосредоточение внимания ювенальной юстиции именно на проблемах предупреждения правонарушений несовершеннолетних, на защите прав подростков, ставших жертвами преступления.

Становление и развитие ювенальной юстиции в России было достаточно сложным и противоречивым. Нельзя не отметить то обстоятельство, что помимо социально-политических и правовых детерминант, её основы связаны с духовным, культурным опытом человечества, народов России. Христианство, как крупнейшая мировая религия, имеет вековые традиции общественного служения, призрения и заботы о детях, об «униженных и оскорбленных». Известен также особый статус детей в Русской Православной Церкви, которые до достижения ими семилетнего возраста допускаются к Таинству Причастия без обязательной для взрослых исповеди. Иными словами, Церковь признаёт отличие ребёнка от взрослого в аспекте ответственности и способности оценивать собственное поведение, как основанное на правилах православной этики и христианской жизни. Подобная «неодинаковость» соединяется и с необходимостью повышенной защиты детей от разрушительных сил зла. Эта идея находит своё последующее воплощение в складывающемся постепенно ювенальном законодательстве и практике.

Создание ювенальных институтов требует тщательного обсуждения, учета аргументации как сторонников, так и оппонентов, и разработки стратегии защиты детей от насилия, сексуальной эксплуатации, угроз разрушения их психики и нравственного благополучия, основанной на взаимодействии государства и гражданского общества. В этом направлении уже предпринимаются определенные шаги. К ним относится принятие **Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы**, утвержденной Указом Президента РФ № 761 от 1 июня 2012 г. [6], создание Координационного Совета при Президенте РФ по реализации Национальной стратегии. В этом контексте предусматривается создание некоммерческого партнерства «Российский национальный мониторинговый центр помощи пропавшим и пострадавшим детям» [3]. Это позволит более эффективно организовывать профилактику по пресечению преступлений насильственного и сексуального характера, совершаемых, в том числе, с использованием глобальной сети Интернет [3].

С учётом изложенного отметим, что ювенальная юстиция XXI века – *это система государственных органов и учреждений, институтов гражданского общества, направленная на защиту детей от преступлений, вовлечения их в различные формы социально-отклоняющегося делинквентного поведения, основывающаяся на правовом инструментарии различных отраслей права и законодательства, призванная содействовать посредством организации ювенального правосудия предупреждению криминализации и виктимизации несовершеннолетних.* Основными признаками этой формирующейся в России системы ювенальной юстиции являются.

1. Признание «неодинаковости» правового статуса несовершеннолетних и «взрослых» лиц.
2. Преимущественно некарательный характер уголовно-правовых последствий, наступающих в отношении подростков-правонарушителей.
3. Социальная насыщенность мер воздействия, адресованных несовершеннолетним правонарушителям, позволяющая использовать в ювенальной

практике технологии пробационного «социального исследования» личности преступника, медиацию и другие программы ресоциализации личности.

4. Взаимодействие ювенальных судов с социальными службами, правоохранительными органами, религиозными и общественными объединениями, благотворительными фондами по защите детей от насилия, профилактики безнадзорности, их вовлечения в криминальные и иные структуры асоциального характера.

В границах существования ювенальной юстиции реализуются средства уголовно-правового предупреждения подростковой преступности.

Уголовная ответственность несовершеннолетних связана с соответствующими возрастными границами субъекта правоотношений. Как замечает А.Г. Кибальчик, «...если «разум и воля» даны любому от рождения, то их уголовно-правовое значение связано только с фактом достижения возраста, когда человек становится в соответствии с принятыми в том или ином обществе стандартами «достаточно» социально зрелым. Следовательно, факт достижения лицом возраста уголовной ответственности превращает абстрактные «разум и волю» во вполне осязаемые юридические характеристики, наличие которых определяет возможность уголовной ответственности...» [2, с. 178]. Иными словами, уголовная ответственность несовершеннолетних, как комплекс правовых последствий совершаемых ими преступных деяний, обладает следующими характерными свойствами:

- 1) распространяется только на лиц в возрасте от 14 до 18 лет (в этом и заключаются ее возрастные границы);
- 2) имеет менее выраженную карательную направленность по сравнению со «взрослой» ответственностью;
- 3) дифференцируется в зависимости от принадлежности субъекта преступления к одной из следующих возрастных групп:
 - а) от 14 до 16 лет;
 - б) от 16 до 18 лет;
- 4) закреплена в уголовном законе в качестве самостоятельного субинститута;
- 5) допускает «сосуществование» с наказанием специфических средств правового регулирования – принудительных мер воспитательного воздействия (ст.ст. 91 - 92 УК РФ).

Наличие в УК РФ специального раздела, регламентирующего уголовную ответственность несовершеннолетних, отражает учет российским законодателем рекомендаций международно-правовых актов относительно ответственности лиц несовершеннолетнего возраста. Так, например, «Пекинские Правила» ООН основываются на презумпции неприменения лишения свободы к данной категории правонарушителей. Согласно Правилу 19.1 «Пекинских Правил» ООН, «...помещение в какое-либо исправительное учреждение всегда должно быть крайней мерой, применяемой в течение минимально необходимого срока...». Следует отметить, что Общие принципы «Пекинских Правил» ориентируют на создание условий, «...позволяющих обеспечить содержательную жизнь подростка в обществе, которая...будет благоприятствовать процессу развития личности и получения образования, в максимальной степени свободному от возможности совершения преступлений и правонарушений». Уголовное правосудие «Пекинские Правила» рассматривают в качестве одного из инструментов поддержания социальной

справедливости по отношению к несовершеннолетним [1, с. 42]. На необходимость учета возрастных особенностей подростков-делинквентов обращают внимание Эр-Риядские руководящие принципы. Именно возрастные и связанные с ними социально-психологические особенности личности несовершеннолетних обуславливают дифференцированный, «ювенальный» подход законодателя к определению форм и методов уголовно-правового реагирования на их преступное поведение. В этой связи вызывает недоумение предложение отдельных российских авторов снизить границу уголовной ответственности, установив ее по достижению ребенком двенадцатилетнего возраста, аргументируя, в частности, это тем, что «...за последние пять лет ежегодно каждое третье преступление совершают подростки, не достигшие возраста уголовной ответственности...» [4]. По этому поводу в отечественной юридической науке справедливо отмечается, что «...неразвитость абстрактного мышления в двенадцать лет вряд ли позволит подросткам осознавать общественную опасность своих действий...» [5, с. 13]. Таким образом, установление возраста наступления уголовной ответственности с двенадцати лет не обосновано и несостоятельно в криминологическом и уголовно-правовом контексте. Подобная ответственность легко может стать репрессивным «заменителем» мерам социальной профилактики, которые выступают наиболее разумным средством предупреждения делинквентного, противоправного поведения несовершеннолетних.

Предупреждение преступности несовершеннолетних следует определять как деятельность государства и общества, направленную против данной преступности с целью удержания ее на социально терпимом уровне посредством устранения или нейтрализации порождающих ее детерминант. Рассматривая предупреждение преступности, мы придерживались точки зрения, что предупреждение преступности – это воздействие именно на ее причины и условия.

Деятельность по предупреждению преступности несовершеннолетних представляет собой определенную систему, состоящую из объектов воздействия, мер предупреждения преступности, субъектов предупреждения преступности.

Под объектом предупреждения преступности несовершеннолетних мы понимаем негативные социальные явления и процессы в материальной или духовной жизни общества, которые выступают в виде детерминант преступности несовершеннолетних; негативные, с точки зрения общественной безопасности, места концентрации несовершеннолетних с преступным или социально-отклоняющимся поведением, которые способствуют воспроизводству и формированию социально-негативных связей между людьми; преступные, криминогенные, антиобщественные и другие социальные группы, которые в процессе своей жизнедеятельности воспроизводят детерминанты преступности несовершеннолетних; несовершеннолетних, совершивших преступления, и несовершеннолетних лиц с допреступными формами социально-отклоняющегося поведения, поскольку такое поведение при определенных условиях может перерасти в преступное.

В целях наиболее эффективного предупреждения преступности несовершеннолетних социальные и социально-криминологические меры предупреждения преступности несовершеннолетних должны применяться в

комплексе. Невозможно добиться снижения уровня преступности путем применения одних специально-криминалогических мер.

Среди общесоциальных и социально-психологических следует назвать меры, направленные на улучшение социально-экономического положения; совершенствование нравственно-культурной сферы; устранение и коррекцию социально-психологических детерминант преступности несовершеннолетних.

Предупреждение преступности несовершеннолетних в современной России тесно связано с проблематикой формирования ювенальной юстиции. Вокруг неё, как отмечалось ранее, идёт полемика, вполне «укладывающаяся» в русло мировых тенденций неоднозначного восприятия обществом ювенальной юстиции. В то же время нельзя не отметить, что нередко вокруг ювенальной юстиции допускается множество «наслоений», никакого отношения к ней не имеющих. Мы придерживаемся «классического подхода» к пониманию сущности ювенальной юстиции, в соответствии с которым – это система защиты *прав несовершеннолетних в сфере уголовного правосудия*. Именно в таком варианте ювенальная юстиция создавалась в досоветской России, в различных зарубежных государствах. Её лейтмотивом является защита ребёнка от зла, воплощаемого в преступлении и в образе жизни, связанном с преступлением.

В этой системе ключевым звеном является ювенальный суд, выступающий как институт, организующий деятельность по осуществлению контроля за поведением несовершеннолетнего и оказание подросткам-правонарушителям социальной и иной помощи. Мы полагаем, что парадигма ювенальной юстиции в России связана с необходимостью формирования различных структур, ориентированных на работу с несовершеннолетними делинквентами и жертвами преступлений. Это могут быть службы пробации, ювенальная адвокатура, организации, занимающиеся примирительными процедурами (медиацией).

Вполне очевидно, что в данном процессе нужно взаимодействие с различными общественными объединениями правозащитной направленности, образовательными учреждениями, благотворительными фондами. Наряду с этим, в деле профилактики преступности несовершеннолетних важным является участие Русской Православной Церкви, других религиозных конфессий, отражающих духовную, культурную палитру народов России.

По-видимому, ювенальная юстиция будущего должна быть формой совместного труда гражданского общества и государства по противодействию подростковой преступности и защиты детей от различных криминальных угроз.

Список литературы:

1. Гета М.Р. Альтернативы наказанию: учеб. пособие. Усть-Каменогорск, 2004. – 176 с.
2. Кибальчик А.Г. О системном характере презумпции невиновности // Системность в уголовном праве. М., 2007. – С.177–180.
3. Матвиенко В. Чиновник должен «посидеть в окопах» / В.Матвиенко // Аргументы недели.– 2013.– №10 (14–20 марта).
4. Муравьев В.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты рецидивной преступности молодежи [Электрон. ресурс] : Автореф. дис...канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2001.
5. Писаревская Е.А. Преступность несовершеннолетних. Новокузнецк, 2012. – 108 с.
6. Российская Федерация. Президент. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.: [Указ Президента Российской Федерации: от 1 июня 2012 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – №23. – Ст. 2994.
7. Судебная власть / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2003. – 720 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ ПОСЛЕ ВВЕДЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ ПРОТИВ РОССИИ

Вихляева Ирина Валентиновна

канд. эк. наук, доцент кафедры экономики и менеджмента филиала ОУ ВО ИВЭСЭП в г. Наро-Фоминске

Глеба Ольга Владимировна

канд. юрид. наук, зав. кафедрой гражданского права и процесса филиала РГСУ в г. Наро-Фоминске

Для Российской Федерации, располагающей практически неограниченным ресурсным потенциалом, развитие сельского хозяйства имеет первостепенное значение. Мы обречены быть индустриально развитой аграрной страной. Не осознание этого приведет к безусловному развалу и не только экономики [3, с.47]. Однако у российских сельскохозяйственных товаропроизводителей всегда было много проблем: зависимость от природно-климатических условий, высокая конкуренция с иностранными производителями, недостаток инвестиций и собственных средств, отсутствие рынков сбыта.

После введения Россией эмбарго на поставку ряда продуктов из ЕС, США, Канады, Австралии и Норвегии отечественные аграрии получили возможность увеличить производство собственной продукции и открыть новые

рынки сбыта. В таком решении государства отечественные аграрии увидели свой шанс на развитие, заявив о готовности провести полное продовольственное импортозамещение.

До введения ограничительных санкций российские сельхозпроизводители не могли увеличивать объемы производства продукции, прежде всего, из-за проблем с ее сбытом.

Как отмечает председатель Совета Ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России Вячеслав Владимирович Телегин, согласно проведенному опросу фермерских хозяйств, 74% опрошенных назвали главной проблемой именно сложности с реализацией. Сетевым компаниям удобнее работать с западными партнерами, у которых уже

отлажены ритмичная поставка, фасовка, весь спектр логистики, чем работать с нашими мелкими, раздробленными, еще не объединенными в кооперативы фермерами. Поэтому у фермеров с торговыми сетями возникают проблемы [2].

Чтобы решить эти проблемы, нужны определенные шаги в плане поддержки со стороны государства. При этом государственная поддержка должна осуществляться преимущественно через закупки сельхозпродукции. На восстановление системы государственных закупок был направлен Федеральный закон от 2 декабря 1994 г. «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд» [5]. В нем закреплялось, что семь стратегических видов продукции (зерно, сахарная свекла, семена масличных культур, лен-долгунец, скот и птица, молоко, шерсть) принимаются государством в полном объеме, а не только в договорном. Если бы на практике данная мера поддержки работала, то отечественные товары смогли бы уверенно занять свою нишу на российском рынке, потеснив импортную продукцию.

До сих пор не реализовано постановление Правительства РФ о создании системы оптовых продовольственных рынков [4]. Основная цель создания и деятельности оптовых рынков видится в обеспечении населения высококачественными продуктами питания на основе совершенствования управления процессами поставки продовольствия и его реализации в стране, укрепления рыночных отношений, свободной конкуренции между организациями, участвующими в товародвижении продовольственной продукции от производителя до конечного потребителя. На сегодняшний день на территории Российской Федерации создано не более 20 таких рынков, что не может решить проблему сбыта. Требуется незамедлительное принятие Федерального закона «Об оптовых продовольственных рынках», где четко прописать нормы о реализации отечественной продукции, включая систему оптовых продовольственных рынков и крупных торговых сетей. Для создания оптовых рынков им следует предоставить поддержку, например, в форме финансирования проектных работ, льготного кредитования (с более низкими процентными ставками по кредиту с оплатой разницы в процентных ставках из бюджетных средств), предоставление поручительства Правительства РФ при коммерческом кредитовании.

Соответствующие изменения и дополнения необходимо также внести в Федеральные законы «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд», «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности», «О мерах по защите экономических интересов Российской Федерации при осуществлении внешней торговли товарами».

Для обеспечения закупки экологически чистой и качественной сельскохозяйственной продукции в договоре контракта необходимо включить экологический компонент, устанавливающий обязанности производителя такой продукции обеспечивать применение безопасных технологий производства, то есть запретить применение химических и лекарственных препаратов в целях стимулирования роста растений или животных. Тем более при реализации сельскохозяйственной продукции для государственных нужд обязательно требование к качеству

сельскохозяйственной продукции – соответствие государственным стандартам и санитарным нормам.

Проблему сбыта сельхозпродукции следует также решать через налаживание более крепких межрегиональных связей. Например, Белгородская область производит больше молочной продукции, а Курская – зерновой [1, с.7]. Региональные обмены нужно совершенствовать, и здесь роль государства имеет первостепенное значение.

Одновременно необходим контроль со стороны государства и торговых сетей. В этом направлении необходимо законодательно закрепить обязательность присутствия в торговых сетях 50% и более представленного ассортимента продукции российского производства.

К первоочередным мерам государственной поддержки российских сельхозпроизводителей, помогающим им выйти на конкурентный уровень с импортными производителями, следует отнести меры поддержки по развитию и кооперации малых форм хозяйствования. Необходимость поддержки именно малых форм хозяйствования вызвана тем, что крупные компании и агрохолдинги, например, «Русагро» и ему подобные, сами способны решать проблемы, а мелкие и средние хозяйства – нет. Во всем мире небольшие хозяйства решают вопросы по сбыту продукции через кооперативы. В России сегодня есть собственный опыт, и государство должно простимулировать это направление ввиду нехватки у большинства кооперативов стартового капитала. Например, чтобы доставить овощную продукцию в упакованном виде, ее где-то нужно где-то хранить, мыть, делать сухую очистку, расфасовать в сетки по различному весу. А это долгий процесс. Поэтому кооперация необходима, ведь главный сдерживающий фактор для малых форм хозяйствования – это именно сбыт продукции, выстраивание логистической цепочки.

Следует отметить, что в проекте подпрограммы «Поддержка малых форм хозяйствования» являющейся частью государственной программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы» планировались следующие мероприятия: предоставление субсидий членам сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов 1-го уровня на пополнение фондов финансовой взаимопомощи; возмещение членам сельскохозяйственных потребительских кооперативов 50% обязательных паевых взносов на создание материальной базы; возмещение потребителям кооперативам – членам ревизионных союзов – затрат на уплату членских взносов.

Однако при утверждении госпрограммы в связи с уменьшением финансирования они не были приняты.

В настоящее время госпрограмма по развитию и кооперации на селе уже вынесена на обсуждение и проходит согласование, выделяются гранты. Но финансирование, заложенное в этой программе в размере 300–500 млн рублей, явно недостаточное. Например, для развития некоторых кооперативов необходимо до 50 млн рублей. То есть, по госпрограмме можно будет построить в стране только 6–10 таких кооперативов, а у нас 85 регионов. Поэтому государству нужно увеличивать финансирование на эти цели, по оценкам специалистов, до 10 млрд рублей ежегодно. Такие деньги в госпрограмме есть, их нужно только переориентировать с крупных предприятий на малый бизнес. К сожалению, 90% и более поддержки государства направлено на крупные агрохолдинги.

Сегодня в список иностранных предприятий, на которые распространилось действие российского эмбарго, попал крупный поставщик молочной продукции «Valio». Данное предприятие является трехуровневым кооперативом фермеров Финляндии, в котором участвуют и очень мелкие фермеры, имеющие 27 коров и около 40 гектаров земли. То есть, в Финляндии проблемы сбыта продукции для малых хозяйств решены через кооперирование. России еще только предстоит решить эту проблему. Хотя определенные положительные тенденции в этом направлении уже наметились. Так, в Новгородской области фермеры построили три логистических центра по овощам и картофелю. Помощь им оказывалась из регионального бюджета в форме субсидий на их развитие. В итоге - за два-три года у них поставки картофеля и овощей увеличились в разы, т.к. был налажен сбыт продукции в торговые сети.

Таким образом, в условиях неустойчивости мировых рынков и перспективы последовательного роста цен основной путь обеспечения продовольственной независимости России – это самообеспечение страны собственной сельскохозяйственной продукцией. Путь к достижению продовольственной безопасности – государственная поддержка отрасли.

Правовой базой такой поддержки должен стать Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» и принимаемые в соответствии с ним федеральные целевые программы, финансируемые из средств федерального бюджета. В числе стратегических задач по поддержке аграрной отрасли следует закрепить: обеспечение паритета цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию (услуги), используемые в сельском хозяйстве и компенсации потерь в связи с его нарушением; социальное развитие села; долгосрочное кредитование сельхозтоваропроизводителей и систему страхования урожая сельхозкультур; недопущение дискриминации отечественных сельхозтоваропроизводителей в части их государственной поддержки в рамках ВТО; обеспечение устойчивого производства и развития продовольственных рынков; развитие инженерно-технической сферы АПК и др.

Кроме прочего, нужно переориентировать субсидирование с крупного на малый бизнес, изменить сами правила, заложенные в госпрограммах по приоритетам финансирования. Нужно совершенствовать нормативно-правовое регулирование, чтобы развивались частные инициативы, изменить некоторые административно-органи-

зационные моменты. Например, чтобы на рынках администрация отслеживала и информировала о том, какой продукции не хватает. Потому что информационное обслуживание малого бизнеса – это одна из главных проблем. Нужно довести до фермеров информацию, какая продукция нужна, по какой цене, помочь организовать ставшие популярными в некоторых регионах ярмарки выходного дня. Например, в районе Северное Бутово действует «Ярмарка выходного дня», где многие фермерские хозяйства Подмоскovie представляют свою продукцию.

Развитие отечественного сельского хозяйства поставит на ноги малый и средний бизнес в стране, а также заполнит торговые сети качественными продуктами питания из экологически чистых областей России.

Список литературы:

1. Асеева М.А. Роль малого бизнеса в развитии реального сектора экономики. [Текст]/М.А. Асеева// Право и бизнес: направления обеспечения благоприятного предпринимательского климата в России: сборник научных статей ППС филиала - С-Пб.: Изд. ИВЭСЭП в г Наро-Фоминске.-2013.-С.4-15.
2. АККОР: санкции России – реальный стимул для отечественного АПК// Интернет ресурс: Режим доступа: http://проезд.рф/index.php?option=com_k2&view=item&id=16912:akkop-sanktsii-possii---pealynuy-stimul-dlya-otechestvennogo-apk&Itemid=394 (дата обращения 20.09.2014).
3. Кумехов К.К. К вопросу о фактическом состоянии производства основных видов сельскохозяйственной продукции в России. [Текст]/ Кумехов К.К.// Национальные интересы: приоритеты и безопасность.- М.: Финансы и кредит.-2013.-№209.- С. 47-57.
4. Постановление Правительства РФ от 26.09.1997 N 1224 (с изм. от 15.06.1998) «О создании государственного унитарного предприятия «Федеральное агентство по регулированию продовольственного рынка» при Министерстве сельского хозяйства и продовольствия Российской Федерации// Собрание законодательства РФ. -1997. - N 40. - Ст. 4593.
5. Федеральный закон от 2 декабря 1994 г. «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд (ред. 19.07.2011)// Собрание законодательства РФ. – 2011. - №30 (часть 1). – Ст. 4596.

РАЗЛИЧИЯ ФУНКЦИЙ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Махов Вадим Николаевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и процесса Российского Университета Дружбы Народов г. Москва

CORRELATION FUNCTIONS OF INQUIRY OF PRE-TRIAL IN CRIMINAL PROCEDURE RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

Makhov Vadim Nikolayevich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor, Department of Criminal Law and Procedure Russian University of Peoples' Friendship

АННОТАЦИЯ

В статье на основе сравнительного анализа сделан вывод о тенденции возрастания роли полиции как органа дознания в начальной стадии уголовного процесса и снижении роли органов предварительного судебного следствия в уголовном процессе зарубежных стран

ABSTRACT

In the article on the basis of comparative analysis drawn conclusion about the tendency of growth of role of police as an organ of inquest in the initial stage of criminal procedure and decline of role of organs of preliminary judicial investigation in criminal procedure of foreign countries.

Ключевые слова: начальная стадия уголовного дела; полиция; орган дознания; оперативно – розыскная деятельность; предварительное расследование.

Keywords: initial stage of criminal case; police; organ of inquest; operatively is search activity; pre-trial hearing.

Досудебное производство в уголовном процессе нашей страны мало эффективна. До суда доходит менее половины возбужденных уголовных дел. Это уголовные дела о преступлениях в основном не представляющих большой общественной опасности, а также совершенных в условиях очевидности. В этом же сегменте значителен процент дел о преступлениях, совершенных в сфере наркобизнеса, а точнее о преступлениях в отношении наркоманов, у которых обнаружены наркотики для собственного употребления, но в размере, допускаемом привлечение к уголовной ответственности.

Одна из основных причин создавшегося положения – несовершенство нашего действующего уголовно – процессуального законодательства, сохранившего ряд эксклюзивных институтов, созданных в годы советской власти и не имеющих аналогов в уголовном процессе зарубежных государств (исключение УПК стран СНГ).

Речь идет, прежде всего, о двух следующих институтах. Первый – стадия возбуждения уголовного дела - начальная стадия уголовного процесса, заменившая полицейское дознание – общепринятую начальную стадию в уголовном процессе зарубежных государств. Второй эксклюзивный институт: следователи – представители исполнительной власти. В уголовном процессе зарубежных государств предварительное следствие в том или ином виде осуществляется представителями судебной власти: следственным судьей во Франции, участковым судьей в ФРГ (его все чаще именуют «судьей над дознанием»), в США, Англии - это предварительное судебное слушание. В уголовном процессе дореволюционной России эту функцию исполняли судебные следователи.

Основное отличие возбуждения уголовного дела как начальной стадии уголовного процесса от начальной стадии в уголовном процессе зарубежных стран (полицейского дознания) в том, что вопреки очевидной целесообразности, в стадии возбуждения уголовного дела (в законодательстве и на практике) недооценивается значение оперативно – розыскной деятельности. В уголовном процессе зарубежных стран не было и нет следователей и дознавателей; поэтому проверку сообщений о преступлениях оперативники не могут передать кому – либо; исключение – прокурор. Но прокурор, и без принятия к своему производству материалов дознания, он уполномочен руководить в процессуальном отношении полицией; его задача не заниматься оперативно – розыскной деятельностью, а контролировать эту деятельность; давать указания, обязательные для исполнения. Главное - прокурор по результатам деятельности полиции решает вопрос: возможно ли возбудить уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления. Предварительное досудебное следствие будет сводиться к проверке показаний подозреваемого, проведению, в основном, по ходатайству прокурора некоторых следственных действий судьей, с целью сбора и проверки сведений, изобличающих обвиняемого, в той мере, которая будет

признана достаточной для рассмотрения дела в суде по существу.

Полицейское дознание осуществляется мерами негласного и гласного характера. Это - наблюдение, устные опросы граждан, сбор справок, в том числе с помощью компьютерных технологий, выявление и исследование экспертами - криминалистами и судебными медиками следов преступления. В целях оперативности протоколы не составляются, но соответствующий сотрудник полиции все полученные сведения кратко фиксирует в своих записях. Эти сведения, изобличающие обвиняемого, могут стать доказательствами, если потребуется допросить данного полицейского в суде под присягой.

Таково общее представление о полицейском дознании. В уголовном процессе каждой страны есть некоторые различия. Но суть остается одна. Полиция, как орган дознания, начинает и заканчивает работу в начальной стадии уголовного процесса; заканчивается эта работа раскрытием преступления, т.е. установлением лица, подозреваемого в совершении преступления. По итогам этой деятельности полиции прокурором принимается решение по вопросу о возбуждении уголовного преследования.

В уголовном процессе некоторых государств уголовное преследование, на практике в порядке исключения, может быть возбуждено и без установления подозреваемого, в частности, если совершено убийство в условиях неочевидности и требуется производство в неотложном порядке обысков, выемок, освидетельствования, допросов, других следственных действий специально уполномоченным на то судьей. Но и в этих случаях ответственность за раскрытие преступления с полиции не снимается. Она не может быть возложена на представителей судебной власти, а следователей и дознавателей – представителей исполнительной власти, как отмечалось выше, в уголовном процессе зарубежных государств нет и не было.

Помимо недооценки значения оперативно-розыскной деятельности раскрытию преступлений в стадии возбуждения уголовного дела препятствуют, как минимум, два следующих обстоятельства:

Первое обстоятельство: краткий – до 3 суток – срок деятельности в стадии возбуждения уголовного дела не меняет сути, что этот срок может быть продлен до 10 суток. До 30 суток срок рассмотрения сообщения может быть продлен, в основном, при необходимости производства документальных проверок, ревизии, судебных экспертиз, других исследований, но лишь по ходатайству следователя, дознавателя. Орган дознания на такое ходатайство не имеет права.

В уголовном процессе зарубежных стран полицейское дознание осуществляется до раскрытия преступления. Материалы о нераскрытом преступлении передавать не кому. Конечно же, оперативники работают как на конвейере. Регулярно поступают новые сообщения о преступлениях: первоочередное внимание необходимо уделять

им, т.к. «по горячим следам» преступление раскрыть значительно легче. Но и в этой ситуации нахождение в полиции материалов о нераскрытых преступлениях уместнее, чем у следователя или дознавателя. При работе по раскрытию «новых» преступлений часто выявляется информация о еще нераскрытых преступлениях.

Отличия стадии возбуждения уголовного дела от полицейского дознания как начальной стадии уголовного процесса в зарубежных странах следующие:

1. В значительной мере деятельность по проверке заявлений и сообщений о совершенных преступлениях осуществляют следователи и дознаватели, т.е. те должностные лица, основная функция которых – это осуществление предварительного расследования в форме предварительного следствия или в форме двух видов дознания. Следователи и дознаватели лишены полномочий осуществлять оперативно – розыскную деятельность. Им крайне сложно выявить лицо, подозреваемое в совершении преступления. Поэтому большая часть уголовных дел возбуждается по факту совершения преступления, приостанавливается, а затем прекращается.

2. Органы дознания, согласно ч.1 ст.40 УПК РФ, органы внутренних дел РФ (прежде всего подразделения полиции), а также некоторые другие органы исполнительной власти, наделенные федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно – розыскной деятельности.

В ст. 140 УПК РФ органы дознания указаны в перечне субъектов (наряду со следователями, дознавателями, руководителями следственных органов), которые обязаны принять, проверить сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении и принять по нему решение. В ч.1 ст.157 УПК РФ записано, что при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно, орган дознания возбуждает уголовное дело и проводит по нему неотложные следственные действия. Цель этих следственных действий, проводимых в срок до 10 суток, раскрыть преступление, используя незаменимый потенциал в этих ситуациях оперативно – розыскную деятельность.

3. Но даже в тех случаях, когда орган дознания проводил проверку сообщения о преступлении, на практике ведомственными приказами и инструкциями он отлучен пользоваться правом решать вопрос о возбуждении уголовных дел. В этой связи заметим, что согласно ч.1 ст.125 УПК РФ орган дознания не назван в перечне субъектов, решение которых об отказе в возбуждении уголовного дела можно обжаловать в суд. Такой порядок не нарушает норм УПК РФ, т.к. следователь, дознаватель вправе принять к своему производству в любой момент материалы проверки сообщения; даже обязан это сделать, в частности, если провел осмотр, освидетельствование. Приняв указанные материалы, возбудив уголовное дело, следователь тем самым возлагает на себя основную ответственность за раскрытие преступления. Работники органа дознания (оперативники) будут помогать следователю, дознавателю, но активность их после передачи материалов проверки значительно снижается. У них на то есть причины: помимо проверки новых сообщений о преступлениях им необходимо отчитаться о выявленных преступлениях.

Возникает вопрос: не «забуксует» ли деятельность наших оперативников, если у них будут оставаться мате-

риалы проверки сообщений о преступлениях до их раскрытия. Представляется, что нет, если обратиться к зарубежному опыту. Там материалы о нераскрытых преступлениях остаются в полиции.

Второе обстоятельство: представляется, что наша полиция – оперативники порой больше времени уделяют не раскрытию преступлений, а выявлению преступлений. Конечно же, важна и эта деятельность. Но в ней пришло время отказаться от социалистического постулата искоренения преступности, а руководствоваться общепринятой в других странах целью «контроля преступности» раскрытию преступлений. Целесообразно отказаться от такого показателя в работе оперативников, как количество выявленных преступлений. Стремление выявить преступлений не меньше, чем в минувшем отчетном периоде, ведет нередко к нарушению закона, провокациям, нарушению конституционных прав и свобод граждан.

4. В зарубежных государствах у полиции две основные функции, связанные с борьбой с преступностью. В уголовном процессе ФРГ – это превентивная и репрессивная функции. В ходе превентивной функции предотвращаются нарушения общественного порядка (в том числе преступлений). Заметим, о выявлении преступлений здесь не сказано. Репрессивная функция – раскрытие совершенных преступлений, руководствуясь при этом, в основном, положениями уголовно – процессуального права [1, с. 75].

В Законе о полиции Российской Федерации (п.10 ч.1 ст.12) сохранилось с советских времен формулировка о том, что полиция среди прочих обязанностей должна осуществлять оперативно – розыскную деятельность в целях выявления, предупреждения (выделено автором В.Н. Маховым) и раскрытия преступлений...

При этом в п.4 ч.1 ст.12 указанного закона довольно подробно изложена обязанность полиции по выявлению причин преступлений и административных правонарушений и условий, способствующих их совершению.

Представляется, что эта обязанность отвлекает время и силы полиции, как органа дознания от основной деятельности – раскрытия преступлений. В этой деятельности они незаменимы. Выявлять причины и условия, способствующие совершению преступлений, принимать меры к их устранению нужно, но все это в состоянии выполнять другие органы исполнительной власти (в частности, социальные службы), общественные организации, органы местного самоуправления. Координатором этой деятельности, как и в годы советской власти, и могла бы быть прокуратура.

Подводя итоги, отметим следующее.

Прежде всего, обратим внимание на опыт зарубежных государств, где тоже озабочены необходимостью повысить эффективность досудебного производства. Данная эта проблема в последние десятилетия широко обсуждается процессуалистами стран Запада. Это видно, в частности, из статьи Станко Бейтовича «Новые тенденции современной науки уголовно – процессуального права и уголовно – процессуального законодательства Сербии». С.Бейтович приводит обоснование своей позиции по комплексу актуальных вопросов, при этом учел мнение ряда ученых процессуалистов Сербии, опыт совершенствования уголовно – процессуального законодательства стран Европы. Освещая проблемы совершенствования уголовно – процессуального законодательства о досудебном производстве, в статье приводится следующее высказывание профессора Или Горана: «Одна из существенных черт

следствия, т.е. предварительного уголовного расследования вообще – это о постоянном присутствии полиции при руководстве и надзоре со стороны прокурора с одной стороны и снижение роли следователя в той же фазе процесса с другой стороны. Более того, и страны, которые считаются родоначальниками концепции судебного следствия, все в большей степени от нее отказываются» [2, с. 706].

Подтверждением мнения сербских профессоров служит следующая позиция известного профессора – специалиста в области уголовно – процессуального права Германии – Вернера Бойлке. Он полагает, что в современном процессе ФРГ существуют первыми следующие стадии: 1) предварительное расследование, которое осуществляется в форме дознания. На этой стадии необходимо установить наличие или отсутствие достаточного подозрения, что конкретный обвиняемый совершил преступление. Дознание осуществляет прокуратура и оно завершается либо прекращением уголовного дела в соответствии с § 170 II УПК или §§ 153 ff УПК, либо предъявлением государственного обвинения на основании §170 I УПК; 2) если предъявлено государственное обвинение в результате направления обвинительного заключения в суд, то начинается производство по преданию обвиняемого суду (§§ 199 ff УПК) [1, с. 26].

Изложенные положения нельзя рассматривать как призыв к тому, чтобы и в нашем уголовном процессе в ближайшие годы ликвидировать институт следователей – представителей исполнительной власти. Для этого не созрели соответствующие условия. Реформировать необходимо в несколько этапов все досудебное производство. Представляется, что, прежде всего, нужно уделить боль-

шое внимание совершенствованию правовой базы о полиции, как органе дознания; в законодательстве, ведомственных приказах и инструкциях указать, что главная, конечная цель деятельности полиции, как органа дознания – раскрытие преступлений (1); орган дознания должен стать основным органом, действующим в стадии возбуждения уголовного дела (2); внести коррективы в ведомственные правила и инструкции, указав в них, что орган дознания, возбудив уголовное дело по факту совершенного преступления, должен действовать строго в соответствии с требованиями ст. 157 УПК РФ о производстве неотложных следственных действий в целях раскрытия преступления (3); целесообразно использовать зарубежный опыт производства осмотра места происшествия специалистами (экспертами) – криминалистами и судебно – медицинскими экспертами, с составлением ими соответствующих отчетов об экстренном исследовании выявленных материалов, представления результатов исследования в форме заключения эксперта, если была назначена экспертиза или в форме заключения специалиста, имеющего доказательственное значение (4).

Список литературы:

1. Бойлке Вернер. Уголовно процессуальное право ФРГ. Учебник 6 – е изд. Пер. нем. Я.М. Плошкиной. Под. Ред., Л.В. Майоровой. Красноярск. РУМЦ 100. 2004.
2. Станко Беятович. Новые тенденции в современной науке уголовно – процессуального права и уголовно – процессуального законодательства Сербии. Опубликованной в журнале LEX RUSSIAN научные труды МГЮА, 2010. № 4.

СУДЕБНО-ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРНОГО КAVKAZA В КОНЦЕ 50-х НАЧАЛЕ 60-х ГОДОВ XIX ВЕКА

*Доцент, к.и.н., Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) СКФУ в г. Пятигорске, доцент кафедры ТИГП
Попов Артем Валентинович
Магистрант 2 курса ЗФО юридического факультета,
Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) СКФУ в г. Пятигорске*

Обычное право народов Северного Кавказа формировалось веками, источниками которого были горские обычаи и приговоры адатных судов. Это совокупность правовых норм, санкционированных общинной властью, которая существовала у народов данного региона (карачаевцев, балкарцев, адыгов, осетин, чеченцев, ингушей, многочисленных народов Дагестана).

В первой половине XIX в. русское управление Северным Кавказом характеризовалось не только перманентным ведением военных действий, но и активным поиском путей и методов, способствующих упрочению положения России на присоединяемых территориях. Этот непростой и длительный процесс сталкивался с рядом естественных трудностей, вызываемых особенностями кавказских народов: его особыми обычаями, правами, порядком управления, и т.д., и т.п. [1, с.76]. Поэтому, учрежденные российской администрацией временные окружные и прочие суды не находили поддержки у местного населения.

Неприемлемой для местного северокавказского населения оказалась и система наказаний, применяемая российским законодательством (ссылка в Сибирь, телесные наказания женщин и т.д.), которая вступала в противоречие с обычаями северокавказских народов, и которая сталкивала между собой две диаметрально противоположные системы права [2, с.71].

Несмотря на трудности и неудачи, в первой половине XIX в. на Северном Кавказе стали вводиться нормы российского официального права, при этом сохранялись важнейшие институты традиционного (обычного) права.

Например, в 1852 г. на территории Чечни, в крепости Грозной, вместо российского суда и российских законов учреждено особое управление - мехкеме (махкама) - для суда и разбора дел между чеченцами [8, с. 166]. Председателем мехкеме назначался представитель из числа русских офицеров (кроме коменданта крепости), а члены суда - из числа чеченцев, которые получали за службу определенное вознаграждение. Мехкеме имел большое

доверие народа. К нему обращались представители различных слоев населения.

В новом устройстве Чечни административная система, суд и расправа были предоставлены местному населению, которым управляла твердая власть в лице военного начальства, знакомого с жизнью и обычаями горских племен [3, с.34].

Сущность военно-судебной системы точно подметил один из Наместников Кавказского края генерал-адъютант И.И. Воронцов-Дашков: «Система военно-народного управления, созданная на Кавказе в период борьбы русских войск с местными горцами, основана на сосредоточении административной власти в руках отдельных офицеров, под высшим руководством главнокомандующего Кавказской армией и на предоставлении населению во внутренних делах ведаться по своим адатам» [7, с.107]. Созданием военно-судебной системы русская администрация стремилась сохранить достигнутый в ряде районов Северного Кавказа гражданский мир.

Во второй половине XIX в. на Северном Кавказе институты общественной власти были заменены на административные органы российского государства. Различные пути включения народов Северного Кавказа в состав российского государства и различные методы внедрения его основ привели к рецепции обычного права в российское право. В большей степени оно было легализовано в Северо-Западной части Кавказа, в определенной степени в Северо-Восточной (в силу преобладания там, мусульманского права), в меньшей степени - в Осетии.

В конце 1850-х - начале 1860-х гг. на Северном Кавказе происходит ряд существенных административно-территориальных реформ. Были разграничены полномочия между центральной и местной властью: гражданские отношения подпадали под действие традиционных горских (внутриродовых и межродовых) институтов, а сфера государственно-политического управления полностью находилась в ведении империи.

Военно-народное управление строилось на принципах неприкосновенности этнического общества, права северокавказских народов решать правовые споры по адатам, сохранения местного судопроизводства, ведение делопроизводства как на арабском, так и на русском языках, поддержание правового порядка на принципах единоначалия русской администрации. Данные принципы противоречили общероссийской имперской системе, но способствовали сохранению социального мира в данном регионе.

В программе Наместника Кавказа князя А.И. Бяратинского «Особая инструкция для управления горцами» и в «Положении о Кавказской армии» от 1 апреля 1858 г., которое включало в себя особый раздел «По управлению горскими народами, не вошедшими в состав гражданского управления», перечислялись следующие основные положения военно-народной системы:

а) создавался народный суд и народная полиция, которые возглавлялись представителями от царской администрации (как правило, русскими офицерами);

б) народное право бралось под охрану государственной властью;

в) создавались благоприятные условия для естественного процесса возникновения государственности и формирования гражданственности у народов Кавказа [8, с.168].

Для реализации этих положений на практике в первую очередь важно было учитывать особенности судебного разбирательства у горских народов, роль общины (джамаата) на Кавказе и значение родового союза (тохума) в жизни кавказских народов. Община и родовой союз представляли собой сплоченные организации: решение главы тохума было бесспорным; за неподчинение главе родового союза следовало самое жестокое из адатных наказаний - изгнание из тохума. Суд совершался всем тохумом, его постановления основывались на адатах, а наказания, в форме штрафов, шли на вознаграждение старшин и потребности всей общины [4, с.208].

У северокавказских народов не существовало разделения преступлений на уголовные и гражданские. Само понятие «преступления» расходилось с понятием, принятым по общим законам России. Преступления у горцев это - измена Отечеству, отцеубийство, кровосмешение, нарушение супружеской верности женщинами, предательство и трусость, отказ от гостеприимства, воровство и нарушение личной неприкосновенности князей. Все прочее не подходило под понятие преступления и разрешалось по праву сильного и на праве применения оружия (кровная месть).

В то же время мирное сосуществование соседних родов являлось проявлением действий народных обычаев, благодаря которым порой уголовные преступления не влекли суровых наказаний, или - наоборот, оборачивались драмой для ближайших родственников «преступника». Обычаи эти не соблюдались представителями русской администрации: убийцу из горских народов присуждали к ссылке в Сибирь или отдаче в рядовые; приговоры военно-судных комиссий лишали родственников убитого право получить выкуп или применить право родовой мести. Эти наказания для местного населения Северного Кавказа выглядели совершенно бесполезными, они не способствовали прекращению вражды между ними [5, с.30-31].

К особенностям судебно-правовой системы у горских народов можно отнести и то, что предъявляемые иски основывались не на прямых уликах или доказательствах, а на подозрениях. Подобного рода иски предъявлялись по гражданским делам - если против обвиняемого не было прямых улик; а по уголовным - только по тяжким преступлениям (убийство, грабеж, нанесение телесных повреждений, воровство). По уголовным делам, касающимся женской чести требовались прямые улики или непосредственные свидетели. Огромную роль в качестве судебных доказательств играло поручительство родственников за ответчика или истца, данное под присягой.

В апреле 1860 г. было принято «Положение об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом», которое предусматривало управление местным населением не по законам Российской империи, а по народным обычаям: сохранялись народные суды, сохранялось правосудие, отправляемое по адату и шариату под наблюдением местной военной власти. Административная, судебная и военная функции соединялись в лице начальника Дагестанской области, он же - командующий войсками, концентрирующего всю местную власть до тех пор, «пока край будет находиться на военном положении» [7, с.110].

Система судебной власти, согласно Положению от 5 апреля 1860 г., разделялась на три звена:

1) комиссии военного суда - при частях войск, расположенных в Дагестанской области;

- 2) Дагестанский областной суд;
- 3) Дагестанский народный суд, окружные и словесные суды.

Властям удалось найти очень удачную формулу, благодаря которой в судебной системе на Северном Кавказе в начале 1860-х гг. сочетались и элементы военного судопроизводства, и структуры центральной власти, и местные традиции и обычаи [6, с.147-150].

Поскольку на территориях Северного Кавказа сохранялась взрывоопасная ситуация, обусловленная тянувшейся много десятилетий войной, такой подход должен был обеспечить мирное разрешение спорных вопросов. Все суды обеспечивали как можно более безболезненное включение территорий Северного Кавказа в состав России и подготовку перехода существующей судебной системы в русло общероссийской правовой структуры, предусматривающей единообразие в судопроизводстве для всех губерний и областей Российской империи.

Таким образом, ко времени вхождения в состав Российской империи, судебно-правовое развитие Северного Кавказа характеризовалось взаимодействием норм обычного права и общероссийского законодательства, с преобладанием норм адатного права.

Список литературы:

1. Гаджиев В.Г. Памятники обычного права Дагестана // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы // Общественные науки. 1987. № 3. С. 76-86.
2. Гаджиев В.Г. Адааты народов Северного Кавказа // Известия АН АзССР. Сер. истории, философии и права. 1987. № 2. С. 69-76.
3. Исмаилов М.А. Изучение адатов народов Дагестана // Сборник материалов Северо-Кавказской научно-практической конференции. Махачкала, 1997.
4. Кондрашева А.С. К проблеме соотношения обычно-правовых норм и официального законодательства на примере правового развития Кавказа // Обычное право и правовой плюрализм. М., 1999.
5. Мисроков З.Х. Конвергенция адата, шариата и права России в процессах динамики отечественных систем права (XIX — начала XXI века) // История государства и права. М., 2002. № 5. С. 30-31.
6. Оршанский И. Народный суд и народное право // Журнал гражданского и уголовного права. М., 1875. Кн.3. С. 147-150.
7. Сотников А.А. Особенности проведения судебной реформы 1864 года на территориях Северного Кавказа: диссертация ... кандидата исторических наук. Москва, 2009. 200с.
8. Эсадзе С. Исторически записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Ч. I. 616с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАЦИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Николаенко Татьяна Григорьевна
студентка Юридического института

ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказского федерального университета», г.Ставрополь

Трофимов Максим Сергеевич

к.ю.н., доцент кафедры административного и финансового права Юридического института
ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказского федерального университета»

Развитие примирительных процедур является одним из приоритетных направлений совершенствования существующих в Российской Федерации механизмов урегулирования споров и защиты нарушенных прав граждан.

В целях создания правовых условий для применения в Российской Федерации альтернативной процедуры урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица - медиатора (процедуры медиации), содействия развитию партнерских деловых отношений и формированию этики делового оборота, гармонизации социальных отношений был принят Федеральный закон от 27 июля 2010 г. N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», вступивший в силу с 1 января 2011 г. [1]

Современная медиация начала развиваться во второй половине XX столетия. Зародилась она в государствах англо-саксонского права — США, Австралии, Великобритании, после чего перебралась на Европу. [2, 4]

Поначалу медиация применялась при разрешении споров в сфере семейных отношений. Впоследствии начала пользоваться популярностью и активно приме-

няться при разрешении самых различных споров: от семейных споров и до сложных многосторонних конфликтов в коммерческой и публичной сфере.

Важной вехой в развитии примирительных процедур явилось принятие Комиссией ООН по праву международной торговли в 1980 году Примирительного регламента. Первый международный конгресс, посвященный ADR, состоялся в Гамбурге в 1982 году и назывался Международный совет по коммерческому арбитражу — ICCA.

Позже были приняты Рекомендация №R(98)1 Комитета министров СЕ государствам-членам относительно медиации в семейных делах и Рекомендация №R(2002)10 Комитета министров СЕ государствам-членам относительно медиации в гражданских делах.

Европейский Союз активно занимается унификацией правовых норм, регламентирующих порядок разрешения конфликтов посредством медиации. Европейский Парламент и Совет 21 мая 2008 года приняли Директиву 2008/52 относительно некоторых аспектов медиации в гражданских и коммерческих делах. Директива обязала государства-члены ЕС до 21 мая 2011 года ввести в действие законы, нормы и административные правила, кото-

рые бы обеспечили упрощение доступа граждан ЕС к разрешению споров путем медиации, которая обеспечивает эффективное по затратам и быстрое внесудебное разрешение. [3, 3]

Медиация не является панацеей, хотя на волне роста ее популярности все чаще (и Россия не является исключением) доносятся голоса тех, кто идеализирует этот метод, считая, что медиация способна заменить чуть ли не все прочие способы социального взаимодействия. Разумеется, это не так. Медиация, будучи действительно очень полезной и эффективной формой разрешения споров, совмещающей в себе такие кажущиеся несовместимыми качества, как гуманизм и прагматизм, имеет границы применимости.

Эффективность медиации в государственном управлении выражается в следующем: имеются три элемента эффективного интерфейса между гражданами и представителями власти: индивидуальный подход, справедливое обращение и участие. Проанализировав концепцию медиации, становится очевидным, что процедура медиации сама по себе является эффективным интерфейсом между сторонами. Она воплощает три составляющих эффективного интерфейса. Медиация основывается на личном контакте, со сторонами обращаются справедливо, и им позволено быть активными участниками в течение всего процесса. Во-вторых, если рассмотреть модель двойных опасений, то видно, что медиация – это очень действенное средство достижения баланса между интересами сторон. Претензии, возражения и судебные процедуры в основном являются проявлением конфликта. Медиация – это очень эффективный способ разрешения конфликта.

Разрешение конфликта в делах, связанных с публичным правом, сосредоточено не только на ведении переговоров в отношении права. Публичное право обычно дает представителям власти очень ограниченную свободу действий, и потому переговоры во время медиации не должны подразумевать игнорирования законодательных норм. Но анализ модели двойных опасений показал, что большинство конфликтов возникают не только по поводу правильного применения права. Не меньшую важность имеет должное поведение. И медиация в делах, связанных с публичным правом, ориентируется обычно на должное поведение чиновников. [4, 2]

Можно выделить положительные качества медиации:

1. Медиация предполагает большую оперативность в разрешении споров. Тогда как судебное рассмотрение вместе со сбором необходимых документов длится месяцами, урегулирование спора посредником может занять 1-3 дня.

2. Процедура медиации «не привязана» к Дворцу правосудия. Посредник (медиатор) и стороны конфликта могут решить все вопросы в любом удобном месте, любом населенном пункте. Ни один суд такой мобильностью не располагает.

3. Разбирательство спора и его урегулирование максимально упрощено. Стороны конфликта сами определяют условия работы и соблюдаемые формальности, а также выбирают посредника (медиатора), которому могут довериться.

4. Стороны самостоятельно определяют пределы конфиденциальности разбирательства, распространяя это требование и на медиатора, законодательно защищенного

от чьих-либо притязаний. К тому же процедура медиации не подконтрольна ни одному органу власти.

5. Стороны спора при выборе медиации как способа урегулировать возникшего конфликта могут сэкономить на уплате госпошлины и не маленьких гонораров юридическим фирмам за представительство в суде. Размер оплаты услуг посредника определяется сторонами с самим посредником.

6. Процедура медиации предполагает возможность участия в урегулировании спора не только специалистов в области права, но и других отраслей, в том числе экономистов, специалистов по фондовым рынкам, психологов и пр. Кто будет привлечен – это выбор сторон спора. [5, 92]

В альтернативном способе разрешения споров, а к такому относится и процедура медиации, имеющиеся недостатки можно свести в несколько групп:

- эффективность процедуры медиации очень зависима от степени сотрудничества сторон конфликта, их готовности пойти на разговор, на встречу друг другу, склониться к компромиссу;

- сложность выбора посредника, удовлетворяющего все стороны, связанная с осторожностью, щепетильностью;

- не значительный практический опыт применения в нашей стране процедуры медиации, не доверие институту посредничества как альтернативной судопроизводству;

- при наличии множественности лиц на одной из конфликтующих сторон процедура медиации (посредничества) существенно осложняется;

- результативность медиации во многом зависит от личности медиатора (посредника), его профессиональных навыков, опыта в разрешении конфликтов (споров), его авторитета. [6, 84]

Отдельные перечисленные недостатки в процедуре медиации имеют свойство терять свое значение (не статичны) в связи с изменениями в законодательстве, накопления практического опыта, а порой являться преимуществом при стечении обстоятельств. И все вышесказанное никак не умаляет значение медиации, жизненность которой может показать только время.

Литература

1. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 N 193-ФЗ [Электронный ресурс]: (ред. от 23.07.2013) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.09.2013) URL: <http://www.consultant.ru/popular/gkrf/> (дата обращения: 25.09.2014).
2. Власенко Н.А., Чернышова Т.В. Примирение и право // Журнал российского права. 2013. N 7. – 106 с.
3. Ермаков П.В. Медиация в России, США и Великобритании: сравнительный анализ // «Российское право: образование, практика, наука» 1/2013 (78) – 55 с.
4. Максуров А.А., Таланова М.В. Политическая функция медиативной юридической практики // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 1. – 83 с.
5. Малюшин А.А., Малюшин К.А. Сроки проведения процедуры медиации // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. N 4. – 64 с.
6. Решетникова И.В. И снова о медиации. Какой ей быть в России? // Закон. 2014. N 1. – 91 с.

РЫБНАЯ ОТРАСЛЬ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ИХ РЕШЕНИЯ

Омарова Хамисат Минкаиловна

преподаватель кафедры «Гражданское право» ГАОУ ВПО «Дагестанский государственный институт народного хозяйства», г.Махачкала, ведущий специалист ФГБУ «Запкасрыбвод», г.Махачкала

Водные биологические ресурсы – это, прежде всего рыбы, водные беспозвоночные, водные млекопитающиеся, водоросли, другие водные животные и растения, находящиеся в состоянии естественной свободы[1,3].

Данное определение устанавливает понятия биологических ресурсов, главным образом рыб, которые занимают основное место в данном перечислении. Россия как самая большая страна в мире и омываемая несколькими тысячами рек и морей производит и выращивает значительно высокую долю рыбной продукции.

Так, например, премьер-министр Дмитрий Медведев подчеркнул, что доля отечественной рыбной продукции на внутреннем и внешнем рынке за пять лет увеличилась, по его словам вылов рыбы в 2013г. по отношению к 2009г. стал больше на 13%, производство рыбы на внутреннем рынке на 12%. Объем поставок рыбы и морепродуктов за пределы России увеличился на 37%[2, 55].

Это говорит о развитии рыбного хозяйства в целом, но не указывает на эффективность и развития ее, существует и обратная сторона «медали», а именно данная отрасль имеет и криминогенный характер. Так как контрабанда и браконьерство в этой сфере растет также неумолимо, как и объемы добытой рыбной продукции.

В 2012 году подразделениями береговой охраны ПУ ФСБ России на морских направлениях задержало более 150 судов нарушителей, по решению суда 4 российских суда и 9 иностранных лишились добытой незаконным путем рыбной продукции. Изъято около 1,7 тысяч тонн рыбы. В I квартале 2013 года было задержано 14 судов, изъято более 120 тонн незаконно добытой морепродукции, наложено штрафов на общую сумму свыше 32 млн. рублей [3,С.46] и это только то, что зафиксировано.

Рыбное хозяйство – важная составляющая не только продовольственного составляющего для любого государства, но и часть экологической безопасности и экономической стабильности. Следует помнить, что данная отрасль в условиях повышения уровня преступных посягательств на нее должным образом развиваться не может и без соблюдения жестких требований к ее сохранению приведет к истощению и утрате рыбных запасов страны.

Помимо незаконного оборота рыбной продукции за пределы России существуют и причины внутренние, а именно разрушению экологической составляющей способствует бесконечный сброс сточных вод. Нельзя не согласиться с Д.О.Сиваковым, что большой вред водным биоресурсам причинило строительство плотин и гидрозлов мелиоративного назначения. При этом рыбопусковые устройства на этих сооружениях не были эффективны.[4, С.91]. Все это привело к процессам длительной деградации ресурсной базы рыбного хозяйства, не только сокращению размеров добычи, но и значительному ухудшению видового состава уловов[5, С. 278-299]. Следова-

тельно, к деградации рыбной промышленности из проявлений экологического кризиса и в какой-то мере производственного кризиса в дальнейшем отраженной на экономике страны. По нашему мнению для решения данной проблемы деградацию водных биоресурсов необходимо минимизировать.

Как на национальном, так и на международном уровне необходим правовой ответ на деградацию водных биоресурсов. Не последнее значение для национального правового регулирования в указанной области играют и акты международного права, Кодекс ведения ответственного рыболовства, принятом на Конференции ФАО 31 октября 1995 г, также международно-правовые акты разработанные Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН[6,С. 537 - 571].

Данный Кодекс концептуально построен на обязанности государства и пользователей природных ресурсов сохранять экосистемы (как морские, так и прибрежные). Само право на рыболовство влечет за собой обязанность осуществлять его "ответственным способом", обеспечивающим сохранение живых водных ресурсов (ст. 6).

В морских и пресноводных экосистемах следует защищать и восстанавливать жизненно важные места обитания (лагуны, мангровые заросли, рифы, районы обитания молоди и нерестилища). Необходимо пресечь разрушения, деградацию, загрязнение и другие виды негативного воздействия на местообитания.

В свою очередь, управление рыболовством должно содействовать поддержанию качества, разнообразия и наличия живых водных ресурсов в количестве, достаточном для нынешних и будущих поколений. Государству следует принимать меры по восстановлению популяций, предотвращать перелов рыбы и возникновение избытка добывающих мощностей. В данном аспекте целью государственного регулирования является обеспечение равновесия промыслового усилия и репродуктивных возможностей живых водных ресурсов. В Кодексе предусмотрена развернутая система наблюдения (мониторинга):

- за состоянием ресурсов, изменением их ареалов, влиянием на них отходов и загрязнений;
- за деятельностью рыбопромыслового флота (суда должны регулярно передавать сведения о своей деятельности уполномоченным органам);
- за обеспечением населения рыбной продукцией и их влиянием на здоровье потребителей.

Добычу, грузовые, транспортные операции, перегрузку и распределение рыбы и рыбопродуктов следует осуществлять так, чтобы сохранять их питательную ценность и качество, безопасность для потребителя, а также добиться максимального сокращения отходов при производстве данных продуктов.

Несомненно, Кодекс закладывает определенную

модель правоотношений в области мирового рыбного хозяйства. Поэтому многие положения названного Кодекса нашли свое отражение в национальном законодательстве о рыболовстве и сохранении водных биоресурсов многих «рыболовных» государств.

В России законодательство в сфере охраны водных биологических ресурсов – это единая система правового регулирования данных отношений, но имеющая свою специфику и «пробелы».

Так, например, ст.256 УК РФ имеет бланкетный характер, нет конкретизации и четкого определения на санкции в сфере незаконной добычи и вылова водных биологических ресурсов. Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» установлена преимущественно федеральная собственность на водные биоресурсы, тогда как они могут находиться и в федеральной, и собственности субъектов Российской Федерации, муниципальной и частной собственности. На законодательном уровне несовершенна и неустойчива сама база правовых актов в сфере охраны водных биологических ресурсов, а именно законодательство неоднократно изменялось в период с 2002 по 2005г.г., с 2006 по 2008 г.г., с 2010 по 2012 г.г., что приводило не только к образованию различных редакций, но и соответственно определяло динамично развивающиеся общественные отношения в области рыбного хозяйства, конфликтности интересов, тогда как именно законодатель должен упорядочить правовую базу в данной сфере.

Так, например, браконьерство – начальная ступень развития истощения рыбных запасов, говорит о неэффективности законодательной базы, говорит о слабой «управляемости» отраслью, недостаточном контроле и надзоре в области использования и охраны водных биологических ресурсов.

Изменчивость компетенций и статуса федеральных органов исполнительной власти, как это было сделано Постановлением Правительства РФ от 30 июня 2012г. №666, когда головным органом в области рыбного хозяйства стало Министерство сельского хозяйства, а Федеральное агентство по рыболовству ему подчинено, не приведут. Вряд ли тип государственного органа исполнительной власти (министерство, госкомитет, агентство) позволит только властными средствами навести порядок в области природных ресурсов.

Для обеспечения рационального и экономного использования водных биоресурсов нужна развернутая система стимулирования хозяйствующих субъектов (налоговые, таможенные и кредитные льготы), соразмерное снижение административных барьеров.

Почему нельзя на основе опыта зарубежных стран в сфере рыболовства применить ту или иную модель и в России? Тем более в странах Европейского сообщества, США и Канаде, законодательство о водных биоресурсах, несомненно, возникло и стало интенсивно развиваться гораздо раньше российского законодательства о рыболовстве и сохранении водных биоресурсов. Оно в целом более проработано по процедурам и больше поощряет общественные организации[7,С. 340 - 352].

Таким образом считаем необходимым ужесточить систему наказания в сфере незаконного вылова водных биологических ресурсов, принять от зарубежных стран многолетний опыт в данной сфере, а также руководствоваться международными актами и договорами подписанными Россией.

Литература

1. Вылегжанин А.Н., Зиланов В.К. Международно-правовые основы управления морскими живыми ресурсами (Теория и документы). М.: ОАО "НПО "Изд-во "Экономика", 2013. С. 537 – 571;
2. Мониторинг законодательства о лесах и животном мире: Научно-практическое пособие // Сост. С.А. Боголюбов, Д.Б. Горохов, Д.О. Сиваков. М.: ИЗиСП, 2011. С. 340 – 352.
3. Правовой механизм государственного регулирования и поддержки агропромышленного комплекса//Под ред. С.А. Боголюбова. М.: ИЗиСП; Норма, 2014. С. 278 - 299;
4. Российская газета выпуск №3661 от 23 декабря 2004 года// Федеральный закон «О рыболовстве и сохранению водных биологических ресурсов» №166 от 20 декабря 2004 года, С.3;
5. Скопинцева Е. «Российский бизнес на рыбе»// Журнал «Экономика и Жизнь» №17 от 30.04.2014,С.55;
6. Сиваков Д.О. Правовое регулирование рыболовства в России и за рубежом// «Экологическое право», 2013, N 5, С.91;
7. Сухаренко А. «Чистый улов» // "ЭЖ-Юрист", 2014, N 4, С.464

ОБРЯД СУДА ПО АДАТУ ЧЕЧЕНЦЕВ

Оздамирова Лаура Мусатовна

Ст.преподаватель кафедры теории и истории государства и права Чеченский Госуниверситет, г. Грозный

Источниками норм внешнего поведения (права) у горцев были адат, или обычай, маслагат или соглашение, а также прецедент и шариат, магометанский религиозный закон [2, с.59].

Суд по адату и мирские сходы составляли долгое время в Чечне единственную основу всего благоустройства [1, с.220]. Ф.И Леонтович писал следующее о происхождении суда по адату : «Адат есть суд по некоторым

принятым правилам или законам, установленным обычаем, освященным давностью. Вот как ичкерийские старики толкуют происхождение адатного суда: «В прежние времена, - говорят они, - когда народ чеченский был еще малочисленным и жил в горах Ичкерии и по Верховью Аргуна, все ссоры судились стариками; старики в то время были умнее, жили долго, знали многое и всегда решали справедливо по своему уму, не руководствуясь никаким

законом. Впоследствии народ чеченский размножился, в горах стало тесно, и многие племена выселились на плоскость к Сунже и Тереку. Новые племена сохраняли сперва обычаи предков и по-прежнему слушались стариков; но вскоре сделались буйными, перестали повиноваться и почитать старших. Наконец, народу наскучил беспорядок, никто не мог решить дело по уму предков... Все общим голосом решили послать в Ношхой, колыбель чеченского народа, спросить как делалось прежде. Какой был порядок у дедов, чтобы опять ввести его у себя. Там старики на совете долго думали... До того времени ношхоевцы не имели настоящей религии; они не знали правосудия Божьего, и старики всегда судили справедливо по обычаям народа, но теперь они стали мусульманами. Многие, что приказывает религия, не согласно с их обычаем; многое, что допущено обычаем, запрещается Кораном. Старики думали ... и ...решились согласовать народные обычаи с догматами Корана...»[1, с.225] .

Вот что писал о судах по дату А. М. Ладьженский : «Адатские суды разрешали споры только по заявлениям истцов, или по жалобам потерпевших с точным указанием на ответчика, или обвиняемого. Никакого возбуждения дел со стороны адатских судов не имелось, никакого представительного судебного следствия не производилось. Заявления от лиц пострадавших, не принадлежащих обиженному роду не принимались. Только если вследствие преступления пострадало имущество всего общества (дороги, мосты, пашни), дело разбиралось по заявлению любого из полноправных жителей аулов. Никакое представительство чужих интересов не допускалось. Поверенных перед адатскими судами не было. Только муж мог выступать вместо жены и отец, или опекун вместо малолетнего. Судили выборные (от влиятельных родов) старейшины. Судоговорение было устное, производилось на улице, или на площади. Решение выносилось по большинству голосов. Если спор касался каких-либо очень важных вопросов, или если спорящие оставались недовольны решением местного суда, они апеллировали к суду какого-либо из уважаемых соседних аулов.

Эти суды, так называемые адатские, возникли из третейских судов... Согласно правилам третейских судов, если обиженный или обидчик желали решить свой спор по обычаю, дело начиналось с того, что обе стороны созывали своих родственников и садились вместе с ними под открытым небом на таком расстоянии друг от друга, чтобы то, что делалось на одной половине, не было слышно на другой. Затем каждая сторона выбирала из посторонних почетных людей посредников, в количестве от 1 до 5, смотря по важности дела. Задача данных посредников состояла в том, чтобы вести переговоры между сторонами, передавать предложения истца ответчику и наоборот.

Если стороны соглашались разрешить свой спор мирным путем, то выбирались судьи, которые сходились в условленном месте и приступали к разбирательству дела. У чеченцев третейские судьи выбирались не из кандидатов, выставленных сторонами, а из посторонних почетных лиц, обыкновенно стариков, причем истец и ответчик (обвинитель и обвиняемый) вправе были назначить по

одинаковому числу судей (от 1 до 5). Предпочтение перед прочими получали жители древнейших аулов и лица, принадлежавшие к уважаемым... фамилиям. Постоянно из третейских и выборных эти судьи сделались постоянными, «народными». Выборы сторонами заменялись так называемым народным избранием... Были определены места, где должны заседать эти судьи» [2, с.62].

На протяжении многих столетий верховным органом различных вайнахских обществ был судебный орган «Мехк-кхел» (дословно переводится как «Совет страны» или «Суд страны»). Мехк-кхел собирался регулярно, как правило, для обсуждения общенародных вопросов и разбора частных споров (обычно два раза в год) в условленном месте. Адатский суд является уникальным явлением обычного права. В переводе с чеченского «кхел» означает «справедливое наказание» . Институт адатского суда известен чеченскому обществу с момента его зарождения. В экстренных случаях созывалось внеочередное собрание Мехк-кхела. В промежутках между собраниями его полномочия выполняли старейшины (къаной) во главе с председателем – руководителем (тхамда). Как правило, Мехк-кхел представляли самые авторитетные местные старейшины (къаной), духовные лидеры и представители богатой части вайнахского общества. Мехк-кхел вайнахов обладал также, кроме всего прочего, и исполнительной властью. Решение его было для всех обязательным [4, с. 84].

Следует отметить, что «горским и народным судам неизвестно ни разграничение уголовного и гражданского процессов, ни отличие публичного и частного обвинений; прежде всего имеется в виду вознаграждение потерпевшего за причиненный им ущерб. Поэтому нередки случаи, когда уголовное дело оканчивается присуждением виновного к возмещению причиненного им материального вреда или дело, например, о краже прекращается за примирением сторон» [3, с.41].

Считается, что адаты для лучшего своего применения требовали толкования. Обычно в качестве толкователей выступали именитые члены общества и старейшины, которые должны были в процессе урегулирования конфликтов наноинать фундаментальные правила. [4 , с. 81].

Наконец, следует особо отметить, что, следуя так называемому принципу накопления источников, ни один новый адат не мог заменить какой-либо уже существующий , он добавлялся к уже существующим, никоим образом не отменяя их.

Список литературы:

1. Кавказ. Адаты горских народов. Нальчик: Издательство М. и В.Котляровых, 2010. – 377 с.
2. Ладьженский А.М. Адаты горцев Северного Кавказа. // Южнороссийское обозрение. № 18. Ростов на дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2003. - 219 с.
3. Рейнке Н.Е. Горские и народные суды Кавказского края. Махачкала, 2003. - 176 с.
4. Сайдумов Д.Х. Обычное право чеченцев: дисс. ...канд. юр. наук. Махачкала , 2006. - 208 с.

БИОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ЧЕЛОВЕКА КАК ОСОБЫЙ ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Пестрикова Анастасия Александровна

К.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса Самарской Гуманитарной Академии, г. Самара

22 сентября 2014 года сенатор А. Беляков представил законопроект, предусматривающий фиксацию в основных документах гражданина сведений о согласии совершеннолетнего лица на изъятие его органов или тканей для трансплантации, то есть по сути, закрепление согласия на донорство при жизни. По мнению автора законопроекта, это позволит усовершенствовать механизм правового регулирования трансплантации органов, обеспечит дальнейшее развитие в России трансплантологии, совершенствование механизма реализации конституционного права на медицинскую помощь и усиление гарантий конституционных прав граждан.

При этом необходимо учитывать, что на сегодняшний день федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в ст. 47 устанавливает, что изъятие органов и тканей для трансплантации допускается у живого донора при наличии его информированного добровольного согласия, а также согласия реципиента. Кроме того, ст. 11 ФЗ от 22.12.1992 г. «О трансплантации органов и (или) тканей человека» определяет, что изъятие у живого донора органов допускается, если он находится с реципиентом в генетической связи, за исключением случаев пересадки костного мозга. Хотя данное ограничение представляется несоответствующим сложившейся мировой практике.

Совершеннолетний дееспособный гражданин может в устной форме в присутствии свидетелей или в письменной форме, заверенной руководителем медицинской организации либо нотариально, выразить свое волеизъявление о согласии или о несогласии на изъятие органов и тканей из своего тела после смерти для трансплантации. В случае отсутствия волеизъявления умершего право заявить о своем несогласии на изъятие органов и тканей имеют супруг (супруга), а при его (ее) отсутствии - один из близких родственников. Органы и ткани для трансплантации (пересадки) могут быть изъяты у трупа после констатации смерти, то есть закрепляется презумпция согласия на изъятие только после смерти при отсутствии волеизъявления лица о несогласии на изъятие органов.

В РФ в очередной раз затронута актуальная проблема, связанная с определением прав в сфере биомедицины, развивающейся области современной науки, которая ставит перед обществом, государством и правом сложные моральные, этические, юридические, религиозные и другие проблемы. Многие вопросы носят наднациональный характер и их решением занимаются во многих странах мира, поэтому перед отечественным законодателем стоит непростая задача, учитывать как потребности современной медицины и развития новейших инновационных технологий, так и максимально обеспечить защиту прав и законных интересов граждан.

Все чаще в юридической литературе можно встретить понятие «соматические права человека» [10, С 45]. А судебные органы развитых стран активно рассматривают дела, связанные с реализацией прав на тело и его состав-

ные части, включая и право собственности. Поэтому вопросы биомедицины и биоэтики тесным образом связаны именно с правовой постановкой проблемы, необходимо четкое, детальное урегулирование вопросов, связанных с оборотом биоматериала человека.

В качестве основных законодательных актов Российской Федерации, в которых встречаются нормы правового регулирования биологических объектов, можно назвать Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека», Федеральный закон от 20.07.2012 № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов» и другие нормативно-правовые акты.

Уже несколько лет рассматривается законопроект о биомедицинских клеточных технологиях, обсуждение которого стало предметом многочисленных дискуссий среди ученых различных сфер деятельности. Биомедицинские клеточные технологии являются инновационными технологиями, с помощью данных технологий возможна разработка лекарственных препаратов и новых методик по лечению социально-значимых заболеваний, и что немаловажно, неизлечимых на сегодняшний день. На сегодняшний день применение этих технологий носит экспериментальный характер, поэтому необходимо очень четко определить порядок их использования с целью обеспечения, как национальной безопасности, так и здоровья населения.

Очевидно, что на современном этапе необходимо создавать четкую концептуальную систему законодательного регулирования оборота биоматериала человека. В первую очередь хотелось бы затронуть аспект возможности участия биоматериала в гражданском обороте, а это предполагает наделение данных объектов характеристиками в качестве объектов гражданских прав и рассмотрение их в свете вещно-правовой концепции.

Появление новых объектов гражданских прав требует определения их специфики и особенностей правового режима, чтобы определить место в системе объектов и дальнейшего правового регулирования либо путем аналогии закона и права, либо путем создания особенного правового режима.

Определенные трудности в современной практике создают все чаще включающиеся в оборот «вещи» - биологический материал человека, сюда относятся и кровь и ее компоненты, клетки, органы и ткани, эмбрионы, и что немаловажно в связи со стремительным развитием биологических и медицинских наук и биотехнологий - искусственный биоматериал. Поэтому определение правового режима данных вещей представляется актуальной задачей национального и международного права.

Категория «вещь» достаточно широко изучена в юридической литературе, выделяют следующие признаки вещи: материальность, телесность, доступность для обладания (независимое от человека существование вещи),

способность удовлетворять те или иные потребности людей, то есть быть полезной, ценной [7, С 48]. Однако указанные признаки вещи нельзя абсолютизировать, ведь праву известны «бестелесные» вещи, поэтому гораздо важнее определить правовой режим таких новых «вещей» как биоматериал человека, а также определить способы защиты прав на них.

Вполне очевидно, что правовой режим вещи будет определяться правовыми нормами, устанавливающими:

- принадлежность данного объекта к вещам (не только в силу естественных свойств (например, материальности), но и путем «приравнивания» (например, деньги и ценные бумаги именно приравнены к вещам));
- принадлежность данной вещи к числу определенной разновидности вещей (например, недвижимых или движимых вещей);
- оборотоспособность данной вещи;
- вид правоотношений, в которых функционирует та или иная вещь;
- правовой механизм защиты вещных прав [7, С 56].

Представляется необходимым определить специфические признаки биоматериала человека для того, чтобы обозначить их правовой режим и возможность отнесения к объектам гражданских прав. Кроме того, закон должен определять правовой режим не только трансплантатов, а любого биоматериала, причем принципы правового регулирования должны быть однообразны, но с учетом специфики таких «вещей».

В качестве определяющих признаков можно выделить:

- Причина отделения клетки, ткани, органа от тела человека (естественное отделение, в результате оказания медицинской помощи, добровольное согласие на отделение);
- Момент такого отделения (при жизни или после смерти человека);
- Цель дальнейшего использования биоматериала;
- Принадлежность к субъекту (обезличен биоматериал или есть указание и сведения о доноре (владельце));
- Восполнимость или невосполнимость органа, ткани, клеток;
- Оборотоспособность;
- Возмездность или безвозмездность передачи биоматериала.

Уже традиционным можно признать существующее в юридической доктрине разделение позиций относительно статуса биоматериала: части тела человека не являются вещами; они представляют собой личные неимущественные блага, участвующие в отношениях донорства и трансплантации; являются ограниченными в обороте вещами [8, С. 151-153].

С точки зрения М.Н. Малеиной, гражданин при жизни имеет право собственности на собственное тело и неотделенные от него органы и ткани и может осуществлять правомочия по владению, пользованию и распоряжению, поскольку телесная оболочка неотделима от человека при жизни. А вот после смерти – это объекты материального мира, а, следовательно, относятся к вещам [9, С. 13].

Но активное вовлечение биоматериала в оборот уже при жизни человека говорит о том, что все-таки какие-то отношения собственности уже возникают, что подтверждается судебной практикой некоторых европейских стран и США.

Интересную позицию можно встретить в зарубежной литературе, если тело человека не относить к разряду вещей, то как рассматривать похищение человека, а в частности кражу человеческого тела после смерти? [4, С. 45] Кроме того поднимается вопрос, если нет права собственности на тело, то под запрет должно подпадать причинение вреда своему здоровью и запрет на самоубийство [4, С. 48]. Значит, если отрицать возможность существования права собственности (квасисобственности) на человеческое тело (биоматериал), то каким образом тогда объяснить возможность оборота биоматериала (пусть и ограниченного и только целевого, безвозмездного и т.п.). Это не решает проблемы определения правового режима.

В определенных случаях необходимо рассматривать человеческое тело и биологический материал как объект гражданских прав, а значит признавать определенные вещные права. К таким выводам приходит американский суд в деле *Colavito v. New York Organ Donor Network (Colavito III)* [2, С. 32], указывая, что человеку могут принадлежать определенные ограниченные права по распоряжению своим телом и его частями, схожие с правом собственности, но не в коммерческих целях. В указанном деле *Colavito* нуждаясь в пересадке почки, получил направленное донирование от своего близкого друга, который умер. Правая почка была направлена для пересадки, но оказалось, что она повреждена, был направлен запрос на получение левой почки. Однако оказалось, что она уже была пересажена другому реципиенту. Кроме того, как выяснилось, обе почки не подходили *Colavito* по биологической совместимости. Он предъявил иск о возмещении ущерба, поскольку полагал, что ему перешло право собственности на обе почки. Дело прошло несколько инстанций, и в конечном итоге в иске было отказано, но по причине не отказа в признании права собственности, а потому что почки были несовместимы и не могли быть пересажены в любом случае. Таким образом, дело стало обсуждаемым именно по причине хоть и косвенного, но признания права собственности на тело и его части [6, С. 17].

Чаще всего споры происходят по поводу делимого биологического материала, связанного с воспроизводством человека (сперма, яйцеклетки), но это не значит, что дальнейшее развитие медицины не приведет к расширению данной категории делимого биоматериала. Так в деле *J.C.M. v. A.N.A. о праве собственности на сперму после развода супругов*, суд признал, что биологический материал – объект права собственности, что нарушило длительное молчание в столь специфической сфере и дало начало развитию теории квасисобственности на биологический материал человека, тело и его части [1].

Стремительное развитие биомедицины в ближайшее время может поставить перед обществом и правом и еще одну пока неразрешимую проблему: право собственности на ДНК. Уникальность генетического материала трудно отрицать, тем более что многие заболевания

имеют генетическую предрасположенность, а значит, исследования ДНК будут востребованы. Сдавая анализы, человек может стать невольным донором генетического материала, исследования которого могут принести, в том числе и коммерческую пользу (например, создание лекарств). Можно и нужно ли защищать генетический материал, признавать право собственности, а значит и право свободного распоряжения?

Известное дело Мура [5, С. 10] по использованию его удаленной селезенки для создания лекарства, стало уже классическим, а значит, возможность предъявления требований о получении части прибыли от продажи лекарств, дает основание полагать, что определенные права собственности на тело и его части все же существуют и требуют своего легального определения и закрепления.

В июне 2014 года канадский суд вынес решение, что материал, изъятый для проведения медицинских исследований, как объект собственности, принадлежит больнице [3]. Таким образом, все чаще принимаются решения о признании биоматериала человека определенным объектом гражданских прав и возможности его оборота.

Правовое регулирование указанных объектов является актуальной задачей и требует скорейшего решения, отечественное законодательство в этой области носит фрагментарный характер и не содержит концептуального подхода. Хотя необходимость развития данной области современной науки в качестве приоритетного направления была озвучена В.В. Путиным еще в 2008 году. Отсутствие четкого правового регулирования приводит к негативным последствиям, как к торможению развития отрасли, так и незаконному обороту таких объектов, которые имеют высокую ценность, в том числе и с точки зрения их стоимости.

Список литературы:

1. Christine J. Duhaime. Who owns your body parts? // Duhaime Law. 2012 // <http://www.duhaimelaw.com/>
2. Colleran Erin. My body, his property?: Prescribing a framework to determine ownership interest in directly donated human organs // Volume 80, N 4, 2007.
3. Jennifer K. Wagner. Property rights and a human body // <http://www.genomicslawreport.com/>
4. Jonathan Brown. Theft, Property Rights and the Human Body – A Scottish Perspective // JOURNAL OF MEDICAL LAW AND ETHICS; VOL. 1, NR. 1, PARIS LEGAL PUBLISHERS © 2013 – P. 43-49.
5. *Moore v. Regents of the University of California.* // Human tissue ethical and legal issue. // http://www.who.int/ethics/en/ETH_Nuffield_human_tissue.
6. Shaun D. Pattison. Directed donation and ownership of human organs // Legal studies, 31 (3) – P. 392-410.
7. Лысенко А.Н. Имущество в гражданском праве России. М., 2010 – 200 с.
8. Малейна М.Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление и защита): Дис. ... докт. юрид. наук. М., 1997 – 431 с.
9. Малейна М.Н. Статус органов, тканей, тела человека как объект права собственности и права на физическую неприкосновенность // Законодательство. 2003. № 11 – С. 13-20.
10. Новоселова А.В. Правовое положение эмбриона в России: исторический анализ и современная действительность // Образование и право. № 8. 2013 – С. 44-52.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Пучкова Виктория Викторовна

канд. юрид. наук, доцент кафедры ОПиСПД

Смоленского филиала «Международный юридический институт», г. Смоленск

Охрана здоровья граждан понимается как система мер политического, экономического, правового, социального, научного, медицинского, в том числе санитарно-противоэпидемического (профилактического), характера. Эти меры осуществляются органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, организациями, их должностными лицами и иными лицами, гражданами в целях профилактики заболеваний, сохранения и укрепления физического и психического здоровья каждого человека, поддержания его долголетней активной жизни, предоставления ему медицинской помощи.

Конституционное право граждан на охрану здоровья обеспечивается многими факторами, к которым относятся:

- охрана окружающей среды,
- создание безопасных условий труда,

- создание благоприятных условий труда, быта, отдыха,
- воспитание и обучение граждан,
- производство и реализация продуктов питания соответствующего качества, качественных, безопасных и доступных лекарственных препаратов, а также оказание доступной и качественной медицинской помощи.

Медицинская помощь представляет собой комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг.

Право на медицинскую помощь имеет каждый в соответствии с гарантированным объемом, предоставляемой на основании программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи. Кроме того граждане имеют право на получение платных медицинских услуг в соответствии с договором добровольного медицинского страхования.

Право на медицинскую помощь возникает при заболевании, в случае утраты трудоспособности. Именно в этих случаях у граждан возникает необходимость обращаться в медицинские учреждения за предоставлением им данных прав. А именно право на предоставление первичной медико-санитарной помощи; специализированной, в том числе высокотехнологичной, медицинской помощи; скорой специализированной медицинской помощи; паллиативной медицинской помощи.

Государство гарантирует охрану здоровья каждого человека в соответствии с Конституцией РФ и иными законодательными актами РФ, Конституциями и законодательными актами субъектов РФ, общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами РФ.

Охрана здоровья человека – это одна из функций государства. В мировом масштабе охраной здоровья занимается Всемирная организация здравоохранения. Защита права на охрану здоровья возникает в результате нарушения этого права со стороны правонарушителя. А в случае нарушения права возникает необходимость в его восстановлении и привлечения к ответственности виновных.

Что касается гарантирования здоровья каждому, то оказывается, что закон не может этого гарантировать, так как состояние здоровье зависит от естественных факторов среды обитания и является физическим феноменом. На состояние здоровья также влияют социальные факторы, например, условия жизни, работа и отдых, продукты питания, чистота окружающей среды. Поэтому государство с целью реализации конституционного права граждан на охрану здоровья, должно гарантировать создание и соблюдение указанных условий.

Реализация прав и свобод человека в сфере охраны здоровья возможна в связи с гарантированием со стороны государства всем гражданам путём:

- оказания бесплатной медицинской помощи в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения за счёт средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений;
- финансирования федеральных программ охраны и укрепления здоровья населения;
- принятие мер по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения;
- поощрения деятельности, способствующей укреплению здоровья человека;
- развития физической культуры и спорта;
- финансирование программ по экологическому и санитарно – эпидемиологическому благополучию.

Существенным фактором, влияющим на здоровье человека, является воспитание и обучение, особенно, если речь идет о здоровье наших детей. Таким образом, на здоровье человека оказывает влияние воспитание и обучение. Согласно, Федерального закона от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в РФ» [1] **под воспитанием** понимается деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства. Под **образованием** понимается единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в инте-

ресах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов.

Условия обучающимся предоставляются с учетом психофизического и состояния здоровья, должна быть оказана социально-педагогическая и психологическая помощь, а также при необходимости бесплатная психолого-медико-педагогическая коррекция. Организация питания должна быть организована таким образом, чтобы поступление пищевых веществ и энергии должно соответствовать возрастным физиологическим потребностям детского организма, обеспечивать его рост и развитие. Например, завтрак в школе должен составлять 25%, обед 35% от физиологической суточной потребности в пищевых веществах и энергии, чтобы обучающиеся могли восполнить энергетические затраты. Особенно это относится к школьникам, так как большую часть своей жизни они находятся в школе. Именно в этом возрасте происходит формирование здоровья, подготовка во взрослую жизнь. Ответственность за организацию питания возлагается на организации, осуществляющие образовательную деятельность, организацию питания обучающихся. Согласно требованиям СанПиН 2.4.2409-08 «Санитарно-эпидемиологические требования к организации питания обучающихся в общеобразовательных учреждениях, учреждениях начального и среднего профессионального образования», утвержденных Постановлением Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 23.07.2008 N 45 [2], школы обязаны обеспечивать регулярное питание обучающихся, воспитанников дважды в день. В каждом учебном заведении должна быть столовая при соблюдении санитарно-гигиенических норм. Расписание занятий должно предусматривать перерыв достаточной продолжительности для питания обучающихся. Парты должны соответствовать требованиям ГОСТ 22046-2002. *Охрана здоровья* обучающихся включает в себя оказание первичной медико-санитарной помощи в порядке, установленном законодательством в сфере охраны здоровья, определение оптимальной учебной, внеучебной нагрузки, режима учебных занятий и продолжительности каникул. Учебная и внеучебная нагрузка, режим учебных занятий определяются на основе рекомендаций, согласованных с органами здравоохранения. Большое значение имеет пропаганда и обучение навыкам здорового образа жизни, требованиям охраны труда, организация и создание условий для профилактики заболеваний и оздоровления обучающихся. Для занятия обучающимися физической культурой и спортом должны быть установлены предельные физические нагрузки с учетом соответствующего пола, возраста и состояния здоровья.

Охрана здоровья обучающихся также включает в себя:

- прохождение обучающимися в соответствии с законодательством Российской Федерации периодических медицинских осмотров и диспансеризации;
- профилактику и запрещение курения, употребления алкогольных, слабоалкогольных напитков,

пива, наркотических средств и психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов и других одурманивающих веществ;

- обеспечение безопасности обучающихся во время пребывания в организации, осуществляющей образовательную деятельность;
- профилактику несчастных случаев с обучающимися во время пребывания в организации, осуществляющей образовательную деятельность;
- проведение санитарно-противоэпидемических и профилактических мероприятий.

Таким образом, образовательное учреждение должно создавать условия, гарантирующие охрану и укрепление здоровья лицам, обучающимся в учебных заведениях.

УДК 347.73

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ РАСХОДЫ ОРГАНИЗАЦИЙ И ЗАТРАТЫ ОРГАНИЗАЦИЙ В НАЛОГОВОМ УЧЕТЕ

Жестков Игорь Александрович

Аспирант кафедры финансового банковского и таможенного права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

Процесс деятельности организаций объективно предполагает необходимость осуществления расходов, являющихся обязательным условием получения доходов и, как следствие, - финансовых результатов - конечной цели функционирования любой организации.

Правильный налоговый учет расходов организаций имеет ключевое значение при определении налоговой базы для организаций-налогоплательщиков. Применительно к налогу на прибыль организаций налоговой базой являются финансовые результаты хозяйствующего субъекта, исчисляемые как разница между показателями оценки доходов и расходов организации в налоговом учете.

На практике трактовка норм финансового, а, в частности, налогового права РФ относительно понятий «расходы организаций» и «затраты организаций» вызывает сложности. В первую очередь, это касается норм, регулирующих вопросы оценки, определения и признания расходов и затрат, а также предписаний, указывающих, какая их часть влияет на налоговую базу по конкретным налогам.

Понятие «расходы по налогу на прибыль организаций» имеет самостоятельное определение в налоговом законодательстве РФ. Без учета особенностей субъектов обложения налогом на прибыль организаций согласно ст. 252 НК РФ¹ расходами признаются обоснованные и документально подтвержденные затраты (а в случаях, предусмотренных НК РФ, убытки), осуществленные (понесенные) налогоплательщиком. Таким образом, трактовка понятия, даваемая, в частности, нормативными актами по

Список литературы:

Нормативно-правовые акты:

1. Федерального закона от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в РФ» / Российская газета – Федеральный выпуск № 5976 от 31.12. 2012 г.
2. СанПиН 2.4.2409-08 «Санитарно-эпидемиологические требования к организации питания обучающихся в общеобразовательных учреждениях, учреждениях начального и среднего профессионального образования», утвержденные Постановлением Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 23.07.2008 N 45 / Российская газета – Федеральный выпуск № 4731 от 19.08. 2008 г.

бухгалтерскому учету, неприменима для целей налогообложения по налогу на прибыль. Вследствие этого, представляется неверной позиция некоторых российских ученых относительно возможности использования понятия «расходы», закрепляемого приказом Министерства финансов РФ (далее - Минфин России) от 06.05.1999г. № 33н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Расходы организации» ПБУ 10/99»² (далее – ПБУ 10/99), для целей налогообложения по налогу на прибыль³.

Также ст. 252 НК РФ определяет важнейший признак для признания затрат в составе расходов по налогу на прибыль организаций. В соответствии с ней расходами признаются любые затраты при условии, что они произведены для осуществления деятельности, направленной на получение дохода.

В то же время, необходимо отметить, что определение является неоднозначным, так как «под расходами понимаются затраты». Однако глава 25 НК РФ не устанавливает различия понятий затраты организаций и расходов организаций.

Названные понятия, хотя и одинаковы в общепринятом смысле, так как по своей сути имеют одинаковый смысл – это затраты организации, связанные с выполнением определенных операций, все же несколько разнятся при употреблении в зависимости от сферы применения. Как правило, понятие расходы организаций применяется в налоговом учете по налогу на прибыль. Понятие затраты организаций больше относится к сфере управления организацией и бухгалтерскому учету по налогу на прибыль.

¹ Налоговый Кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340; 2014. №30. Ст.4245

² Приказ Министерства Финансов РФ от 06.05.1999г. № 33н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Расходы организации» ПБУ 10/99» // Российская газета. 1999. №116; 2012. № 147.

³ Сабанин Р.Л. Доходы и расходы в системе бухгалтерского учета и налогообложения.: дис. ... канд. экон. Наук: 08.00.12. - М., 2002.- С.36.

Следует подчеркнуть, что определение понятия затрат организаций также отсутствует в нормативных актах по бухгалтерскому учету, тем не менее, практика бухгалтерского учета отождествляет понятия «расходы организаций» и «затраты организаций».

Такой вывод подтверждается использованием этого понятия вместе с понятием «расходы организаций» в ст. 8 ПБУ 10/99 в положениях, устанавливающих материальные и прочие затраты.

Раздел III Плана счетов бухгалтерского учета, утвержденного приказом Минфина России от 31 октября 2000г. № 94/11,⁴ называется «Затраты на производство», что также оговаривает применение именно понятия затрат организаций. Данный раздел характеризует содержание счета 20 «Основное производство», в котором говорится, что «счет используется для учета затрат по выпуску промышленной и сельскохозяйственной продукции...».

Существуют и другие примеры однозначного употребления названных понятий в нормативных актах по бухгалтерскому учету. К примеру, в Инструкции по применению плана счетов, также утвержденной названным приказом Минфина России, раздел III «Затраты на производство» начинается фразой: «Счета этого раздела предназначены для обобщения информации о расходах по основным видам деятельности».

В то же время, рассматриваемый в работе налоговый учет четко разграничивает эти понятия. Во-первых, трактовка понятия расходы организаций в приведенных статьях НК РФ включает помимо обоснованных и документально подтвержденных затрат еще возможные убытки, в результате делая понятие «расходы организаций» шире по смыслу, чем понятие «затраты организаций». И, во-вторых, по логическому смыслу можно резюмировать, что расходы организаций - это количественный показатель уменьшения средств организаций или увеличения ее долговых обязательств в процессе хозяйствования.

Понятие расходов организаций отображает факт использования материалов, сырья, услуг, а понятие затрат организаций - потребленные в хозяйственной деятельности ресурсы, еще не признанные расходами и отражаемые на балансе на конец года в виде остатков незаконченного производства, готовой продукции, отгруженных товаров и т. п.⁵

Как правило, понятие «расходы организаций» принимает форму оттока или уменьшения актива и признается в отчете о прибылях и убытках на основании непосредственной связи между понесенными затратами и

поступлениями по определенным статьям дохода. Такой подход называется соответствием расходов и доходов.

Зарубежными авторами понятие затрат организаций характеризуется четко и кратко. Например: «... затраты - стоимостная оценка потребления товаров и услуг» или «...обычно под затратами понимают потребленные ресурсы или деньги, которые нужно заплатить за товары и услуги»⁶.

В завершение анализа отличий двух названных понятий для объективности целесообразно отметить, что существует точка зрения, согласно которой разница между рассматриваемыми понятиями является надуманной и вызвана тем, что появление синонимов позволяет избежать тавтологии и соответствует принципу «богатства русского языка», однако в ракурсе изложенного она представляется неверной.

Список использованной литературы

1. Налоговый Кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340; 2014. №30. Ст.4245
2. Приказ Министерства Финансов РФ от 06.05.1999г. № 33н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Расходы организации» ПБУ 10/99» // Российская газета. 1999. №116; 2012. № 147.
3. Приказ Министерства Финансов РФ от 31.10.2000г. №94-н «Об утверждении Плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций и Инструкции по его применению» // Финансовая газета. 2000. №46; 2010. №52
4. Приказ Министерства Финансов РФ от 25.11.2011г. №160 н «О введении в действие Международных стандартов финансовой отчетности и Разъяснений Международных стандартов финансовой отчетности на территории Российской Федерации» // Российская газета. 2011. №278; 2013. №151.
5. Брызгалин А.В., Берник В.Р., Головкин А.Н. Сложные вопросы. Из практики налогового консультирования / А.В. Брызгалин, В.Р. Верник, А.Н. Головкин // Налог на прибыль. - 2004. - №1. - С. 166-174.
6. Сабанин Р.Л. Доходы и расходы в системе бухгалтерского учета и налогообложения.: дис. ... канд. экон. Наук: 08.00.12. - М., 2002. - 182 с.
7. Кузьмина, М.С. Учет затрат, калькулирование и бюджетирование в отраслях производственной сферы: учеб. пособие / М.С. Кузьмина. - М.: Финансы и статистика, 2007. - 208 с.

⁴ Приказ Министерства Финансов РФ от 31.10.2000г. №94-н «Об утверждении Плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций и Инструкции по его применению» // Финансовая газета. 2000. №46; 2010. №52

⁵ Приказ Министерства Финансов РФ от 25.11.2011г. №160 н «О введении в действие Международных стандартов финансовой отчетности и Разъяснений Международных стандартов

финансовой отчетности на территории Российской Федерации» // Российская газета. 2011. №278; 2013. №151.

⁶ Кузьмина, М.С. Учет затрат, калькулирование и бюджетирование в отраслях производственной сферы: учеб. пособие / М.С. Кузьмина. - М.: Финансы и статистика, 2007. - С. 5.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖТОПОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Федотова Татьяна Васильевна

*Докт. филол. н., доцент, профессор кафедры лингвистики и перевода,
г. Краснодар, Южный институт менеджмента*

Как известно, каждая единица лексической системы входит одновременно в два вида отношений: синтагматические и парадигматические, благодаря чему закрепляется в системе, характеризуясь определенной сочетаемостью с другими единицами и определенной значимостью. Следовательно, системный подход к изучению лексики предполагает описание всех видов взаимоотношений между элементами той или иной совокупности лексических единиц и анализа смысловых отношений между ними.

Исходя из того, что собственные географические названия представляют собой специфическую подсистему лексической системы языка, можно говорить о влиянии на организацию топонимической системы различных типов связей. В основе таких отношений, как известно, лежит сходство единиц, относящихся к одному языковой системе и в этом отношении однотипных. Относительно топонимической лексики стоит отметить тот немаловажный факт, что функцию идентификации и дифференциации топонимы могут реализовывать при условии их синтагматической и парадигматической организованности, т.е. должны соотноситься с другими названиями находящимися рядом объектов, группироваться в ряды однотипных в лексическом и грамматическом отношении топонимов.

Безусловно, проявление синтагматических и парадигматических отношений в топонимии имеет несколько специфический характер в отличие от других уровней лексической системы.

Поскольку в каждой языковой последовательности обнаруживается определенный порядок сосуществования элементов, следовательно, анализ парадигматических отношений неизбежно должен совмещаться с анализом синтагматическим. Кроме того, топоним как особая знаковая единица языка также претендует на исследование с позиции двойной структуризации единиц топонимической системы – в парадигматике и синтагматике.

Под топонимической синтагматикой понимается сочетаемость слов в линейном ряду, где линейным рядом является непосредственно территория, являющаяся основным контекстом для определенной совокупности топонимов. Причем этот контекст является постоянным и для каждого из топонимов единственным. Неслучайно по этому поводу Ю.А. Карпенко отмечает, что взаимоотношения соседних названий (аналог синтагматических противопоставлений речевого потока) в топонимии оказываются гораздо более влиятельными, чем в речевом потоке, с его бесконечным изменением комбинаций речевых единиц [3, с. 4]. Данное обстоятельство позволяет утверждать, что топонимическая система включает не только отдельные ряды, но и все названия определенной террито-

рии. Следовательно, синтагматические противопоставления реализуются в совокупном функционировании всех названий, которые имеются в определенном районе.

Например, определенные виды топонимов проявляли свои синтагматические связи в пределах одной административной территории:

- ойконимы *Читинского округа 1868 г.*: Николаевская волость, Татауровская волость, Кенонская волость, Александровская волость, Усть-Илинская волость, Ключевская волость, Размахнинская станица, Кайдаловская станица, Маковеевская станица, Титовская станица;

- ойконимы *Шилкинского района 1990 г.*: поселки Саввино, Галкино, Зубарево, Размахнино, Золотухино, Ульяновка, Васильевка, Богомягово, Митрофаново, Казаново, Краснояррово, Солнцево, Первомайский, Номоканово, Новоберезовское, Мирсаново, Апрельково, Макарово, Погодаевка, Назарово.

Таким образом, в синтагматические отношения вступают все топонимы, называющие однотипные объекты микрорегиона. Представленное данной системой синтагматическое единство (топонимический контекст) пронизывается в разных направлениях меньшими парадигматическими единствами, которые разделяют топонимическую систему на множество более тесно связанных между собой групп.

Единицы топонимической системы, сформировавшиеся в результате процесса естественной номинации, не только фиксируют определенную точку на местности, а являются элементами одной знаковой цепи в сознании носителя языка. Следовательно, типы семантических отношений между апеллятивами, лежащими в основе топонимов, могут базироваться на следующих параметрах: 1) рефлексия характера восприятия; 2) общность свойств объектов; 3) семантические связи внутри парадигмы названий одного объекта; 4) территориальная общность функционирования той или иной модели. На наш взгляд, данные параметры могут быть учтены в равной степени при любом проявлении лексической парадигматики.

По мнению Е.Л. Березович, семантическая корреляция в топонимии – «комплекс топонимов, в котором реальной пространственной соотнесенности объектов соответствует семантическая связь элементов комплекса» [1, с. 56]. Семантические основания парадигматических связей в классификации топонимов позволяют выделить следующие типы системных отношений: 1) синонимические; 2) антонимические; 3) омонимические; 4) мотивационные.

Как известно, синонимия представляет собой лексико-семантическую организацию слов, которая базируется на интегральных и дифференциальных семах. Отсутствие связи с понятием у топонимов позволяет рассматривать данное явление в ином аспекте, с некоторой долей условности, а именно с позиции тождественности

объектов, отличительные признаки которых коррелируют, вступая в синонимические отношения. Иначе говоря, сближение имен обусловлено их единым отношением к денотату, мотивировка номинации происходит по сходным признакам денотата.

Синонимия в своей прямой функции может анализироваться лишь на уровне апеллятивов, позволяющих увидеть индивидуализирующую семантику имени. В настоящее время существует однозначная позиция на явление ономастической синонимии. Так, А.В. Суперанская относит к данному явлению тождественность обозначение денотата, обусловленную социальным, стилистическим и собственно-ономастическим факторами, для чего вводит понятие «полионимия (многоименность)» [4, с. 300].

Как правило, явления синонимии проявляются среди топонимов, возникших в результате перцептивного восприятия объекта либо в результате непосредственного взаимодействия человека и объекта, т.е. общность сознания при номинации объектов на данных уровнях восприятия и идентичность свойств географических объектов являются главным критерием появления топонимических синонимов. Чаще всего такое варьирование лексем при номинации определенных признаков объекта базируется на привлечении диалектной лексики, которая является преимущественно результатом метафорического переноса наименования. Так, признак воды «непроточность» способствует развитию синонимических отношений в ряду: руч. *Болотистый* - *Калтусный* – *Отстойный*. В свою очередь, признак водного объекта «характер течения», а именно «непокойный» отражен в названиях р. *Яристая* – *Дикая*; признак «ровная поверхность»: г. *Лысая* – *Голая*. Синонимия в данном случае возникает только в процессе использования топонима в речи, когда в сознании носителя языка на первое место выходит признак предмета, а вербализация этого признака не всегда соответствует тому названию, которое зафиксировано на географической карте.

Кроме того, можно отметить явление полионимии и на хронологическом уровне: в период переименования населенных пунктов в первые годы Советской власти: с. *Монастырское* – *Калинино*; п. *Талманский* – *Александровский Завод*; ст. *Завитая* – *Первомайский*; ст. *Баронка* – *Пришковая*; с. *Ново-Павловское* – *Новопавловка*. Подобные названия в лингвистической литературе обозначаются как номинативные дублеты.

Разнообразие причин возникновения топонимической многоименности свидетельствует о неоднородности этого явления и позволяет отметить отличительные черты названного явления.

1. Номинация одного и того же объекта может трансформироваться в зависимости от времени, т.е. хронологически (топонимы-переименования).

2. Явление полионимии может быть результатом «возрастного» фактора, при котором неофициальное наименование объекта отражает либо первоначальное владение объектом, либо более специфичный, дифференцирующий признак того или иного объекта.

3. Топонимы-синонимы, функционирующие в речи носителей языка, отражают прежде всего рефлексии на доминирующий признак объекта и являются «параллельными» названиями к закрепленному на карте топониму.

4. Топонимы, входящие в один синонимический ряд, не могут быть членами другого ряда.

5. Между топонимами одного ряда нет стилистических различий.

6. Названия одного синонимического ряда ограничены территориально, известны только в пределах одной административной единицы и функционируют преимущественно в речи носителей языка.

7. Основную функцию синонимов, функцию замещения, топонимы могут выполнять только при переименовании, если временные различия не препятствуют этому.

По мнению многих лингвистов, номинативный характер имен собственных при ослаблении их связи с понятием не допускает развитие в области топонимии антонимических отношений. Антонимия в системе топонимов предполагает объединение слов с противоположными значениями, где в основе семантического соотношения находится общий интегральный и дифференциальный признаки. В данном случае под антонимическими связями понимаются отношения противопоставления, заложенные в семантике конкретных имен собственных. Эти противопоставления могут иметь различный характер: географические особенности местности, специфику номинируемого объекта, необходимость различения нескольких географических объектов: рр. *Левая Широкая* – *Правая Широкая*; рр. *Рассошина 1-я* – *Рассошина 2-я* и т.п.). Следовательно, номинация объектов по доминирующему признаку на различных уровнях восприятия предполагает выделение оппозиций различного уровня: размер (*Большой* – *Малый*); форма (*Узкий* – *Широкий*); цвет (*Белый* – *Черный*); время (*Старый* – *Новый*) и т.д. По этому поводу Л.М. Дмитриева отмечает, что антонимические связи очень сильны, и даже если соотношение между объектами изменится, то на протяжении довольно продолжительного периода структура структура топонимов не подвергнется модификации [2, с. 31].

Кроме того, антонимические отношения не всегда могут быть представлены в виде явных оппозиций, мотивация антонимических связей может быть утрачена. Однако в таких случаях топонимы тяготеют к выражению антонимических связей, даже если сами объекты уже не имеют отношений противопоставления. В качестве примера можно привести существование топонимов рр. *Ближняя Амодовка*, *Средняя Амодовка*, при этом отсутствует топоним *Дальняя Амодовка*.

Несмотря на относительное возникновение антонимических отношений между единицами апеллятивной лексики, лежащей в основе топонимов, говорить о существовании лингвистической антонимии в сфере географических названий нельзя. Можно говорить лишь о наличии в топонимическом пространстве семантических комплексов топонимов, обозначающих пространственно соотносенные (смежные) объекты и объединенные различными видами семантической связи.

Омонимические отношения связывают топонимы, совпадающие в плане выражения, но не имеющие никаких языковых парадигматических связей с другими топонимами. Так, топонимы р. *Сосновка*, г. *Сосновка*, пос. *Сосновка* можно относить к омонимам, так как они относятся к разным объектам. Безусловно, исторически данные топонимы сводятся к имени нарицательному *сосна*, но в результате повторного ономастического использования слова, эти географические названия образуют самостоятельные лексические единицы. Причем надо отметить, что использование подобных названий на территории одного

района, села вправе отнести к явлению топонимической метонимии, так как населенные пункты называются по реке, а река – по горе. Если же топонимы употребляются в разных районах, поселках, то здесь уже можно говорить о явлении омонимии. Омонимичные отношения часто подтверждаются топоконтэкстами: «Солонцовых ручьев у нас по всему Забайкалью с сотню наберется». Основным критерием возникновения омонимичных отношений является номинация разных категорий географических объектов с обязательной удаленностью их местоположения друг от друга.

Мотивационные отношения – это системные отношения между названием, которое содержит производящую основу (первичный репрезентант), и топонимами, мотивированными этим названием. Мотивационные отношения возникают в названиях, образованных в результате определенного уровня восприятия и взаимодействия с объектом, имеющих одну топооснову, но различающиеся топонимобразующим формантом. Так, в топонимических рядах типа р. *Грязная – Грязнуха – Грязнушка*; р. *Черемуховая – Черемушка – Черемушина – Черемушковая – Черемушиная* и т.д. варьирование названий формируется в зависимости от разных субъективных смыслов формантов: оценка, принадлежность и др. Причем это варьирование не влияет на семантику топонима в целом, а только

лишь отражает субъективное отношение человека к объекту. Вербализация признака объекта (его мотивация) является основной целью номинации, а употребление того или иного форманта происходит исключительно на психологическом уровне.

Таким образом, наличие на исследуемой территории совокупности топонимов, связанных парадигматическими и синтагматическими отношениями, помогающими выполнению идентифицирующей и дифференцирующей функции топонимов, является одним из признаков существования на территории Забайкальского края русской топонимической системы.

Литература

1. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура. – М., 2007. – 600 с.
2. Дмитриева Л.М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русских топонимии Алтая). – Барнаул, 2002.
3. Карпенко Ю.А. Топонимия Буковины: Автореф. Дисс. На соискание ... докт. Филол. Наук. – Киев, 1967. – 30 с.
4. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М., 2007. – 368 с.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА XVIII ВЕКА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Гагиева Анна Капитоновна,
д.и.н., доцент.

Коми Республиканская Академия Государственной службы и управления г. Сыктывкар, профессор кафедры документоведения и архивоведения

Исследование вопросов промышленной модернизации России на протяжении XVIII-XIX веков занимает все больше места в исторических исследованиях [3]. Это связано как с неразработанностью проблемы, так и с появлением новых исторических гипотез. Исследователи, отмечая положительную роль модернизационных процессов, вместе с тем подчеркивают и некую незавершенность исследования тех или иных проблем. Например, изучение влияния промышленной модернизации на формирование социальных отношений на низовом, локальном и региональном уровнях.

Цель настоящего сообщения - рассмотреть социальные отношения и влияние на них индустриальной модернизации на примере Европейского Севера. Для ее достижения мы использовали как опубликованные, так и неопубликованные источники, представленные архивными материалами, отложившимися в центральных архивохранилищах [5].

С целью более конкретного показа исследуемой проблемы, мы изучили явления и процессы, проходившие в Яренском и Устьсысольском уездах, входивших составной частью в Европейский Север России [3]. Начавшаяся модернизация промышленности Урала, затронула данную территорию. Здесь появились новые промышленные анклавы, росло производство, развивалась торговля и формировалась дорожная инфраструктура [1]. Все это не

могло не отразиться на структуре социального состава населения, в нашем случае, крестьянского.

Как уже было отмечено, в исследуемое время на территории Коми края появились первые промышленные предприятия [1, с.228]. Быстрый их рост остро выдвигал вопрос о рабочей силе. Первоначально работа на заводах производилась купленными в различных местах людьми, опытными в горном деле, а подсобные работы выполнялись местным населением. Так, побывавший в крае И.Лепехин в 1767 году отмечал «собственных людей у Походяшина (владелец Нювчимского завода – А.Г.) на заводе сем нет, кроме нужных мастеровых, а подсобная заводская работа отправляется зырянскими руками». Таких насчитывалось 126 человек вместе с семьями, количество которых постоянно росло и составило к 1800 году 236 человек [2, с. 253-259].

Однако, заводы не могли обойтись без привлечения к производству местного населения, которое использовалось для выполнения подсобных работ: добычи руды, жжения угля, рубки леса и так далее. Всего к 1799 году на трех железоделательных заводах работало ежегодно более тысячи мужчин и трех тысяч женщин. Отношения, которые складывались между заводладельцами и наемными людьми получило название «задатчивание», а наемные крестьяне определялись в исторических источниках как «задаточные люди». Следует отметить, что в изучаемое время «задатчивание» было характерно практически для

всех промышленных предприятий Коми края. Причем, данная «процедура» активно поддерживалась не только заводскими администрациями, но и уездными. И это не случайно. Администрация была заинтересована в сборе подушных денег и прилагала все усилия для своевременного сбора налогов. Аналогичную позицию занимали и крестьянские организации.

Заводские управляющие, объезжая волости, предлагали на «мирских» сходах деньги в счет уплаты налогов за несколько лет вперед с последующей отработкой этого долга на заводах. Например, крестьяне Гривенской волости заняв у в 1758 году всей волостью у заводчика Курочкина 300 рублей «для оплаты доимок», обязались работать 4 года по 30 человек на новостроящихся Нючпасском и Кажимском заводах каждый год по два месяца... В том же году крестьяне Ужгинской волости заняли у него же 900 рублей. Обязавшись отработать их за 5 лет. Работая в год по 50 человек, каждый по 91 дню [5, дд. 145, 188, 197 и др].

Однако были случаи и самовольного ухода крестьян с работы, и неповиновение заводским властям, и отказ отработывать взятые в долг деньги. Следует отметить, что по данному вопросу в исторической литературе существует следующее мнение. Авторы «Очерков по истории Коми АССР» (том I, Сыктывкар 1955), рассматривая «задатчивание» на промышленных предприятиях края в XVIII веке указывают, что «...ни о каком вольнонаемном труде в капиталистическом смысле слова не может быть и речи. Эксплуатация труда была чисто феодальной: налицо крепостные квалифицированные мастера и «задаточные» люди для подсобной работы. Ни те, ни другие не имели права добровольно покинуть заводы: одни в силу прикрепления к заводам, другие вследствие невозможности расплатиться с долгами» [4, с 162]. Признавая определенную правоту данных высказываний, необходимо отметить следующее.

В документах исследуемого периода случаи неповиновения заводладельцам не носят массового характера. В большинстве своем, крестьянские «миры», заключая договора на отработку на заводах, отпускали «со всеобщего согласия», в ближний «отход» для работы на заводах односельчан. Причем, процент ушедших на заводы, на протяжении исследуемого времени постоянно рос, что подтверждается положительной динамикой ушедших на заработки в пределах края [2, с 249-259].

Заводчики, заключая договор с крестьянскими «мирами», не только выплачивали аванс за работу на заводах, но и снабжали работников продуктами во время работы. Это также подтверждается «мирскими приговорами».

Говоря же о крепостных крестьянах, то здесь также необходимо обратить внимание на следующее. Так, по первой ревизии 1719-1725 гг., на Сереговском заводе жили 64 крепостных («домовых людей», «дворовых людей»). В 1722 году они о себе сообщали, что « Мы гостя Панкратьева дворовые люди живем в Сереговском Усолье в доме помянутого гостя Панкратьева изстари. А пашенные земли от него, Панкратьева, мы не пашем и с своей собственной пашенной земли промыслов не имеем, а живем в доме ево и отправляем ево дела при соляном промысле и питаемся денежным и хлебным ево жалованием» [5, д.2]. Указание на то, что население не занималось хлебопашеством, а обеспечивалось через денежное и хлебное

содержание со стороны заводладельцев позволяет говорить о начале формирования на данной территории социальной дифференциации общества, его пролетаризации. Возможно, с помощью выдачи денежного и хлебного содержания, заводладельцы Сереговского Усолья пытались «привязать» работника к производству и обеспечить его всем необходимым. Формирующийся здесь промышленный округ не нуждался в «бедном и убогом» работнике. Это же относится и к привезенным на железодельные заводы крепостным крестьянам.

Влияние промышленной модернизации на структуру населения проявилось и в таком явлении, как отход крестьян на заработки за пределами края. Известно, что практически убыточное сельское хозяйство Севера не обеспечивало основную массу населения деньгами для уплаты податей. Исходя из этого, значительную часть в их жизни играли неземледельческие занятия, которым население посвящало 6-7 месяцев в году. К традиционным видам, неземледельческих занятий – охоте, рыболовству, ремеслу, розничной торговле в изучаемое время добавились ближний и дальний отход крестьян на заработки как внутри края, так и за его пределы. И если ближний не мешал заниматься крестьянам сельским хозяйством и продолжался от одного до трех месяцев, то дальний – один – три года. К ближнему отходу относилась уже упоминаемая нами работа на железодельных заводах, сплав леса и сопровождению грузов с солью, скотом и прочими товарами по северным рекам. К дальнему относился уход коми крестьян в сибирские города (Иркутск, Якутск, Нерчинск, Томск и другие), а также в центральную Россию – Казань, Таганрог, Вятку. К концу XVIII века наблюдается отход крестьян на металлургические заводы Среднего Урала и Приуралья (Косотуровский железный завод Лучининых, Омутнинский завод Осокиных, Полевицкий медеплавильный завод Турчанинова). Здесь крестьяне становились составной частью рабочих людей для уральской промышленности. Так, в 1780 году Яренская воеводская канцелярия в своем определении об отправке крестьян на заводы Осокиных следующим образом сформулировала необходимость подробной «операции» «...чтобы не отнять от него (заводчика) охоты нанимать в здешнем уезде работников и давать ...здаточные деньги, которые вступают в платеж подушной подати, следовательно, в том зависит польза крестьянству, а паче казне» [5, д.101].

Вместе с тем, отход на изучаемой территории был ограничен паспортной системой. Паспорта выдавались на три года и то при условии, что за уходящим все налоги будет выплачивать «мир». Довольно часто ушедшие не возвращались. Одна часть «невозвращенцев», оседала в местах отхода, заводила семьи и вливалась в состав ремесленников. Другая часть, приходя на новое место, продолжала заниматься сельским хозяйством. И те и другие в местах нового места жительства сохраняла прежнее социальное положение.

Модернизация Европейского Севера оказала влияние на развитие социальных отношений в крестьянском обществе XVIII века. Для исследуемой территории был характерен очаговый характер модернизации, который приводил к созданию анклавов, окруженных сохранявшейся традиционной аграрной периферией. В процессе модернизации территории широко применялись традиционные институты и социальные технологии – внеэкономическое принуждение для мобилизации трудовых ресурсов

и феодальные привилегии для обеспечения экономической элиты производственными ресурсами. В основе этого был положен принудительный труд мастеровых и работных, занятых на основном производстве и нанятых на вспомогательных работах государственных крестьян. Появление и развитие «задатчивания», как формы внеэкономического принуждения, а также продолжающийся рост отходничества за пределы края, позволяет говорить о появлении на изучаемой территории элементов капиталистического найма. И если уральская металлургия выросла при активном участии государственной инвестиционной политики, мощного развития металлургии для военных и гражданских нужд государства, то на территории Коми края основную роль играл частный капитал, частная инициатива и смекалка. Владельцы железодельных и солеваренных заводов организовывали не только строительство заводов, но и производство продукции. Построенные в изучаемое время предприятия возводились не на средства государственной казны, как это было на Урале, а за счет личных сбережений. Оборудование и квалифицированные кадры завозились из центральных районов. Строительство и производство осуществлялось под контролем назначенных владельцем

управляющих. В результате, это приводило к изменению социальных отношений.

Список литературы

1. Гагиева А.К. Развитие промышленной сферы в условиях модернизации на Европейском Севере России в XVIII в. // Теоретические и прикладные аспекты современной гуманитарной науки. Серия : социально-гуманитарная: коллективная монография / кол. авт. Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-наука- общество» 2014, 272с. -С.221-233.
2. История Коми с древнейших времен до конца XX века. В 2-х т. 1- Сыктывкар, 2004
3. Опыт российских модернизаций XVIII-XX вв.: взаимодействие макро – и микропроцессов / В.В.Алексеев, Е.В.Алексеева, К.И.Зубков и др.; Ин-т истории и археологии/-Екатеринбург: Банк научной информации, 2011.-404с.
4. Очерки по истории Коми АССР, Т.1, Коми кн. изд-во, Сыктывкар, 1955.
5. Российский Государственный Архив Древних Актов (РГАДА) Ф.609. Оп.1.

О НЕОБХОДИМОСТИ АКТИВИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ИНЖЕНЕРНЫХ ВУЗАХ РФ

Калинов Вячеслав Викторович, Бодрова Елена Владимировна

Доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории и культурологии РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина; доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории МГУПИ, профессор кафедры истории и культурологии РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина, г. Москва

В последние несколько лет вопросы стимулирования инноваций вынесены на самый высокий политический уровень. Но констатировать сформированность инфраструктуры национальной инновационной системы, на наш взгляд, рано. Правительство России, разрабатывая концептуальные документы, механизмы формирования национальной инновационной системы, пытается аккумулировать позитивный зарубежный опыт. К числу значимых мероприятий следует отнести и совершенствование правового режима инновационной деятельности (налоговые льготы), и принятие закона, разрешающего бюджетным учреждениям образования и науки создавать малые инновационные предприятия. Только за первый год его применения уже создано около 600 малых инновационных предприятий при вузах и научных организациях.

На базе Российского государственного университета нефти и газа имени И.М. Губкина функционирует некоммерческое партнерство «Технопарк-Губкинский Университет». В 2010 г. оно получило статус саморегулируемой организации (СРО) в области энергетических обследований и зарегистрировано в Реестре саморегулируемых организаций Минэнерго России (№ СРО-Э-0162 от 02.09.2010) [5]. Учредитель технопарка - научно-исследовательский и проектный центр газонефтяных технологий (НИПЦ ГНТ) является патентообладателем 45 технико-технологических решений в области освоения Арктического шельфа, интеллектуальных скважинных систем, дистанционного интерактивно-

производственного обучения нефтегазовым профессиям, геонавигационного оборудования и информационных технологий, геонавигации скважин и др. [7]

Представляется перспективным развитие таких форм, как студенческие инкубаторы. Примером могут служить действующие инкубаторы в МИФИ, Южнороссийском государственном техническом университете, в Саратовском государственном техническом университете, в Томском государственном университете управления и радиоэлектроники [3, с. 65]. Результаты опроса, который был проведен среди студентов Саратовского государственного технического университета, работающих в бизнес-инкубаторе, демонстрируют, что 87% из них научились опыту командной работы, 30 – приобрели уверенность в собственных силах, 75% опрошенных получили практические навыки работы в бизнесе [2, с. 152]. Такое соединение образовательной и инновационной деятельности является убедительным доказательством активизации научно-образовательной кооперации. В подготовке инженерных кадров и выполнении вузами НИОКР проявляют заинтересованность соответствующие фирмы.

Отличительной стороной многих разработок, ведущихся техническими вузами, является возможность их использования не только в военной сфере, но и для развития гражданских отраслей (т.н. «разработки двойного назначения»). Так, реализуемые научными коллективами Московского физико-технического

института (государственного университета) и Самарского государственного аэрокосмического университета имени академика С.П. Королева проекты создают основу для современных технологических решений в приборостроении, связи, авиации, космонавтике и других высокотехнологичных отраслях экономики. Исследования и разработки ведутся по нескольким крупным направлениям: аэрокосмическая техника и космическая энергетика; акустика машин и виброзащита; ресурсосбережение и поверхностное упрочнения изделий аэрокосмической техники; аэрокосмическое материаловедение и металлообработка; космическая информатика и компьютерная оптика и др. [4, л. 9-13об].

Представляются сомнительными резко негативные оценки относительно состояния отечественного инженерного образования, имеющие место в настоящее время. Однако формирование НИС РФ не представляется возможным без реальной модернизации ВТШ. Это обуславливает необходимость аккумулирования западного и отечественного положительного опыта; создания творческих коллективов, обеспечивающих прорывы в приоритетных направлениях; синтеза вузовской, академической и отраслевой науки; подготовки менеджеров и структур, способных обеспечить трансфер технологий и защитить интеллектуальную собственность; создание системы образования, адекватной требованиям XXI в., то есть «длиною в жизнь», обеспечивающей регулярное повышение квалификации. Высокие темпы научно-технического прогресса, процессы глобализации, движение к информационному обществу требуют значительной перестройки мышления инженера. Большую роль в этом призвана сыграть высшая школа, акцентируя внимание не на приобретение суммы знаний, а на необходимость учиться всю жизнь. Новый склад инженерного мышления называется обычно инновационным, то есть ориентирующим сознание на новые знания.

Увеличение значения инноваций в экономике и быстрая смена господствующих технологий резко ужесточают требования к базовому образованию инженеров, качеству их интеллектуальных, волевых и организационных способностей. Модель инженерного образования, ориентированная на подготовку специалистов, обладающих инновационным мышлением, способных сочетать исследовательскую, проектную и предпринимательскую деятельность, может быть создана только в случае:

- объединения усилий государства, вузовской и научной общественности, представителей бизнеса;
- появления мощных научно-образовательных центров, призванных стать локомотивами российской модернизации, обеспечить формирование новой генерации высокообразованных профессионалов в области инженерии, обладающих суммой таких компетенций, которая позволит реализовать устойчивое динамичное развитие конкурентоспособной экономики и прорывное развитие различных областей практики на основе высоких образовательных и наукоемких технологий; специалистов, для которых установка на саморазвитие, профессиональное мастерство, выработка индивидуального стиля деятельности являются приоритетными.

Современная инженерная подготовка призвана обеспечить дееспособность и эффективность цепочки «исследование – конструирование – технология – изготовление – доведение до конечного потребителя – обеспечение эксплуатации» [6]. В инженерном образовании должно быть обеспечено сочетание технических и управленческих компетенций, связанных навыками управления производством, маркетингом, логистикой, инжинирингом, системным проектированием. Одновременно предусматривается возможность получения базовых знаний в сфере технологий и технологического менеджмента в рамках образовательных программ по экономическим и управленческим направлениям высшего образования.

По данным президента Ассоциации технических университетов И.Б. Федорова, в 2011 г. В России было всего 190 технических вузов, из них около 150 - технические университеты. Обучалось в них более миллиона человек. И.Б. Федоров отмечал: «При сравнении Российской высшей технической школы с зарубежными школами в качестве одного из основных достоинств наших технических университетов назывались их традиционные и тесные связи с промышленностью - это было и в царское, и в советское время... К сожалению, теперь связи вузов и промышленности ослабли, причём это коснулось и наших лучших технических университетов» [1, л.12]. В числе причин Президент Ассоциации технических университетов назвал отсутствие распределения для студентов-бюджетников, которое в свое время накладывало обоюдное обязательство как на выпускника, так и фактически на предприятия, гарантировано получающих кадры из университета, оказывающих помощь университету в проведении практик, в формировании университетской экспериментальной базы, обеспечении заказами на НИОКР. Это в свою очередь, помогало формировать прогнозы потребности промышленности в кадрах и профессионально обоснованные заказы на специалистов различного профиля, повышало социальную защищённость студентов. Наиболее целесообразным в настоящее время И.Б. Федоров считает такие юридические схемы, закрепляющие связи вуза и промышленного предприятия, как целевой приём и приём по договорам студент - вуз - предприятие. Контрактная система студент - вуз - предприятие закрепляет взаимные обязательства сторон, в том числе и в социальной сфере. Однако при реализации этого варианта недостаточно проработаны законодательно вопросы ответственности сторон за выполнение своих обязательств и закрепление кадров [1, л.12-13]. И.Б. Федоров полагал также необходимым доработать совместно с промышленными предприятиями классификатор, так как в нем был неоправданно исключён ряд специальностей (оптика, криогенная техника, специальная робототехника). От состава классификатора существенно зависит решение важнейших проблем, таких, как степень востребованности выпускников вузов и взаимопонимание высшей школы и производства, в котором особенно ощущается недостаток инженеров-конструкторов, инженеров разработчиков новейшей техники и технологии, специалистов высшего класса. Между тем, по словам Президента ассоциации, «инженеры-разработчики всегда составляли гордость нашей высшей отечественной технической школы и технических университетов» [1, л.15].

С целью конкурентоспособного и эффективно функционирующего сектора исследований и разработок и обеспечения его ведущей роли в процессах технологической модернизации Правительством РФ была утверждена Государственная программа Российской Федерации «Развитие науки и технологий» [10]. Программа предусматривает, в том числе, создание условий для увеличения спроса на научные и инженерные кадры; разработку образцов новой продукции или новых технологий. Обеспечение финансирования подобных разработок должно быть осуществлено на базе дифференцированного подхода к оказанию материальной поддержки различных стадий исследовательского цикла. В качестве приоритетных направлений названы: реализация накопленного потенциала в проведении фундаментальных исследований, обеспечение условий для развития исследований и разработок. Ключевая роль в ее осуществлении принадлежит РАН и государственным академиям наук, национальным исследовательским институтам и государственным научным центрам. Российские вузы также призваны обеспечить приток квалифицированных талантливых молодых ученых в российскую науку.

Мы согласны с мнением тех экспертов, которые выступают за необходимость формирования национальной Доктрины опережающего непрерывного инженерного образования в условиях новой индустриализации России и глобализации экономики и образовательного пространства [8, с. 76-79; 9, с. 51-65]. Нужен принятый на государственном уровне документ, основанный на видении будущего, целостно отражающий взгляды научно-технической общественности, общества, личности, государства и бизнеса на развитие национальной технологической базы, инновационной экономики и инженерного образования, в котором были бы четко прописаны на долгосрочную перспективу основные цели и задачи, роль государства, бизнеса, высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов в их реализации. В нем следует отразить взгляд на модель системы многоуровневого непрерывного опережающего высшего технического образования постиндустриального информационного общества, а также установить взаимосвязь государственных и рыночных механизмов регулирования. Необходимо, чтобы выполнение такого уровня Доктрины создавало условия для обеспечения устойчивого развития страны, реализации новой индустриализации, национальной безопасности и конкурентоспособности России на мировом рынке в области высоких технологий и образовательных услуг.

Список литературы:

1. Архив ГД ФС Ф.10100 Оп.196п-5 Д.92.
2. Дежина И.Г., Кисилева В.В. Государство, наука и бизнес в инновационной системе России. М., 2008. – 227 с.
3. Маркова Н.В. Развитие трудового потенциала в научно-инженерной сфере на основе новых форм кооперации труда: Дис. ... канд. эконом.наук. М., 2006. – 162 с.
4. Материалы Рособразования к первому вопросу «круглого стола» на тему «Инновационная политика – фактор экономической безопасности и гарантия стабильного развития Российской Федерации» // Архив ГД ФС РФ. Ф. 10100. Оп. 19п-IV. Д. 308.
5. Отчетный доклад ректора В.Г. Мартынова на ученом Совете РГУ нефти и газа им. Губкина. 22.03.2011 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.gubkin.ru/wps/wcm/connect/11580000463a756dae05ff2104c2fad4/odr.pdf?MOD=AJPERES>.
6. Основные принципы национальной доктрины образования / Ассоциация инженерного образования России. [Электронный ресурс] // Официальный сайт. URL: http://aeer.ru/winn/doctrine/doctrine_3.phtml.
7. Официальный сайт РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина. [Электронный ресурс] // URL: http://www.gubkin.ru/departaments/scientific_activity/tehnopark/.
8. Подлесный С.А. О некоторых подходах к формированию национальной доктрины инженерного образования // Инженерное образование. 2012. №10.
9. Похолков Ю.В. Национальная доктрина опережающего инженерного образования России в условиях новой индустриализации: подходы к формированию, цель, принципы // Инженерное образование. 2012. №10.
10. Распоряжение Президента РФ № 2433-р от 20 декабря 2012 года, которым утверждается государственная программа Российской Федерации «Развитие науки и технологий», определяющая развитие науки и технологий в Российской Федерации до 2020 года. Электронный ресурс URL: <http://xn--80aealotwbjpid2k.xn--p1ai/docs/22057/>.

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА В ПЕНЗЕ

Кусакина Мария Валерьевна

Студентка группы 10ЛК1, Медицинский институт ПГУ, г. Пенза

Герашенко Сергей Михайлович

д.т.н., профессор кафедры «Медицинские информационные системы и технологии» ПГУ, г. Пенза

В Пензенской области нет высшего медицинского образовательного учреждения, но есть Пензенский государственный университет, в структуре которого работает Медицинский институт.

Медицинский институт занимает десятый корпус Пензенского государственного университета, это здание

довоенной постройки. Оно предназначалось для размещения высшего медицинского образовательного учреждения, но институт в нём был открыт в нём гораздо позже. Долгой истории открытия медицинского института в Пензе и посвящается настоящая статья.

В последний год царствования, 1796 год, императрицы Екатерины Второй, которая сама себя причисляла к плеяде Просветителей Европы и Азии, был подписан Указ об открытии в Пензе Медицинского Университета. Ее кончина и вступление в царствование императора Павла Петровича помешали открытию Медицинского Университета. И тому служили две основные причины. Первая - Павел не переносил свою матушку при жизни, а после ее смерти все ее начинания и планы он велел не исполнять; вторая причина - Павел опасался студенчества и велел вместо Пензы открыть Университет подальше от столицы, в Омске [1, с.98].

К счастью, на этом попытки открыть Медицинский институт в г. Пензе не закончились, и 4 ноября 1937 года на заседании президиума Пензенского городского совета слушали об открытии медицинского института в городе Пензе. Докладчиком был профессор Николай Мокиевич Савков. На заседании постановили: во-первых, президиум горсовета целиком и полностью поддержал ходатайство Пензенского научно-методического общества об открытии медицинского института в городе Пензе в ноябре 1937 года, имея ввиду наличие всех возможностей для начала занятий первого курса, и просить Оргкомитет ВЦИК по Тамбовской области поддержать ходатайство перед Наркомздравом РСФСР; во-вторых, научно-медицинского общества о на заседании постановили одновременно просить Оргкомитет ВЦИК по Тамбовской области поддержать ходатайство научно-медицинского общества о строительстве нового медицинского института в городе Пензе в 1938 году; в-третьих, постановили поручить лично заведующему ГорОНО т. Рудаеву и профессору Савкову приступить к изысканию средств и подготовительным работам по открытию медицинститута в 1937 году.

21-22 декабря 1937 года состоялось заседание пленума Пензенского городского совета, на котором слушали о рассмотрении и утверждении контрольных цифр по бюджету на 1938 год. Постановили: поставить вопрос перед Оргкомитетом ВЦИК по Тамбовской области об организации в городе Пензе мощной строительной организации и о создании медицинского института [2].

Но институт не был открыт, потому что не приехали в Пензу преподаватели-врачи.

Пустующее здание было передано для размещения Обкома партии вновь образованной Пензенской области. До 1940 года шло переоборудование этого здания по ул. Садовой, 3 (ныне ул. Лермонтова, 3). В ходе этого переоборудования сняты скульптуры со сдвоенных пилоастров фасада здания и с постаментов при входе на внешнюю лестницу. Со слов очевидцев, эти скульптуры закопаны в землю возле современных гаражей НИИВТ. В 1940 году Обком партии переехал в отремонтированное и переоборудованное новое здание. Первая инвентаризация корпуса проведена хозяйственными службами Обкома партии в 1951 году.

В 1958 году после переезда Обкома партии в Дом Советов здание на ул. Садовой сначала было передано строительному институту, но вскоре это решение было изменено и здание поступило в распоряжение вновь образованного научно-исследовательского института вычислительной техники. В 90-х годах прошлого века НИИВТ не смог сохранить объёмы своих научных исследований и

фактически прекратил крупные разработки. Многочисленные здания научного института пустовали и их начали продавать. Так корпус, построенный для медицинского института, и оказался в составе Пензенского государственного университета. Здание требовало сложного и дорогостоящего ремонта. После его завершения в корпусе разместился медицинский институт университета [1, с.99].

Таким образом, Пензе пришлось ждать немногим больше 200 лет, чтобы в последний год уходящего века в области был открыт медицинский факультет. 16 июня 1999 года приказом №1679 Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации ПГУ получил право ведения образовательной деятельности по специальности 040100 Лечебное дело со сроком обучения 6 лет по очной форме обучения [3].

Медицинский институт был первоначально образован в университете как Медицинский факультет в 1999 году. Это был второй шаг вуза к классическому университету. Открыть медицинский факультет с единственной тогда специальностью «Лечебное дело» было чрезвычайно сложной работой. И эту работу ректорат поручил проректору В.А. Дурневу, к которому активно подключился доктор медицинских наук, будущий декан, а впоследствии и директор медицинского института в структуре ПГУ А.Н. Митрошин. Университет нашёл необходимые учебные площади, но проблемным вопросом были медицинские педагогические кадры. Лицензирование специальностей медицинского направления – прерогатива Минздрава РФ. Пензенский государственный университет для Минздрава был незнакомым вузом и к нему относились, и вполне обоснованно, с настороженностью. Но представленные лицензионные материалы, настойчивость В.А. Дурнева и А.Н. Митрошина убедили работников Министерства здравоохранения и медицинский факультет был открыт. Деканом факультета стал Александр Николаевич Митрошин. А преподаватели приехали из других вузовских медицинских центров. Из Саратова, из Самары, из Рязани и других городов. Приехали не просто врачи-преподаватели. Приехали врачи учёные, доктора наук, профессора. Многие из них известны во всём медицинском мире своими научными открытиями. Приехали потому, что в новом вузе работать интересней, здесь можно больше сил сосредоточить и на педагогической, и на научной работе [1, с.101].

Правительство Пензенской области весьма энергично поддержало свой университет в открытии медицинского факультета. Пензенская областная больница им. Н.Н. Бурденко стала клинической больницей университета. В больнице открылся ряд кафедр нового факультета. Подобные кафедры открываются и в других больницах города. В университете были организованы общеклинические кафедры медицинского факультета.

Через год университет на аукционных торгах купил здание бывшего НИИВТ, то самое здание, которое в довоенное время было построено для Пензенского медицинского института. После сложного ремонта медицинский факультет въехал в это здание вместе со своими кафедрами, лабораториями, оборудованием и библиотекой. А в 2003 году медицинский факультет, который имел к тому времени три курса студентов, стал медицинским институтом в структуре университета. Его директором стал А.Н. Митрошин.

Рисунок 1. Медицинский институт

Развитие здравоохранения и медицинской науки обусловлено успешным продвижением медицинского образования.

Хорошо известно, что высококомпетентный специалист обеспечивает потребности населения в медицинской помощи на должном качественном уровне, охраняя тем самым законные права человека и его достоинство.

Не смотря на тяжёлый путь своего становления, Медицинский институт в структуре Пензенского государственного университета функционирует и активно развивается и по сегодняшний день. И главный результат его работы – квалифицированные специалисты.

Список литературы:

1. Пашенко В.Г., Пензенский государственный университет. Очерки истории и современной жизни. К 60-летию со дня основания / Под редакцией Волчихина. – Пенза. Издательство Пензенского государственного университета, 2003.
2. ГАПО. Ф. Р-2038. Оп. 1. Д. 25.
3. Официальный сайт МИ ПГУ URL: http://i_med.pnzgu.ru/history

«ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МОСКВЫ И ТЕЛЬ-АВИВА В НАЧАЛЕ 1950-Х ГГ.: О ПРОТИВОРЕЧИИ СИОНИСТСКОЙ И КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИЙ»

Мустаев Р.Р.

аспирант, Специальность 07.00.03, Санкт-Петербургский государственный университет

Статья посвящена анализу того, как в указанный период протекали советско-израильские отношения на фоне американо-израильского сближения. В статье изучаются различные факторы оказавшие влияние на динамику взаимоотношений Израиля и СССР. В частности исследуется и значение антисоветской и антисионистской пропаганды в отношениях двух стран. Отдельно рассматривается проблема противостояния сионистской и коммунистической идеологий, в частности в свете личностного отношения советского руководства к сионизму как ведущей государственной, политической идеологии Израиля и позиции израильского руководства к социалистическому строю.

Анализ архивных материалов позволил выяснить, что отношения СССР и Израиля в указанный период являли противоречивую нарастающую тенденцию: от зарождения дружественных симпатий, к постепенному охлаждению и разрыву. В разгар межблокового противостояния решающей оказалась избранная Израилем внешнеполитическая ориентация.

Ключевые слова: советско-израильские отношения, сионизм, коммунизм, холодная война, дипломатия.

"SOVIET-ISRAELI RELATIONS AT EARLY 1950S: ON CONTRADICTION OF ZIONIST AND COMMUNIST IDEOLOGIES"

The article analyses the dynamics (the course) of Soviet-Israeli relations in the specified period on the backdrop of U.S.-Israeli gradual political convergence. Research is focused on various factors that influenced the dynamics of the relationship between Israel and the USSR. Particular attention is given to the factor of anti-Soviet and anti-Zionist propaganda in the relations of the two states. Separate investigation is provided for the problem of the collision of Zionist and Communist ideologies, particularly in light of the personal attitude of the Soviet leaders towards Zionism as Israel's leading state, political ideology and the position of the Israeli Government on the socialist system. Analysis of archival materials revealed that relations

between the USSR and Israel in this period represented contradictory increasing trend: from the rise of friendly sympathy, to gradual mutual disappointment and severance of diplomatic relations. In the terms of the cold war escalation, Israel's chosen foreign policy orientation played crucial role.

Keywords: Soviet-Israeli relations, Zionism, communism, cold war, diplomacy

Охлаждение советско-израильских отношений обусловил ряд факторов. Наиболее существенным стала «ревность» Советов касательно нейтралитета Израиля (в Холодной войне).

Отношение СССР к Израилю (как говорил З. Аргаман) основывалось «на нашем поведении в ООН и нашей позиции по комплексу вопросов, вытекающих из *корейской проблемы*»ⁱ. Численно советский блок был представлен в ООН слабоⁱⁱ. На дипломатическом уровне Израиль демонстрировал здесь явную поддержку СШАⁱⁱⁱ.

Еще в начале 1950 г. Посланник Израиля в СССР М. Намир увещевал МИД Израиля: «воздерживаться... в Корее мы не имеем никаких интересов, чтоб отступить от принципа невмешательства». Однако его совету в Тель-Авиве не вняли. В сентябре 1951 г. *Фактически* Израиль принимал сторону адвоката США, также и по ряду других вопросов. В Москве образ Израиля как близкого сторонника начал размываться.

Параллельно с выступлениями в ООН, Израиль начал выражать солидарность с развернутой США региональной программой обороны: имели место неофициальные визиты^{iv}, переговоры с Госдепартаментом (особенно зима-осень 1951 г.)^v и т.д. при этом, Правительство Израиля планировало заявить, что «Израиль может не вступить в Средневосточное командование если СССР благоприятно рассмотрит вопрос об эмиграции евреев из СССР в Израиль (250 тысяч человек в год)»^{vi}. *Этот двойной демарш* усугубил ситуацию, повлияв на ухудшение отношения СССР к Израилю в целом.

«Масло в огонь» подлило и выраженное нежелание Израиля вернуть СССР вещные права на царское имущество в Палестине (уклонение от документированных обязательств, создание проволочек)^{vii}. *Веской причиной такого поведения была поддержка СССР* решения о международном статуте [Иерусалима]^{viii}. В итоге решением суда в 1952 г. здания и участок «Русские постройки» (гостиницы, больницы, церкви, стоимостью в миллион фунтов стерлингов)^{ix} перешли в ведение генерального опекуна, как «не признаваемое имуществом, принадлежащим СССР»^x. *Отягчающим обстоятельством послужило то, что израильтяне также поставили вопрос о передаче имущества в зависимость от вопроса о выезде из СССР родственников израильских граждан*^{xi}.

В итоге, своими действиями израильское руководство создало неблагоприятный образ сионизма в глазах Москвы.

Израильтяне избрали ошибочную политику в построении связи Израиля с диаспорой в соцлагере. Особую роль сыграло поднятие «*вопроса о положении евреев в СССР*».

«Мы должны начать кампанию в международной еврейской прессе, особенно в США, и в нееврейской по вопросу о советском еврействе, давая просочиться в прессу всей достоверной информации, а также и слухов»^{xii}.

Да, была потребность в алии. В Восточной Европе, к моменту создания Израиля находилось 2,5 миллиона евреев, 80% этого количества составляли евреи из Советского Союза, но следовало избрать более мягкую стратегию.

Намир предлагал: на первом этапе «следует *не требовать*, возможно, что еврейская проблема в СССР может быть решена если мы будем сохранять спокойствие»^{xiii}.

Началась общемировая гонка вооружений. Больше, чем когда-либо прежде, живая связь «прозападного» с советским еврейством воспринималась СССР как удар в основание их идеологической политики, как опасная трещина в их союстройстве. Росли опасения шпионажа и возникновения «пятой колонны».

Израилю следовало не подогревать эти опасения Советов, а идти на компромисс. Однако в Тель-Авиве их совету так и не вняли. Бен-Гурион в выступлениях заявлял, что «*еврейское меньшинство в Советском Союзе не пользуется даже теми правами, которые предоставляются другим меньшинствам, и евреи не могут жить как евреи*»^{xiv}. Правительство в очередной раз пренебрегло мудрым советом Посланника в Чехословакии Ш. Эльяшова, *увещевавшего: «любое неудачное выражение, может сыграть роковую роль. нужно помнить, что Советы видят мир в черно-белой палитре, а их вечный вопрос: «С нами или против нас?»*»^{xv}.

Негативно повлияла и развернутая в Израиле анти-советская пропагандистская кампания^{xvi}. Избрана была ошибочная стратегия нажима, «требовать» вместо «просить». *Одним словом отсутствие гибкости.*

Особенно возмущало Политбюро то, что «Вместе с этим правительство Израиля всячески превозносит «помощь» и «заслуги» США»^{xvii} при том, что «влияние американских советников на внешнюю политику Израиля сказывалось прежде всего при решении вопросов советско-израильских отношений»^{xviii}.

Такая деятельность израильских лидеров обусловила ответную реакцию - именно тогда СССР отказался от позиции, что коммунизм и сионизм являются союзниками в борьбе с арабскими интересами^{xix}. Последовало осуждение и запрет сионизма, запрещение репатриации, а затем и разрыв отношений^{xx}.

Также уместно затронуть вопрос и об *отношении Советского руководства (и лично И. Сталина) к сионизму как политическому движению и ведущей государственной идеологии Израиля.*

Существенную пищу для отправных размышлений по вопросу предоставляют работы известного израильского политолога, советолога М. Агурского а также ответственного литературоведа и философа В. Кожина. Сам вопрос этот далеко не однозначен. Проблема носит комплексный характер.

С одной стороны Ленин в статье «Мобилизация реакционных сил и наши задачи» (1903 г.) заявлял, что сионизм — большой враг социал-демократии, чем антисемитизм^{xxi}. В СССР отношение к сионизму представлялось традиционно *отрицательным*. Со второй половины 1920-х гг. принадлежность к сионизму в СССР рассматривалась как политическое преступление, за которое людей арестовывали на долгие годы.^{xxii}

Определенно, Сталин как глава компартии разделял данное утверждение.

Однако не следует опускать тот факт, что сионизм как политическое движение *не был монолитен* в своей

сути. И сам Сталин как политик и стратег этот факт учитывал. Отсюда отношение политбюро к феномену сионизма было *двойственным*.

Согласно М. Агурскому существуют, по крайней мере, *2 формы сионизма*: национальный сионизм – цель создание национального *независимого* государства; международный сионизм, который не склонен к культивированию национальных традиций.^{xxiii}

На основании сказанного Агурским можно развивать логическую цепь далее. Сталин и его окружение относились лояльно как раз к той ветви политического сионизма, которая была созвучна идеалам рабочего движения - сионизму национальному.

Здесь речь шла (согласно М. Агурскому) о сионизме как «национально-освободительном движении», с целью «создания израильского государства на исторической родине». Агурский добавляет: «целью первоначального сионизма было... создание государства... основанного на идее возвращения народа к производительному физическому труду и социальной справедливости»^{xxiv}.

Изначально Бен-Гурион следовал в фарватере именно такого сионизма: (из выступления на совещании молодых руководителей рабочего движения в Хайфе в 1944 г.): «Наша же революция направлена... против особой судьбы особого народа... Независимость еврейского народа на своей родине!»^{xxv}.

Итак, задачей национального сионизма было создание израильтян как нации, подобной другим нациям, имеющим свое *национальное государство*.

М. Агурский говорил и о еще одной задаче национального сионизма: «Сионизм был движением... против неограниченной власти еврейской буржуазии»^{xxvi}.

В таком сионизме Сталин видел сотрудника советского рабочего движения. Ленин же в «Искре» говорил о «другом» сионизме, «буржуазном».

Причина разрыва СССР с Израилем – *отход правящих сионистов Израиля именно от идеалов рабочего движения на рубеже 1940х-50х гг.* Это выразилось в открытой ориентации на Запад и США, требовании иммиграции из СССР (а это в Москве расценивалось как раскол советского идеологического фундамента, расшатывание советского строя).

В результате объявленной Шареттом «кампании в международной прессе о советском еврействе»^{xxvii} усилилась связь сионистских организаций в СССР и за границей – на что Кремль ответил ликвидацией ЕАК (Еврейского антифашистского комитета СССР) как «центра антисоветской пропаганды»^{xxviii}.

Дело в том, что Члены ЕАК обещали председателю еврейской антифашистской помощи в США Гольдбергу (во время его визита в СССР в 1949 г.) «вести борьбу с ассимиляцией евреев в СССР и усилить представление информации о Советском Союзе».^{xxix}

В инициативах, выдвигаемых ЕАК Сталин не усмотрел патриотизма (ведь первая задача после войны – было укрепление национального государства). Борьбу с ассимиляцией евреев в СССР в ЦК КПСС определили как «безродный космополитизм», раскол единства советской нации, поворот к западу – следовательно, развернулась кампания против него.^{xxx} *Инициатива выделения Крыма* (американским сионистам) рассматривалась как раскол уже советского государства.

В этой связи началась и идеологическая кампания. Фактически, *в глазах СССР Израиль изменил идеалам социализма*. То есть имела место идеологическая компонента.

Сталин в борьбе против международного сионизма чаял союзника в сионизме национальном^{xxxi}. Но оказалось, что отношения с СССР в Израиле определялись чисто практическими расчетами. Нейтральность Израиля начала улетучиваться уже в начале 1950 г. Принятый Кнессетом 24 ноября 1952 г. «Основной закон о статусе Всемирной сионистской организации» определил правовые основы партнерства между израильскими руководителями и международным сионизмом^{xxxii}.

Посланник Израиля в Москве Эльяшив прагматично предупреждал, что «кампания в израильской печати об иммиграции евреев из СССР не принесет большой пользы, а даже наоборот, может причинить вред».^{xxxiii}

В итоге, на рубеже 1940-1950х гг., если в странах народной демократии, например в Чехословакии, еще сохранялись сионистские организации, то в СССР они были уже ликвидированы. Если в 1948-49 гг. Израиль начал агитационную кампанию по «еврейскому вопросу в СССР» - тогда Кремль ликвидировал ЕАК – рассматривая его деятельность как антипатриотическую, расшатывание советского строя изнутри, но это было дело внутреннего характера.

В 1951-1952 гг. ситуация несколько меняется: Израиль все более отходит от нейтралитета, открыто сближаясь с «империалистами» США. В ответ - *весной 1952 года прекратилась репатриация* из Румынии, Чехословакии, Польши, Венгрии хотя и в ограниченных размерах. Июль 1952 г. - договор о взаимопомощи с США, август-сентябрь - заявление Израиля о согласии участвовать в МЕС.

Соответственно именно в августе-сентябре СССР ответил давлением внутри страны на сионизм и все что с ним связано и может считаться связанным: новый импульс получила «кампания против космополитов». В ноябре 1952 года - процесс Сланского. Середина января 1953 г. «дело кремлевских врачей». В отличие от пражского процесса тут все обвинения выдвигались лишь в адрес «сионизма», но не государства Израиль^{xxxiv}.

Тогда же было положено начало идеологической кампании, связывающей «дело Сланского» и «дело врачей» и обвиняющей во всех смертных грехах сионистов, космополитов, Джойнт - известной как «кампания за всестороннее повышение бдительности». В этой связи были упомянуты и «буржуазные еврейские националисты».

Как писал посланник в СССР Эльяшив: «Сионизм и Джойнт стали ругательными словами. Государство Израиль пока мишенью для нападок не служит. В то же время в истерическом тоне пишут о сионизме. Это может свидетельствовать о значении, какое здесь придается борьбе против сионизма».^{xxxv}

О ситуации на конец января — начало февраля 1953 г. свидетельствует и Отчет ВОКС по Израилю, где прямо говорилось что «*Правящие круги Израиля — наймиты американского империализма — поощряли гнусную антисоветскую пропаганду... Оголенные враги советского народа — сионисты*».^{xxxvii}

По поводу процесса {Сланского} в Праге среди еврейских лидеров США возникли разногласия о том, стоит ли обвинять СССР что «исчезают последние отличия советского режима от нацистского»^{xxxvii}.

В январе 1953 г. Посланник Израиля в СССР Ш. Эльяшив писал: «Весь тон выступлений и статей в Израиле, выступление посла Эбана в США наполняют меня тревогой и беспокойством. Они оставляют впечатление демонстративного вызова и желания ускорить конец наших отношений с СССР»^{xxxviii}.

Для Сталина слова «сионистский» становились *тождественны* понятиям «американский» и «империалистический».

В Израиле же пришли к следующему выводу: «Использование слов «еврей» и «сионист» в качестве ругательств указывает на поиски русскими лидерами «козлов отпущения» и косвенно свидетельствует о тяжелом внутреннем положении СССР»^{xxxix}.

Как докладывал в МИД Временный Повторенный в делах СССР в Израиле А.Н. Абрамов: «за последнее время израильское правительство стало на путь, который не совместим с нормальными дипломатическими отношениями ... между СССР и Израилем по вине последнего».^{xl}

В итоге получили известный, закономерный исход в феврале 1953 г.: «в свете участия... Правительства Израиля в систематическом разжигании ненависти и вражды к Советскому Союзу...»^{xli} СССР прекратил отношения с Правительством Израиля.

Отношения СССР и Израиля в указанный период являли противоречивую нарастающую тенденцию: от зарождения дружественных симпатий, к постепенному охлаждению и разрыву. В глазах Политбюро ЦК КПСС Израиль расценивался предателем интересов социализма, начав сближение с Вашингтоном, чем изменил ожидаемой от него позиции нейтралитета в разгар межблокового противостояния.

Учитывая болезненную реакцию СССР по ряду международных и внутривосточных вопросов, Израилю недоставало более гибкой дипломатической стратегии, о чем неоднократно увещевали такие кадровые израильские дипломаты и политики как Левави, Ш. Эльяшив.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС «ОБ УСИЛЕНИИ БОРЬБЫ С ВЛИЯНИЕМ ИСЛАМА» ОТ 18 АВГУСТА 1986 г. И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Попова Ксения Юрьевна

Главный архивист отдела использования и публикации документов ГБУ «Центр документации новейшей истории Оренбургской области», соискатель кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания Оренбургского государственного педагогического университета, г. Оренбург

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. взаимоотношения государства и религиозных объединений сохраняли прежнюю атеистическую направленность. Несмотря на это, религиозность, пусть и среди незначительной части населения, в том числе исповедующего ислам, все же сохранялась. Об этом свидетельствуют статистические данные по мусульманской обрядности, ежегодно фиксируемые региональными уполномоченными Совета по делам религий при Совете Министров СССР.

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. на Южном Урале официально действовало 24 мусульманских объединения, в том числе в Башкирской АССР – 14, в Оренбургской области – 6, в Челябинской – 4 соответственно [3, Л. 1.; 4, Л. 178.; 7, Л. 1]. Так, в Башкирской АССР в 1978 г. было совершено 135 наречений имени, 152 венчания, 1214 отпеваний [6, Л. 2]. В 1980 г. – 213, 253 и 1600 соответственно [7, Л. 2]. Незначительный рост обрядности прослеживался в Оренбургской и Челябинской областях. Как видим из приведенных выше цифр, рост религиозной обрядности происходил за счет отпеваний. Даже в советские времена мало кто игнорировал национально-религиозные традиции. При этом следует еще раз подчеркнуть, что это данные официальной статистики. В действительности число исполненных религиозных обрядов было значительно больше, так как обряды совершались и безмечетными муллами, сам факт совершения какого-либо обряда держался в тайне во избежание ответственности [2, с. 274].

Вполне естественно, что сохранение религиозности вызывало негативную реакцию правительства. Международные события конца 1970-х гг., а именно – исламские революции в Ливии, Иране, ввод советских войск в

Афганистан и стремление обуздать афганскую религиозно-политическую оппозицию, политическая активность ближневосточного мусульманского духовенства – все это вынуждало руководство страны усилить борьбу с проявлением религиозности мусульманского населения в СССР [2, с. 275].

Так, в сентябре 1981 г. секретариатом ЦК КПСС было принято очередное атеистическое постановление «Об усилении атеистического воспитания», в котором, помимо прочего, говорилось о том, что примирение с религиозными предрассудками создает благоприятную среду для идеологических диверсий империализма и реакции [2, с. 275].

Доктор исторических наук, профессор А.Б. Юнусава справедливо замечает, что уже в период, предшествующий перестройке, отношение к исламу со стороны государства было откровенно двойственным. Ислам негласно был разделен на «реакционный» (реакционные исламские режимы, реакционное мусульманское духовенство за рубежом) и «прогрессивный» (модернизирующийся ислам, прогрессивное духовенство, активно участвующее в общественной жизни страны, «мусульмане страны Советов») [2, с. 276-277].

Начавшаяся в середине 1980-х гг. перестройка первоначально не предусматривала изменений в отношениях между государством и религиозными объединениями. К примеру, в программе коммунистической партии, принятой на XXVII съезде КПСС, не было сказано ни слова о проблемах свободы совести. Примечательно, что и сам генеральный секретарь М.С. Горбачев, выступая на этом съезде с политическим докладом, заявил следующее:

«Застой в таком главном, динамичном деле, как нравственное, атеистическое воспитание, просто нетерпим» [1, с. 399]. В результате, в первые годы перестройки, на страницах газет продолжают появляться статьи, требующие усиления борьбы против религии и улучшения атеистической пропаганды.

Несмотря на проведенную в 1986 г. в Баку международную исламскую конференцию «Мусульмане в борьбе за мир», широко освещавшуюся в печати и на телевидении, в этом же 1986 г. была предпринята последняя попытка борьбы с религией. 18 августа 1986 г. политбюро ЦК КПСС приняло постановление «Об усилении борьбы с влиянием ислама». В определенной степени его появление было связано с военными событиями в Афганистане и ростом фундаментализма среди афганского населения. В постановлении преимущественно говорилось о регионах Средней Азии, Казахстана, Азербайджана и Северного Кавказа, о том, что партийные и общественные организации в этих районах не придают должного значения борьбе с религиозными предрассудками, особо указывалось, что под влиянием мусульманских традиций находится значительная часть молодежи, женщин, интеллигенции, что соответственно требовало усиления атеистической работы.

Анализ имеющихся в распоряжении архивных документов позволяет сделать вывод, что на территории такого многонационального региона как Южный Урал, реализации данного постановления уделялось значительное внимание.

Так, менее чем через месяц, 12 сентября 1986 г., Челябинский обком КПСС принял аналогичное постановление, в свете требований которого были разработаны мероприятия по ускорению развития социально-культурной сферы Аргаяшского и Кунашакского районов с преимущественным проживанием татаро-башкирского населения: предлагался поэтапный перевод школ на преподавание предметов на двух языках, вводились регулярные радио и телепередачи на национальном языке, решались вопросы расширения культурных связей с Башкирской и Татарской АССР и др. [5, Л. 3.] Челябинский обком КПСС отчитывался в Москву, что в области и без этого немало примеров умело поставленной работы по интернациональному воспитанию и пропаганде национально-культурного наследия. Так, при областной филармонии уже работала татаро-башкирская бригада, при Челябинской татаро-башкирской библиотеке был создан самостоятельный культурный центр. При такой же библиотеке г. Троицка Челябинской области действовал клуб по интересам «Дружба», объединявший людей старшего поколения.

В свете данного постановления была также пересмотрена лекционная пропаганда по научному атеизму. Областным обществом «Знание» была обновлена тематика лекций. На местном материале были подготовлены методические разработки на тему: «Ислам в СССР и атеистическое воспитание», «Ислам в современной политической и идеологической борьбе» и др. [5, Л. 3-4.].

В информации о ходе выполнения данного постановления Оренбургским обкомом КПСС, направленных в ЦК КПСС, отмечалось, что практически в каждом районе области имеется лектор по проблемам ислама, но на результативности их атеистической пропаганды отри-

цательно сказывается отсутствие на кафедрах общественных дисциплин вузов специалистов высшей квалификации по проблемам ислама. Хотя в течение 1986 – 1987 гг. среди населения Оренбургской области, традиционно исповедующего ислам, было прочитано 96 лекций [8, Л. 95]. При этом, несмотря на предпринятые по реализации постановления меры, Оренбургский обком КПСС признает, что обрядность в мусульманском культе продолжает расти. В области продолжают функционировать 8 зарегистрированных религиозных общин мусульман и 12 нелегальных, не имеющих официальной регистрации. Так, если в 1986 г. было совершено 122 наречения имени, то в 1987 г. – 171, венчаний (никах) – 92 и 126 соответственно [9, Л. 58].

В БАССР в свете данного постановления помимо мер идеологического воздействия предусматривались и практические мероприятия по вытеснению религиозной обрядности из жизни населения (например, создание хозрасчетных похоронных служб в городах, райцентрах и каждом населенном пункте) [2, с. 277].

Следует также отметить, что перечисленные выше постановления обкомов партии, хотя и касались в первую очередь борьбы с усилением влияния ислама, должны были в целом улучшить состояние атеистической пропаганды в регионах. В информации областных комитетов партии приводились также статистические данные по обрядности среди православного, протестантского населения, комплексные мероприятия по отвлечению верующих различных толков от религии.

Последние информации, разъясняющие ход выполнения данного постановления в регионах, были отправлены в ЦК КПСС в 1988 г. Анализ архивных документов позволяет сделать вывод, что добиться желаемого результата, как в предшествующие периоды истории, органы власти как местного, так и общесоюзного уровня, уже не смогли. На фоне начавшегося потепления государственно-конфессиональных отношений, постановление политбюро ЦК КПСС от 18 августа 1986 г. прошло незаметно и уже не смогло помешать активизации религиозной жизни в стране.

Список литературы:

1. Шкаровский М.В. Русская православная церковь в XX веке. – М.: Вече, Лепта, 2010. – 480 с.
2. Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999. – 352 с.
3. ГАОО (Государственный архив Оренбургской области). Ф. 617. Оп. 1. Д. 416.
4. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 6991. Оп. 6. Д. 2467.
5. ОГАЧО (Объединенный государственный архив Челябинской области). Ф. 288. Оп. 201. Д. 419.
6. Текущий архив Совета по делам религий при правительстве Республики Башкортостан. Статистические сведения и переписка по ним за 1978 г.
7. Текущий архив Совета по делам религий при правительстве Республики Башкортостан. Статистические сведения и переписка по ним за 1980 г.
8. ЦДННОО (Центр документации новейшей истории Оренбургской области). Ф. 371. Оп. 97. Д. 94.
9. ЦДННОО. Ф. 371. Оп. 97. Д. 338.

РОЛЬ АРЗАМАССКОГО УЕЗДА В ФОРМИРОВАНИИ ВСЕРОССИЙСКОГО ВНУТРЕННЕГО РЫНКА

Щавелева Марина Борисовна

к.и.н, доцент кафедры теории политики и коммуникации, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород

С середины XVIII в. Арзамасский уезд становится в системе Российского внутреннего рынка заметным экономическим явлением и торгово-транспортным узлом государства. Этому способствовало несколько причин: 1) выгодное географическое положение Арзамаса на перекрестке больших дорог; 2) Арзамас являлся одним из важнейших перевалочных пунктов для товаров знаменитой Макарьевской, а с 1817 г. - Нижегородской ярмарки. По данным документов, к городу сходилось 6 важнейших гужевых трактов - Московский, Нижегородский, Симбирский, Саратовский, Тамбовский и «большая дорога» на Макарьев, а также 4 столбовых дороги - Перевозская, Пензенская, Темниковская, Шацкая [1, л.1]; 3) благоприятное развитие сельского хозяйства, ремесла и промышленности, наличие удобных путей сообщения обусловили высокий уровень развития арзамасской торговли в последней четверти ХУШ - первой половине XIX в. и определили основные её направления. Через Арзамас везли товары из Москвы в города Среднего Поволжья, из Нижнего Новгорода - в южные чернозёмные губернии.

Арзамас занимал 2-е место по уровню развития торговли в Нижегородской губернии. Указом Нижегородского наместничества от 30 сентября 1787 г. было установлено два срока торгов: 1-й - с 9 мая (день Николая Чудотворца), 2-й - с 6 декабря [2, л.29-об], а в Выездной слободе 20 июля собиралась Ильинская ярмарка. Эти торги обычно продолжались 10 дней. Свои базары имели сёла Вад, Собакино, Арать. Два раза в неделю - по понедельникам и пятницам - шумели многолюдные базары и в Арзамасе: на главной Соборной площади, а также на Благовещенской, Сенной и Дровяной площадях. Каждый товар (мясо, мука, калачи) продавался в определённом месте. В щепном ряду продавали деревянные, в гончарном - глиняные изделия, в кузнечном - продукция мастеров по металлу. В 1784 г. в Арзамасе торговыми шалашами и лавками было занято 268 сажень земли [3, л.1].

Кроме базарной существовала ещё одна форма торговли: постоянная (магазинная), получившая особенно широкое распространение в России в последней четверти XVIII - первой половине XIX в.

В Арзамасе действовали хлебные и винные магазины. В 1764 г. «с Нижегородского кружечного двора в Арзамас было отпущено на продажу вина 6030 вёдер» (30 вёдер – «на усушку и утечку») по 8,5 копеек с ведра в 134 бочках. Сопровождали груз: выборный Василий Крестовников и целовальники [4, л.1]. В 1779 г. в распоряжение арзамасской питейной конторы поступило с винокурных заводов: графа И.П. Салтыкова в селе Кудеихе - 6239 вёдер, поручика Б. Огарёва из села Старого Саранского уезда - 1252 ведра, прапорщика М.Я. Сабурова в Шацком уезде - 5000 вёдер, всего 12491 ведро. На продажу в питейные дома и винные магазины было отпущено 7334 ведра [5, л.30]. В 1837 г. в Арзамасе «ввезено 78037 вёдер водки и спирта, потреблено 34764 ведра».

От Соборной площади вниз шли гостиные ряды - целая улица, застроенная постоянными дворами (ныне ул. Кооперативная), их насчитывалось более 120. Для обеспечения приезжих торговцев и купцов всем необходимым в 1837 г. в Арзамасе действовало 4 трактира, 1 харчевня, 10 винных погребов, 13 питейных заведений [6, л.30].

Об основных товарах, продаваемых в Арзамасе в 1837 г., свидетельствуют названия специализированных торговых рядов, а число лавок в каждом из них даёт представление и о размерах торговли: хлебных – 20, с красным товаром – 17, москательных – 12, с конской сбруей – 12, железных – 5, рыбных – 7, мясных – 8, всего – 81. Наибольшее число торговых мест (лавок) было, таким образом, в хлебном и кожевенном рядах.

Последующую динамику изменения числа торговых мест, а также трактиров, гостиниц, харчевен и питейных домов, обслуживающих приезжающих в Арзамас торговцев, отражает таблица 1.

Таблица 1.

Организация деятельности торго (1839-1850 гг.) [7]

год	лавки	трактиры	харчевни	винные погребя	питейные дома	гостиницы
1839	161					
1841		2	1			2
1847	48	6			13	
1850	48	7	3			3

К середине XIX в. число торговых мест сократилось до 48, оставаясь далее более или менее постоянным. В отчёте Городской думы за 1850 г. отмечалось, что «доход от лавок, весов и мер и калачных полок растёт год от года, в особенности в последние три года: от 120 до 200 рублей в год» [8, л.2].

Первые трактиры появились в Арзамасе около 1800 г., когда «торговые дела в городе сильно развились». Ими стали заведения «Монахов», «Чичканов», в течение 60-ти лет содержавшийся крестьянами села Выездной слободы,

«Лопашев», владельцы которого впоследствии прославились своими ресторанами в Нижнем Новгороде и Москве [9, с.147]. Содержание ямских лошадей, кузниц, постоялых дворов, давало доходы многим арзамасцам.

Преимущественное право торговли имело гильдейское купечество. Кроме купцов активную торговлю вели мещане и крестьяне всех категорий. Это право им давало торговое свидетельство, которое можно было получить, уплатив пошлину. По данным арзамасской Городской думы, в 1841 г. было выдано 93 свидетельства на право

торговли [10, л.11-об], а в 1850 г. – 306 [11, л.4], из них: 108 - купцам, мещанам и иногородним, 84 - мещанам на право производства лавочной торговли, 9 - приказчикам, 5 - крестьянам.

Втягивание в торговлю крестьянского хозяйства приводило к расслоению в его среде и выделению зажиточной верхушки. Так, например, в Выездной слободе в первой половине XIX в. проживало около 15 крестьян, торговые обороты каждого из них составляли 20-50 тысяч рублей в год, «другие же были совершенными бедняками» [12, с.85].

При постоянной нужде в размене денег существовало много меняльных лавок. Потребность в них усугублялась тем, что в ходу было много иностранной монеты: талеры, гульден, дублоны. Деньги в случае необходимости брали в долг у купцов и мещан под проценты, 12% годовых считалось приемлемой суммой. Сделки оформлялись векселями.

Арзамас, переживая в последней четверти XVIII - первой половине XIX в., по определению Н.М. Щеголькова, свой «золотой век», занимал настолько важное место в системе внутреннего рынка, что от него в определённой степени зависела торговая конъюнктура. Так, в город свозилось столько льняного масла, что цены сформировавшиеся в Арзамасе, определяли цены на этот продукт и по всей России. Влиял также Арзамас и на ценообразование кожи в стране. Про арзамасского купца говорили от Дона и до Урала: «Он ста товарам цену знает».

Арзамас не только являлся одним из важнейших перевалочных пунктов для товаров Макарьевской, а позднее Нижегородской ярмарки, но и сам был постоянным поставщиком на всероссийское торжище больших партий кожи, мехов, холста, мыла, пряжи, свечей, кожаной и валяной обуви, металлических изделий.

Широкий рынок сбыта имела кожа, особенно, красная юфть, поступающая в Москву, Санкт-Петербург, Астрахань, Черкасск, на Макарьевскую (Нижегородскую) и Урюпинскую ярмарки, а через Москву - за границу [13, с.246]. Поток кожи в Москву и за рубеж был так велик, что арзамасские мастера ставили свои клейма как на русском, так и на немецком языках.

Одним из первых вывез свой товар за границу Дмитрий Иванович Попов. Почти полностью на зарубежье работал кожевенный завод Ивана Алексеевича Попова. Крупными кожевенными торговцами считались Пётр Подсосов, Алексей Подсосов и три брата Бебешины, обороты которых в 1837 г. составили 500000 рублей.

На Макарьевской (Нижегородской) ярмарке арзамасские торговцы из года в год имели свой меховой ряд. Примечателен документ от 13 мая 1847 г. [14, л.1] Это прошение арзамасского купца 3-й гильдии Загрекова., адресованное в контору Нижегородского ярмарочного гостинного двора. До 1846 г. «несколько лет кряду» он занимал в гостинном дворе в пушном ряду лавку «под литерой Б № 46». «В 1846 г., - пишет Загреков, - за пропуском мною срока объявления об отдаче мне лавки по болезни она была отдана елатомскому купцу Девышеву». По причине болезни, таким образом, Загреков не смог до 1 июля подать заявление на участие в ярмарке, по его просьбе это должен был сделать купец Цыбышев, но опоздал, и лавка была отдана.

Данный документ не только подтверждает присутствие арзамасских купцов на Нижегородской ярмарке, но

и даёт наглядное представление о правилах ярмарочного торга.

Широкий сбыт имели меха в городах Среднего Поволжья, на Дону, на Ильинской ярмарке в Полтаве, Успенской и Покровской в Харькове. За «сырым» материалом ездили в Ирбит, Симбирск, Тюмень, Кузнецк и другие сибирские города. Крупным меховым торговцем был Иван Степанович Белоусов из Ямской слободы, скупающий на Ирбитской ярмарке до 600000 разных мехов в год. Братья Сухановы из села Кирилловки ежегодно вывозили на ярмарки до 150000 заячьих шкур. Заячий мех стоил около 6 рублей, овчина - 1-2 рубля, кошка - 4-5 рублей. Беличьи хвосты продавались на вес: за фунт - 120 хвостов - платили обычно рубль, но в некоторые годы цена поднималась до 7 рублей.

Положительное влияние оказал торговый Арзамас на развитие ткачества в Нижегородской губернии, во всём Среднем Поволжье. В XVIII-XIX вв. арзамасские купцы сосредоточили в своих руках огромный торговый холстом, тем самым подняв значение промысла. За год они скупали до 6-7 миллионов аршин холста у сельских ткачей: Саблукова и Озёрки, Петлина и Вазьяна, Крутого Майдана и Щедровки. Средней доброты холст, который тогда называли «рубашкой», купцы сбывали казённому ведомству на обмундирование солдат, другие сорта - тонкий, посконный, мешочный и пестрядь - продавались в частные руки на Макарьевской, а потом и на Нижегородской Ярмарке, на Дону, в Воронеже. Наиболее крупный торговый холстом вели арзамасские купцы А.А. Студенцов и И.Г. Попов.

Арзамасская тесьма из шёлка и шерсти в виде лент и поясов стоила в начале XIX в. 3 рубля за аршин и расходилась разных местах России. Особенно хорошо её покупали в Саратове [9, с.110]. В большом количестве из Арзамаса вывозили на продажу крашенину. В середине XIX в. она стоила 16 рублей за 1000 аршин. Большим спросом у московских модниц пользовались арзамасские вязаные ботинки и полусапожки. Стоимость одноцветных ботинок доходила до 30 копеек, цветных и узорчатых - 90 копеек – 1 рубль.

Через Москву в Арзамас поступали иностранные товары, из Астрахани - рыба и паюсная икра (по 5 алтын за фунт). Н.М. Щегольков отмечает: «Тянулись в зимнюю пору нескончаемые обозы с уральской и астраханской рыбой и икрой; огромных белуг везли часто по одной штуке на паре. Паюсную икру возили даже не в бочках, а просто в пологах, как ... возят на базар рожь и овёс...» [9, с.105].

С начала XIX в. возили в Арзамас на базар гончарную посуду сельские ремесленники Казакова и Забелина. Её охотно покупали не только в Арзамасе, но и в соседних сёлах и городах, особенно широким спросом пользовалась забелинская посуда в селе Богородском.

По данным ответов на анкету Сената 70-х гг. XVIII в., Арзамасская и Алатырская провинции были активными участниками хлебной торговли. Хлеб отсюда поступал через Муром в центральный район. Основным поставщиком хлеба, а также сельских технических продуктов - льна и пеньки - было крестьянство.

Сведения отчёта арзамасской городской полиции за 1837 г. дают представление о объёме привоза и средних торговых ценах на сельскохозяйственную продукцию в Арзамасе: куль пшеничной муки стоил 18 руб. 79 коп., ржаной – 6 руб. 21 коп. [15, л.28-29] В рапорте городской

полицей за 1841 г. отмечается: «... Жители города довольствуются хлебом, покупаемым у приезжающих из разных селений, в продовольствии нужды не имеют».

В первой половине XIX в. за пределы Арзамасского уезда вывозился лук и продукция животноводства. В отчете городской полиции за 1837 г. отмечается наличие в городе «обширной торговли ордынскими баранами из Оренбурга, салом, вытапливаемым и з оных» [16, л.29-об]. В середине XIX в. Арзамасский уезд был одним из двух пунктов, откуда скот шел на продажу в Москву и Нижний Новгород.

По данным на 1859 г., в Арзамасском уезде свои ярмарки и базы имели следующие селения: сёла Чуфарово, Смирново, Собакино, Измайлово, Выездная слобода, Вад.

Во второй половине XIX в. грузопоток товаров, следующих через Арзамас, постепенно уменьшается. Это было связано с тем, что в 1843 г. учреждено «Высочайше утверждённое общество пароходства на Волге», а в 1862 г. открылась Московско-Нижегородская железная дорога. Позднее железнодорожные пути были проложены до Саратова, Сызрани и Оренбурга. Речные и железнодорожные пути для перевозки товаров на Нижегородскую ярмарку обошли Арзамас, иссякли бесчисленные обозы на бойких прежде трактах, что повлекло за собой снижение торговых оборотов и доходов, исчезновение некоторых промыслов и ремёсел, сокращение числа постоянных дворов и лавок.

Список литературы:

1. ЦАНО, ф.829, оп.676-а, д.9.
2. ЦАНО, ф.61, оп.216, д.8.
3. ЦАНО, ф.829, оп.676-а, д.129.
4. ЦАНО, ф.4, оп.1-а, д.1600.
5. ЦАНО, ф.2152, оп.1, д.1.
6. ЦАНО, ф.61, оп.216, д.8.
7. Комягин Ю. Полтора века назад// Арзамасская правда. 1989. 15 июля; ЦАНО, ф.2, оп.4, д.897; Арзамас// Нижегородские губернские ведомости. 1847. 6 августа.
8. ЦАНО, ф.1418, оп.1, д.3.
9. Щегольков Н.М. Исторические сведения о городе Арзамасе. Арзамас: тип. Н. Доброхотова, 1911.
10. ЦАНО, ф.2, оп.4, д.897.
11. ЦАНО, ф.1418, оп.1, д.3.
12. Туган-Барановский М. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1926. Т.1.
13. Описание делам Нижегородского наместничества...// Действия НГУАК. Нижний Новгород, 1898. Т.3.
14. ЦАНО, ф.2, оп.4, д.1488.
15. ЦАНО, ф.61, оп.216, д.8.
16. ЦАНО, ф.61, оп.21, д.8.

ПРОЯВЛЕНИЯ КОРРУПЦИИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ И В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

Шульга Марина Михайловна

Канд. ист. наук, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление» Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Смоленск

Становление и развитие российского государства происходило гораздо позже, чем в Европе. Многие историки и правоведы сходятся в мысли о том, что временем создания российского государства необходимо считать IX в.

Но неужели сразу с возникновением государственности на Руси появилось и такое опасное явление как коррупция? Сказать, что коррупции не существовало как таковой, значит пойти против исторической истины, так как еще славянские племена до объединения в единое государство в 882 году практиковали подношения как языческим богам, так и волхвам, которые были призваны служить культу. Таким образом, коррупционная составляющая была в те времена еще слишком мала.

Первым крупным фактом проявления коррупции непосредственно на Руси можно считать восстание древлян против князя Игоря, в результате которого князь и был убит в 945 г. Восстание было вызвано тем, что Игорь решил взять с древлян дань дважды, посчитав, что во время первого сбора население утаило большую часть. Для того чтобы подобные явления не происходили в будущем, его вдова, княгиня Ольга провела первую реформу, которая упорядочила сбор дани. Она установила уроки – фиксированный размер дани, а также погосты – определенные места для сбора дани. Но даже эти меры не смогли удержать древнерусское государство от сползания в пропасть коррупции. Территория Руси увеличивалась достаточно

быстрыми темпами, и князь уже не мог единолично управлять всей страной, поэтому на места отправлялись наместники князя – «мужи свои». Именно они и занимались организацией управления на местах, но так как либо жалование им не выплачивалось совсем, либо было слишком мало, наместники стали брать деньги за совершение определенных операций (составление жалоб, судебные тяжбы и т.д.).

Первым юридическим закреплением содержания княжеских чиновников за счет местного населения является «Русская правда». В ст. 42 идет речь о содержании вирника – сборщика виры в пользу князя. Таким образом, уже в XI в. появляются документы, которые узаконивают мздоимство.

42. А вот вирный устав: вирнику взять на неделю 7 ведер солоду, также барана или полтуши мяса, или 2 ногаты, а в среду резану за три сыра, в пятницу так же; а хлеба и пшена, сколько смогут съесть, а кур по две на день. А 4 коня поставить и давать им корма сколько смогут съесть. А вирнику взять 60 гривен и 10 резан и 12 вершиц, а сперва гривну. А если случится пост – давать вирнику рыбу, и взять ему за рыбу 7 резан. Всех тех денег 15 кун за неделю, а муки давать сколько смогут съесть, пока вирники соберут виры. Вот тебе устав Ярослава. [3]

С началом периода феодальной раздробленности на Руси были предприняты попытки ограничить коррупцию. Но теперь это сделать было гораздо труднее, так как не

было общего координирующего центра. Киев не мог считаться реальной политической силой, так как из-за постоянных войн за княжеский престол совершенно ослаб, к тому же на политической арене появились другие, более сильные и авторитетные игроки, такие как Ростово-Суздальские или Галицко-Волинские князья.

Особый интерес в это период вызывает Новгородская земля, так как только там была предпринята попытка ограничить княжескую власть и ввести системы сдержек и противовесов для всей системы управления. В новгородской земле князь являлся лишь военачальником, которого на княжение приглашало народное собрание – вече и заключало с ним договор, по которому обе стороны обязывались исполнять взятые на себя обязательства. Князь должен был «держатъ Новгород в старине, без обиды», защищать от врагов, не начинать войны без разрешения веча, судить только вместе с посадником и не заводить на территории республики земельных владений. В случае нарушения князем принятых обязательств вече «указывало дорогу» князю из Новгорода, т. е. изгоняло его [1].

Система управления Новгородскими землями является уникальной не только для истории нашего государства, но и для всей средневековой истории. Большую роль в жизни республики играло вече. Формально оно являлось носителем верховной власти: разрешало вопросы войны и мира, заключало договоры с князьями, выбирало должностных лиц, осуществляло многие вопросы внутренней политики: выдавало жалованные и иммунитетные грамоты, утверждало уставы и законы. Решения веча оформлялись в особой канцелярии — «вечевой избе», возглавляемой вечевым дьяком. Здесь же находилась и печать «великого Новгорода».

Новгородская республика была феодальной, власть в ней принадлежала боярской верхушке. Всемогущим органом боярства был феодальный совет «господ», а председателем его был архиепископ — крупнейший феодал, хранитель государственной казны. Совет «господ» заседал в покоях архиепископа на Софийской стороне. Это был весьма многочисленный орган (число членов совета достигало 300 человек). В состав совета входили князь, степенные, (т. е. находящиеся в данное время в должности и выступающие на вече с помоста — «степени») и старые (бывшие ранее в этой должности) посадники и тысяцкие и наиболее знатные бояре; иногда приглашались низшие должностные лица. Совет «господ» подготавливал повестку вечевых заседаний, разрабатывал меры воздействия на решения веча, осуществлял контроль за должностными лицами республики. Фактически «совет господ», а не вече являлся высшим государственным органом республики.

Исполнительную власть осуществляли посадник и тысяцкий. Посадник избирался вече на длительное время из бояр. За 1126—1400 гг. было выбрано 275 посадников примерно из 40 наиболее могущественных боярских фамилий. [4] Посадник созывал вече, открывал его заседание и исполнял его решения. Кроме того, посадник руководил внешними сношениями, контролировал действия князя, осуществлял судебные функции. Ближайшим помощником посадника был тысяцкий — предводитель городского ополчения, а в мирное время осуществлявший полицейский надзор за порядком в городе. Кроме этого в обязанности тысяцкого входило заведование судом по торговым делам, а также сбор налогов.

В Новгороде существовали и другие должностные лица — во главе «концов» Новгорода стояли кончанские старосты, а во главе улиц — уличанские старосты, которые выбирались на соответствующих (кончанских и уличанских) собраниях. В пригороды, пятины и «колонии» республика назначала посадников из новгородских или местных бояр. Вместе со своими помощниками они «кормились» за счет населения.

Остальные княжества, которые образовались в результате раздробления Древнерусского государства, пошли по пути укрепления княжеской власти, которая из выборной превратилась в наследственную. Большинство чиновников князя стало назначаться лично князем, минуя выборность, тем самым происходит отрыв управленцев от простого народа и увеличивается их зависимость от князя.

Татаро-монгольское нашествие, а также последовавшая за этим зависимость Руси от Золотой Орды, дали мощный толчок для развития коррупции в русских землях. Вечевые сходы почти полностью прекратили свое существование, а княжеская власть попала в зависимость от желаний ханов.

Русские княжества сохранили свою государственность, церковь и администрацию, но вынуждены были уплачивать подати, сбор которых поручался одному из князей. Это поручение закреплялось выдачей ханского «ярлыка» - особой грамоты, удостоверявшей право на княжение. Получение ярлыка как бы давало право на титул великого князя и политическую и военную поддержку со стороны Орды. Эту ситуацию умело использовали некоторые русские князья, чтобы усилить свою роль и влияние на другие княжества. Дани и поборы, подсчет населения, карательные и полицейские функции на территории русских княжеств осуществляли баскаки. От их расположения зависело, получит ли русский князь ярлык на свое княжение или нет. За ярлыком надо было ехать в Сарай — столицу Золотой Орды, ехать туда без подарков хану, его чиновникам, было нельзя. Фактически эти подарки были взятками, и такая практика стала нормой. Все хорошо понимали, что чем дороже и больше подарков привезет князь в Орду, тем больше шанс, что его просьба будет решена положительно, особенно, если речь шла о получении ярлыка на Великое княжение, сначала Киевское, а впоследствии Владимирское. Большую роль при решении вопроса о получении ярлыка играло и то, сколько денег обещал платить Орде претендент, это называлось уплатить ордынский выход. Таким образом, возникла ситуация, при которой для получения и реализации властных полномочий надо было платить. Князь и его окружение, вынужденные постоянно возить подарки в Орду, стали воспринимать это как норму, а, как правило, люди, вынужденные делать подарки, сами не возражают против того, чтобы их получать. Система подношения дорогих подарков тем, кто был облечен властными полномочиями, превратилась в обязательное правило, и воспринималось уже не как вид взятки, а как своего рода проявление знака уважения [2, с. 150-172].

Одним из примеров толерантного отношения русских князей к выплате дани и дорогих подарков Орде стало княжение Александра Ярославича Невского, который лично отвозил дань в столицу – Сарай. Александр Невский считал, что зависимость от Орды намного лучше зависимости от католической Европы, так как ханы не заставляли русских принимать их религию – ислам и крайне терпимо относились к русской православной церкви. Они

даже освободили ее от уплаты дани и разрешили строительство православных приходов на территории Сарай Бату.

Список литературы:

1. Андреев В.Ф. Очерки истории средневекового Новгорода. Северный страж Руси. URL: <http://www.bibliotekar.ru/rusNovgStrazh/3.htm> (дата обращения 12.04.2012).
2. Кузовков Ю.В. История коррупции в России. М.: Издательство Аним-Пресс, 2010. – Т.1. – 632 с.
3. Русская правда. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1000dok/pravda72.php> (дата обращения 02.04.2012).
4. Ярославцев В.В. Становление и развитие муниципальной демократии в России. URL: <http://www.fpa.su/istoriya-gosudarstva-i-prava-rossiya-i-zarubezhe/stanovlenie-i-razvitie-munitsipalnoy-demokratii-v-rossii-v-v-yaroslavtsev.html> (дата обращения 12.04.2012).

РАЦИОНАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОВЕРХНОСТНЫХ ВОД В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Тавасиев Владимир Хасанович

Канд. истор. наук, доцент кафедры геоэкологии и устойчивого развития, г. Владикавказ

Вопросы охраны и рационального использования водных ресурсов в настоящее время приобрели большое народно-хозяйственное и социальное значение в связи с острым дефицитом пресной воды. Определение проблемы в этом направлении существуют и в Северной Осетии. Располагая сравнительно большими запасами качественных пресных вод, мы подчас расточительно расходует их и часто загрязняем сточными водами и другими отходами производства и потребления [2].

Территория Северной Осетии, за исключением северной части относится к «водонасыщенным» районам Северного Кавказа. Наиболее возвышенные части гор покрыты вечными снегами и ледниками, дающими начало основным рекам. Оледенение благоприятствует многоводности рек в летний период и влияет на их водный режим. Воды большинства рек отличаются высоким качеством, мало минерализованы и мягки, что очень важно для использования их в народном хозяйстве. Для развития почти всех видов отдыха важной предпосылкой является также чистота воды. Территория республики обладает значительными запасами подземных вод. Особую ценность представляет целебные минеральные и термальные воды, что создает благоприятные условия для развития бальнеологических курортов, а также создания крупного тепличного хозяйства.

Реки. На территории республики протекает много рек, которые являются составными частями основной водной артерии р.Терек [1].

По характеру гидрографической сети территорию Северной Осетии принято делить на три зоны.

1. Южная, высокогорная зона, представляющая густую сеть высокогорных притоков основных горных рек. Наиболее крупными из них являются Караугомдон, Сонгутидон, Хазнидон в бассейне р.Урух; Нардон, Зарамагдон, Закадон, Цейдон, Садон, Бадзон в бассейне р.Ардон; Геналдон в бассейне р.Гизельдон. Эта зона высокого стока – более 10 л/с с 1 км² в средний год.
2. Центральная зона, занимающая Северо-Осетинскую наклонную равнину, представлена устьевыми участками основных горных и, предгорных рек, а также малыми реками, стекающими с северных склонов Скалистого хребта. Эта зона невысокого стока – 3-10 л/с с 1 км² в средний год.

3. Северная степная зона характерна полным отсутствием гидрографической сети и малым стоком – менее 3 л/с с 1 км² в средний год. Небольшие ручьи этой зоны наполняются водой лишь в период весеннего таяния снега и во время редких ливневых дождей. Эта зона представлена средним течением Терека и искусственными каналами.

Речная сеть Северной Осетии принадлежит к бассейну р.Терек. Для Терека характерно асимметричное строение бассейна, которое объясняется особенностями рельефа. Почти все его притоки впадают в него слева. Общий план речной сети подчинен структурным особенностям рельефа Центрального Кавказа. Преобладает поперечное (субмеридиальное) направление главных речных долин, секущих выкrest продольные структуры и иногда контролируемых поперечными разломами. Густота речной сети меняется в широких пределах. Наиболее слабо она развита на равнинной части территории, где, может достигать 0,1 км/км² с повышением местности увеличивается густота речной сети, достигая бассейне Ардона 1,15 км/км² [3]. Различное развитие гидрографической сети связано в первую очередь с разнообразными климатическими условиями. Кроме того, значительное влияние в развитие и характер гидрографической сети оказывают геологическое строение и гидрогеология района. Особенно это проявляется в районах распространения карста. Для водного режима рек высокогорного пояса характерно наличие весьма длительного летнего половодья снеголедникового происхождения, которое продолжается в течение всего теплого периода года. Летнее половодье создается таянием снега на высотах более 2600-2800 м и до границы снеговой линии, которая на Центральном Кавказе располагается на высоте 3500 м. Режим летнего таяния регулируется вторжением холодного воздуха. При его вторжениях таяние в верхних зонах временно прекращается или сильно замедляется и половодье спадает. Если же длительное время не наблюдается существенных вторжений воздух постепенно прогревается до больших высот и в процесс таяния последовательно включаются снега верхних зон и ледники. Это усиливает нарастание половодья на реках. Колебания уровня имеют не только сезонный, но и суточный характер [5].

Озера, водохранилища, пруды и болота. В Северной Осетии мало озер. В пределах Сунженского хребта

два озера. Одно из них – Хурикау – расположено на северных склонах Сунженского хребта в 10 км северо-восточнее селения Хурикау. Это самый большой естественный водоем республики. Озеро имеет длину до 1 км, ширину до 300 м. Уровень его колеблется в зависимости от количества осадков. Наибольшая глубина 3 м. Берега и протока, по которому происходит сток, покрыты густыми зарослями тростника. В них гнездятся водоплавающие птицы, некоторые из них редкие для Северной Осетии. Второе озеро — Заманкульское находится на южных склонах хребта близ селения Заманкул. Для озера также характерно колебания уровня. Открытие вблизи с.Заманкул минеральных вод открывает перспективу создания здесь курорта и озеро можно использовать для рекреации. В горной части встречаются озера, которые обязаны своим происхождением ледникам. В понижениях, отгороженных ледником или его мореной, могут образовываться небольшие по площади озера. Примером может служить озеро Микелай у Караугомского ледника.

В республике гораздо больше искусственных водоемов-водохранилищ и прудов. Крупное водохранилище было возведено у Гизельдонской ГЭС. Вначале оно было сезонного регулирования. Накопленная летом вода равномерно расходовалась зимой. Но постепенно водохранилище заиливалось осадками р.Гизельдон и теперь стало только суточного регулирования.

Беканское водохранилище создано на месте разгрузки подземных вод, в виде крупных родников, выходящих в этом районе на дневную поверхность.

В дальнейшем около ряда селений были построены пруды, главным образом для рыборазведения их площадь более 200 га. Особенно крупные пруды созданы у селения Карджин. В долинах рек Гизельдон, Майрамадаг, Фиадон и др. созданы водохранилища у баз отдыха.

В Моздокском районе и в Цальке создаются пруды-наполнители, для нужд мелиорации. Их площадь 65 м² и 275 м² [7].

Болота в республике также занимают незначительную площадь. Наиболее крупным болотом является Тарское. Оно расположено в 2 км к западу от одноименного селения. Его площадь 25 га. По характеру растительности и торфяных залежей оно относится к переходному (мезотрофному) типу.

Заболоченностью и переувлажненностью земель отличалось урочище Туатце, оно в значительной степени осушено. Но и сейчас в республике более 30 тыс.га заболоченных и переувлажненных земель [3].

Чтобы удовлетворить потребности населения в рыбной продукции в последние годы в Северной Осетии широкое развитие получило прудовое рыбоводство как товарное, так и любительское. Важнейшими химическими факторами биологической продуктивности рыбоводческих прудов являются биогенные элементы, присутствующие в водах в форме неорганических и органических соединений [9].

Общее водоотведение составляет 143 млн.м³. Из них в поверхностные водные объекты сбрасывается 139,7 млн.м³, а на рельеф местности – 3,9 млн.м³.

На территории республики расположено 33 поста наблюдения за состоянием качества воды в реках. Наиболее значительное загрязнение окружающей среды при сбросе сточных вод происходит за счет хлоридов, органических взвешенных веществ, азота аммонийного [8].

Основными источниками загрязнения поверхностных вод являются предприятия цветной металлургии, жилищно-коммунальное и сельское хозяйства, пищевая и перерабатывающая промышленность. Особенно опасны залповые сбросы крупных предприятий, а также неудовлетворительная работа очистных сооружений ЖКХ республики.

Из всех промышленных предприятий наиболее весомый «вклад» в загрязнение водоемов вносит завод «Электроцинк». В его стоках содержатся цинк, свинец, медь, железо, мышьяк, нефтепродукты. Вслед за заводом «Электроцинк» свои сточные воды в р.Камбилеевка сбрасывают заводы «Победит», «Газоаппарат», некоторые транспортные предприятия.

Большой вред животному и растительному миру р.Терек наносят заводы паточный, сырого крахмала, кристаллической глюкозы и экстрактивный цех Бесланского маисового комбината, которые сбрасывают свыше 16 тыс.м³ сточных вод с растворимыми в них углеводами, белками, жирами, глютенном и сернистым ангидритом, а также микроэлементами [8].

Значительный вред наносят ядохимикаты и минеральные удобрения. И это чаще всего происходит в результате грубого нарушения правил хранения, транспортировки и применения их.

Воды рек Северной Осетии принимают на себя большой объем загрязненных сточных вод. Особенно заметному загрязнению подвергаются реки Камбилеевка, Терек и Ардон, поскольку в бассейнах их расположены наиболее крупные города и промышленные предприятия республики. В связи с гидрологическими особенностями 2011 года в период паводков, наблюдалось снижение концентрации практически всех загрязняющих веществ, в особенности металлов.

Основными загрязнителями водных ресурсов традиционно принято считать промышленные, жилищно-коммунальные объекты и сельское хозяйство. Остается также нерешенной проблема охраны водных объектов от загрязнений промышленными предприятиями и коммунальным хозяйством. Среднегодовой сброс стоков в водные объекты с различной степенью загрязненности, включая стоки очистных сооружений, составляет 166,2 млн.м³, из них 60% объема приходится на стоки г.Владикавказ. Из 12,1 млн.м³ приходится на коммунальное хозяйство города [6].

Водосбор р.Ардон от истока до с.Зинцар занимает обширную территорию с развитой гидрографической сетью и представляет сугубо горный ландшафт. Основными источниками загрязнения в этой зоне водосбора являются: хозяйственно-бытовые стоки шахтерских поселков, производственные стоки Мизурской обогатительной фабрики с хвостохранилищем, шахтные воды и стоки курорта «Цей». К естественным загрязнителям можно отнести и большое количество выходов минеральных источников. Это существенно влияет на химический состав воды р.Ардон. Обследование Згидского, Садонского, Буронского и Холстинского рудников показало, что минерализация шахтных вод колеблется в широких пределах — от 246,3 до 1297,7 мг/л. Влияние шахтных вод на минерализацию речных незначительно, так как вода из шахт не выкачивается систематически. Вода скапливается постепенно, собираясь в специальные зумпфы. На водосборе р.Ардон основными загрязнителями речных вод являются

сельскохозяйственные объекты. Превалирующие ингредиенты: растворенный кислород, ВПК, азот аммония, азот нитратов, медь, нефтепродукты [7].

В связи с острым дефицитом пресной воды вопросы охраны и рационального использования водных ресурсов в настоящее время приобрели большое народнохозяйственное и социальное значение. В республике за последние 10-15 лет проведены огромные работы по строительству водоохраных и водосберегающих объектов [9].

В целях охраны и рациональному использованию водных ресурсов весьма важно осуществить в республике следующие мероприятия:

1. Хозяйственным организациям, колхозам и совхозам запретить ввод в эксплуатацию новых и реконструированных предприятий, цехов, агрегатов, коммунальных и других объектов, не обеспеченных соответствующими водоохраными сооружениями.
2. Более активно применять оборотное водоснабжение, при котором сточные воды после соответствующей обработки вновь могут быть использованы на данном предприятии, циркулируя в замкнутой системе.
3. Резко повысить эффективность работ очистных сооружений промышленных и сельскохозяйственных предприятий, транспортных организаций, колхозов, совхозов республики. Обеспечить доведение качества очистных вод до установленной нормы.
4. Для резкого уменьшения загрязнения водоемов республики и, прежде всего Терека, Камбилеевки и Ардона, необходимо создать соответствующим предприятиям наиболее благоприятные условия для смешивания сбрасываемых сточных вод с водами рек с тем, чтобы обеспечить правильное использование естественной возможности водоемов к самоочищению.

Охрана и улучшение водной среды, рационализация водопользования должны быть направлены, прежде всего, на создание условий для экономического роста и повышения эффективности общественного производства, а также быта населения, сохранения и улучшения природного потенциала.

Список литературы

1. Абаев С.М., Басаев Б.Б. Водные ресурсы Северной Осетии и их использование. Орджоникидзе: Ир, 1985. – 83 с.
2. Будун А.С. Природа, природные ресурсы Северной Осетии и их охрана. Владикавказ: РИО, 1994. – 254 с.
3. Варданянц Л.А. Горная Осетия в системе Центрального Кавказа. М.: Госгеологиздат, 1935. – 213 с.
4. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды России в 2009 году». Москва, 2010. – 571 с.
5. Макоев Х.Х., Тавасиев В.Х. Экологические проблемы г.Владикавказ и поселков городского типа в Северной Осетии// Общ.-науч. журнал «Экология урбанизированных территорий», Москва, Издат. дом «Камертон», №4, 2009. С.19-24.
6. О состоянии и об охране окружающей среды и природных ресурсов РСО-А в 2011 году. Государственный доклад. Владикавказ, 2011. – 144 с.
7. Тавасиев В.Х., Тавасиев Г.В. Рациональное использование подземных пресных вод в Республике Северная Осетия-Алания// Материалы за 9-а международна научна практична конференция, «Новината за напреднали наука». – София, 2013. Том 48, Экология. – С.35-39.
8. Тавасиев В.Х., Тебиева Д.И. Вторичное использование горнопромышленных отходов в решении экологических проблем РСО-Алания// Проблемы природопользования и экологическая ситуация в европейской России и сопредельных странах: Материалы V Международной научной конференции 28-31 октября 2013 г. – М.; Белгород: Константа, 2013. – С.393-395.
9. Тавасиев В.Х., Тавасиев Г.В. Проблемы охраны поверхностных вод в Республике Северная Осетия-Алания// Materialy IX Miedzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji «Wschodnie partnerstwo – 2013» Volume 26. Ekologia.: Przemysl. Nauka I studia – str.85-90.
10. Экологическая обстановка в РСО-А в 2010 г. — Владикавказ: Госкомстат РСО-А, 2011, 23 с.

ⁱ 343. Письмо временного поверенного в делах Израиля в СССР З.Аргамана Директору Восточноевропейского Департамента МИД Израиля А ЛЕВАВИ 8 января 1951 г.

ⁱⁱ 245. Аналитическая записка советника Миссии Израиля в СССР А.Левави «Глобальная политика и Израиль» 6 июня 1949 г. Секретно

ⁱⁱⁱ 349. Письмо советника постоянного представительства Израиля при ООН Г.Рафаэля Послу Израиля в США, постоянному представителю Израиля при ООН А.Эбану, В Вашингтон 7 марта 1951 г

^{iv} 348. Телеграмма Посланника СССР в Израиле П.И.Ершова в МИД СССР 5 марта 1951г.

^v U.S. and Israel Discuss Middle East Defense Organization October 18, 1951 Read more: <http://www.jta.org/1951/10/18/archive/u-s-and-israel-discuss-middle-east-defense-organization#ixzz2W6lTmF2x>

^{vi} № 92 Телеграмма Посланника СССР В Израиле П.И. Ершова В МИД СССР 29 ноября 1951 г.

^{vii} 356. Справка Отдела стран Ближнего и Среднего Востока МИД СССР «К советско-израильским переговорам о передаче "русского имущества" в Израиле Советскому Союзу» 8 мая 1951 г. Секретно

^{viii} Телеграмма директора Восточноевропейского департамента МИД Израиля АЛевави Посланнику Израиля в СССР М.Намиру 13 октября 1950 г

- ^{ix} 53. Справка Ближневосточного Отдела НКВД СССР 20 октября 1945 г. Секретно
- ^x 441. Письмо заведующего отделом стран Ближнего и Среднего Востока МИД СССР С.Т.Базарова Посланнику СССР в Израиле П.И.Ершову 15 января 1953 г. Секретно
- ^{xi} 368. Завись Беседы Первого Заместителя Министра Иностраных Дел СССР А.А. Громыко с Посланником Израиля В СССР Ш.Эльязишом 17 июля 1951 г. Секретно
- ^{xii} 272. Телеграмма министра иностранных дел Израиля М.Шаретта Посланнику Израиля в СССР М.Намиру 5 октября 1949 г.
- ^{xiii} 273. Телеграмма Посланника Израиля в СССР М.Намира министру иностранных дел Израиля М.Шаретту 21 октября 1949 г.
- ^{xiv} 402. Телеграмма Посланника СССР в Израиле П.Ершова в МИД СССР 21 марта 1952 г.
- ^{xv} 324. Выступления Посланника Израиля в Чехословакии и Венгрии Ш.Эльязиша на совещании дипломатических представителей Израиля в Тель-Авиве 7-2 июля 1950 г.
- ^{xvi} 282. Справка атташе миссии СССР в Израиле М.П.Попова «Антисоветская пропаганда в израильской печати» 7 декабря 1949 г. секретно
- ^{xvii} 304. Из «Отчета Миссии СССР в государстве Израиль за период с образования государства в мае 1948 г. по декабрь 1949 г.» 10 марта 1950 г. Секретно
- ^{xviii} Там же
- ^{xix} 245. Аналитическая записка советника Миссии Израиля в СССР А.Левави «Глобальная политика и Израиль» 6 июня 1949 г. Секретно с курьером
- ^{xx} 466. Телеграмма делегации Израиля на седьмой сессии Генеральной Ассамблеи ООН в МИД Израиля 25 апреля 1953 г. Секретно
- ^{xxi} В. И. Ленин (Ульянов), «Мобилизация реакционных сил и наши задачи», № 41 "Искры". перепечатано из IV тома Собрания сочинений (М., 1924. С. 213-220). Цит. по Сборник статей Ленин–русские -евреи... М., 1996, стр. 40-48. URL: <http://prometej.info/new/history/1878-pogrom.html>
- ^{xxii} Кошаровский Ю. Мы снова евреи. Очерки по истории сионистского движения в СССР. Иерусалим, 2007. Т. 1.
- ^{xxiii} Михаил Агурский. Израильский советолог о русском Движении Панорама №7, Август 1989 г. <http://www.panorama.ru/gazeta/1-30/p07agu.html>
- ^{xxiv} Кожин В. Сионизм М. Агурского и международный сионизм, Журнал "Самиздат". URL: http://samlib.ru/k/kot_b/sionism.shtml
- ^{xxv} Территориализм и сионизм – две стороны одной медали.. URL: <http://www.yazib.org/yb050302.html>
- ^{xxvi} Кожин В. Указ. соч.
- ^{xxvii} 272. Телеграмма министра иностранных дел Израиля М.Шаретта Посланнику Израиля в СССР М.Намиру 5 октября 1949 г.
- ^{xxviii} Документ №1 Решение политбюро ЦК ВКП (б) о закрытии ЕАК 20. 11.1948 Строго секретно. Особая папка 81. <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/78>
- ^{xxix} Дело Еврейского Антифашистского Комитета Документ №4. Из протокола допроса Гофштейна Д. Н. 12.01.1949. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/81>
- ^{xxx} Люкс Л. Еврейский вопрос в политике Сталина //Вопросы истории. 1999. №7. С. 50
- ^{xxxi} Говрин Йосеф. Израильско-советские отношения. 1953-1967. — М., 1994, с. 10, 11
- ^{xxxii} Там же С. 72
- ^{xxxiii} 412. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Израиле А.Абрамова в МИД СССР 13 июня 1952 г.
- ^{xxxiv} Там же
- ^{xxxv} 454. Письмо Посланника Израиля в СССР Ш. Эльязиша в МИД Израиля 10 февраля 1953 г. Сов. секретно
- ^{xxxvi} 448. Отчет о работе отдела Ближнего и Среднего Востока ВОКС по Израилю январь- февраль 1 953 г. Секретно
- ^{xxxvii} 438. Телеграмма Посла Израиля в США, Постоянного Представителя Израиля при ООН А.Эбана в МИД Израиля 5 января 1953 г.
- ^{xxxviii} 445. Телеграмма Посланника Израиля в СССР Ш. Эльязиша В МИД Израиля 28 января 1953 г.
- ^{xxxix} 440. Циркулярная телеграмма генерального Директора МИД Израиля У.Эйтана дипломатическим представителям Израиля в западных странах и Югославии 14 января 1953
- ^{xl} 428. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Израиле А.Абрамова в МИД СССР 19 октября 1952 г.
- ^{xli} 455. Нота Правительства СССР Правительству Израиля 11 февраля 1953 г